

18.525к

и
ИВВ

А. Поликанов
А. Орлов

Очерк
ПОЭЗИИ
ТЕКСТИЛЬНОГО
КРАЯ

ИВВ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

9.09. 2 мес

А Поликанов А. Орлов

Очерк
ПОЭЗИИ
ТЕКСТИЛЬНОГО
КРАЯ

с 90-х годов XIX в. до наших дней

ИВАНОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1959

89678С II
94 -- 2010

Кр. - 18.525

8р
п 50

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
В пролетарском строю	7
На фронтах революции и великой стройки	41
Дорогами боев и труда	105

Поликанов Александр Андреевич, Орлов Александр Иванович.

ОЧЕРК ПОЭЗИИ ТЕКСТИЛЬНОГО КРАЯ.

Редактор *Л. П. Жак*. Художник *М. В. Годлева*.
Художественный редактор *В. А. Орлов*.
Технический редактор *А. И. Панкратов*.
Корректоры *Н. А. Смирнова, А. Н. Гангрская*.

Сдано в набор 25/IV-1959 г. Подписано к печати 25/VII-1959 г. Бумага 84X108^{1/2} —
4,625 печ. л., 7,58 усл. печ. л., 7,10 уч изд. л. Тир: ж 2000 экз. КЕ—06393

ИВАНОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, г. Иваново, Крутицкая, 9.

Ивановская областная типография, г. Иваново, Типографская, 6.

Заказ 1578.

Цена 2 р. 85 к.

ВВЕДЕНИЕ

Иваново с прилегающими к нему городами и районами занимает виднейшее место в истории революционного рабочего движения, в развитии социалистической экономики и культуры нашей Родины. Издавна иваново-вознесенские ткачи, жестоко угнетавшиеся фабрикантами, восставали на борьбу, действуя сплоченно и организовано. Возникший в ходе летней стачки иваново-вознесенского пролетариата в 1905 году Совет уполномоченных был одним из первых Советов рабочих депутатов в России, зародышем и предвестием той великой народной власти, которая утвердилась во всей стране в Октябре 1917 года.

В авангарде борьбы за новую жизнь, плечом к плечу с рабочими Москвы и Петрограда шли ивановские ткачи во время Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. «...Пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский, — отмечал В. И. Ленин, — ...доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции»¹.

На самых ответственных участках, всюду, где решались судьбы революции и социалистического отечества,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 487.

можно было увидеть отряды ивановских ткачей или представителей их большевистской партийной организации. Их видели и на штурме Московского Кремля, отбиваемого от юнкеров в огненные дни борьбы за советскую власть, и в знаменитой Чапаевской дивизии, и на Туркестанском фронте, и в других местах, где кипела борьба. «Иваново-вознесенские, питерские и московские рабочие перенесли за эти два года столько, сколько никогда не переносил никто другой в борьбе на красных фронтах»,¹ — указывал В. И. Ленин.

И в годы восстановления и реконструкции народного хозяйства, в годы пятилеток и Великой Отечественной войны, и в начавшийся период развернутого строительства коммунизма ивановцы, верные своим славным революционным традициям, остаются в первых рядах борцов за новую жизнь.

Не только вдохновенным трудом своих людей на фабриках, заводах и колхозных полях и их героической борьбой на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн славен ивановский текстильный край.

Поэты и прозаики-ивановцы внесли немалый вклад в дело развития советской культуры, не в малой степени содействовали росту советской художественной литературы. Широко известно творчество Д. Фурманова, М. Артамонова, А. Благова, Д. Семеновского, М. Дудина, В. Полторацкого, А. Васильева, М. Шошина и многих других литераторов-ивановцев, никогда не порывавших живых связей с родным краем.

Недаром к творчеству ивановских литераторов проявляли интерес В. И. Ленин и А. М. Горький. А. М. Горький состоял в переписке со многими писателями г. Иванова и ценил их произведения. О поэтах-ивановцах В. И. Ленин в записке библиотекарю Кремля 28 января 1921 г. писал:

«Прошу достать (комплект) *Рабочий край* в Ив.-Вознесенске.

(Кружок *настоящих* пролетарских поэтов).

Хвалит Горький

Жижин

Артамонов

Семеновский²

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 465.

² В. И. Ленин и А. М. Горький. М., издательство Академии наук СССР, стр. 167.

Творчество некоторых ивановских поэтов было замечено крупными русскими и советскими писателями. О стихах Д. Семеновского сохранились положительные отзывы А. М. Горького и А. Блока, о книге стихов А. Благова — Э. Багрицкого. Стихи ивановского поэта-революционера А. Ноздрина высоко ценил В. Брюсов.

Труд и борьба ивановских текстильщиков, их дела и мечты, думы и чаяния отразились во многих художественных произведениях, созданных прозаиками и поэтами текстильного края.

Литература пролетарского Иванова начиналась с поэзии. В разное время до революции появились стихи А. Ноздрина, И. Назарова, Р. Семенчикова, М. Артамонова, А. Благова, Д. Семеновского, стоящих у истоков ранней пролетарской поэзии. Со стихов и очерков начал свой творческий путь Д. Фурманов. В годы строительства социализма и в период Великой Отечественной войны своими стихами завоевали широкую известность, кроме А. Благова и Д. Семеновского, В. Полторацкий, М. Дудин, А. Лебедев и многие другие.

Поэтическое творчество ивановцев сопутствовало творчеству трудовому и революционному, поэзия выступала верной спутницей труда, родной сестрой борьбы. Не случайно первые пролетарские поэты г. Иванова были простыми рабочими или профессиональными революционерами. С 14-летнего возраста 30 лет проработал на ткацких фабриках рабочий поэт А. Благов. В эти годы он создавал не только ситцы, но и стихи и песни. На фабрике работал И. Назаров, автор книги стихов и песен с характерным заглавием «За станком». Пролетарские поэты первого призыва Р. Семенчиков и А. Ноздрин были революционерами, принимавшими активное участие в борьбе с царизмом.

Боевой союз поэзии и борьбы формировал пролетарского поэта-революционера, впоследствии бойца Октября, живого участника революции и социалистического строительства. Символом этого союза являются книга и сабля, высеченные на мраморной плите могилы Д. Фурманова — поэта, прозаика, бойца.

Новый тип писателя, боевой революционный дух, правдивое изображение жизни народа, его борьбы и труда характерны для всей советской литературы. Поэзия

Ивановского края росла и развивалась в общем потоке литературы социалистического реализма.

Цель настоящей книги — проследить это развитие, показать становление и рост социалистической поэзии текстильного края от предоктябрьских лет и до наших дней. В книге, естественно, должны быть упомянуты все более или менее значительные поэты этого огромного отрезка времени. Однако сколько-нибудь полный анализ творчества каждого из них не вмещается в тесные рамки очерка. Поэтому авторы избрали предметом своего анализа только произведения наиболее значительных, наиболее ярко проявивших себя поэтов и рассматривают их творчество в процессе его развития в соответствии с основными проблемами, решавшимися на том или ином этапе поэзией Советской страны.

Таковы цели и задачи настоящей книги. А. Поликановым написаны «Введение» и главы «В пролетарском строю» и «Дорогами боев и труда», А. Орловым — глава «На фронтах революции и великой стройки».

В ПРОЛЕТАРСКОМ СТРОЮ

Конец XIX — начало XX века в истории России — время разложения буржуазно-помещичьего строя, закончившееся полным его крушением в октябре 1917 года. Вместе с тем, это — время зарождения, бурного роста и подъема революционного пролетарского движения, прокатившего по стране мощные валы трех революций и завершившегося победой Великой Октябрьской социалистической революции, которая открыла новую, счастливую эру в истории всех времен и народов.

Быстро и неуклонно развивалось и набирало силы революционное движение рабочего класса России. От стихийных вспышек возмущения и негодования против эксплуататоров, от стачечной экономической борьбы к движению политически осознанному, организованному, соединенному с передовой марксистско-ленинской теорией, от первых рабочих кружков и союзов к образованию великой партии коммунистов, как авангарда борющегося революционного класса,— таков закономерный путь этого развития.

Он типичен и для рабочего движения Ивановского текстильного края, ибо ивановские пролетарии — ткачи всегда шли в ногу с рабочими Питера и Москвы, могучим потоком вливались в общее русло борьбы. От круж-

ков народнического типа 1890—1892 гг. к образованию в 1895 г. иваново-вознесенского «Рабочего союза» и «Иваново-Вознесенского комитета РСДРП» (1898 г.), переименованного в 1903 г. в группу «Северного комитета» — такова эволюция организационно-руководящих форм революционного движения текстильщиков.

Экономические стачки ткачей 1895, 1897, 1898 гг., все шире развертываясь, приобрели со временем политический характер и вылились в 1905 г. в большое революционное выступление, длившееся больше двух месяцев. Оно охватило десятки тысяч рабочих и закончилось организацией Совета рабочих депутатов, одного из первых в России. Ивановские ткачи не складывали оружия и в мрачные годы реакции. Во время первой мировой войны 10 (23) августа 1915 г. царское правительство прибегло к силе оружия для подавления рабочей демонстрации и обогрило камни мостовых текстильного города кровью рабочих. Во время решительного штурма самодержавного строя в 1917 г. ивановцы также самоотверженно поднялись на борьбу и были в авангарде бойцов Великого Октября.

Рост стачечной борьбы, развитие политического сознания рабочих не могли не отразиться на состоянии русской литературы. Стала зарождаться новая пролетарская литература, и в ее созидании значительная роль принадлежит поэтам-рабочим.

Творчество рабочих-поэтов, формируясь в условиях жесточайшей капиталистической эксплуатации и в атмосфере решительной борьбы пролетариата с буржуазно-помещичьим строем, воплотило в себе чувства и настроения широчайших слоев угнетенного трудового народа. В своих незатейливых стихах первые поэты-рабочие писали о тяжелой доле пролетариата, о непосильном заводском труде и о борьбе за новую, лучшую жизнь.

Такой характер носило творчество ранних пролетарских поэтов: сына тверского рабочего — мастера-хрустальщика стеклянного завода в Бутырках Е. Нечаева (1859—1925), автора книги стихов «Вечерние песни», московского ткача Ф. Шкулева, автора донныне знаменитой песни «Мы кузницы», поэтов А. Гмырева, П. Травина, М. Савина, Ф. Гаврилова и других. К этому же кругу принадлежат и старейшие ивановские поэты: гравер Авенир Евстигнеевич Ноздрин (1862—1938), возглавив-

ший Совет рабочих депутатов на Талке в 1905 году и до конца дней живший в Иванове, и тейковский красильщик Иван Абрамович Назаров (род. в 1878 г.), проживающий ныне в г. Суздале.

У истоков ранней пролетарской поэзии стоят не только поэты от станка, но и представители марксистской интеллигенции, профессиональные революционеры, партийные работники,— такие, как Л. Радин, автор песни «Смело, товарищи, в ногу!», Г. Кржижановский, создавший русские тексты песен «Варшавянка», «Красное знамя», «Беснуйтесь, тираны», А. Коц, перу которого принадлежит русский перевод «Интернационала», А. Богданов-Волжский, автор «Песни пролетариев», и другие.

Неоценимое значение в развитии пролетарской поэзии и новой литературы в целом имела борьба за создание в России марксистской партии рабочего класса. Основанный В. И. Лениным петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» спланировал вокруг себя кружок агитаторов-поэтов, которые выпустили ряд стихотворных прокламаций. Идейным вдохновителем пролетарской поэзии была Ленинская «Искра», поощрявшая литературное творчество и сама не раз обращавшаяся к революционным стихам и песням.

В 900-е годы, особенно в период первой русской революции, пролетарская поэзия получила новый большой размах. Расширяются ряды рабочих поэтов, полнее определяется лицо тех из них, которые начинали в 90-е годы. В круг Е. Нечаева, А. Шкулева, А. Ноздрина и др. входят новые поэты — Е. Тарасов, И. Привалов, М. Микельчик и др.

Второе десятилетие XX в. и, в частности 1909—1912 гг., знаменуются новым мощным притоком сил в молодую пролетарскую поэзию и литературу. Эти силы спланиваются вокруг большевистских газет «Звезда» и «Правда», явившихся боевыми центрами политического и художественного творчества революционного рабочего класса. В «Звезде» в 1911 г. начинает печататься Д. Бедный. Выдвигается целая плеяда пролетарских поэтов-правдивистов — А. Маширов («Самобытник»), М. Герасимов, Я. Бердников, И. Батрак, А. Поморский, Д. Одинцов, В. Зеленский («Котомка») и другие. Среди поэтов-правдивистов значительное место принадлежит ивановцам — Михаилу Дмитриевичу Артамонову (1888—1958)

и Дмитрию Николаевичу Семеновскому (род. в 1894 г.). К этому же времени относится начало поэтической деятельности Александра Николаевича Благова и Ивана Жижина.

Большевистские печатные органы 1912—1913 гг. — газета «Правда» и журнал «Просвещение» — выступили в роли собирателей и организаторов пролетарской литературы, мобилизуя ее на то, чтобы стать боевой и активной «частью общепролетарского дела».

Лучшие произведения поэтов, печатавшихся в «Звезде» и «Правде», были включены в два «Сборника пролетарских писателей», вышедших под редакцией А. М. Горького в 1914 и 1917 гг.

Примечательно, что в эти сборники А. М. Горький отобрал и несколько стихов ивановского поэта М. Д. Артамонова.

Так в общем русле формирующейся пролетарской поэзии развивалось дооктябрьское творчество ивановских поэтов А. Ноздрин и И. А. Назаров (первое поколение, 90-е годы), А. Благова, М. Артамонова, Д. Семеновского (второе поколение, 10-е годы XX в.).

**
*

Зачинателями пролетарской поэзии в Иваново были А. Е. Ноздрин и И. А. Назаров. Они вступили на поэтический путь в самом конце 90-х годов.

Сын ярмарочного приказчика у фабриканта, А. Ноздрин вырос в селе Иваново (нынешний город). Учился грамоте он у дьячка, а затем в земском училище. После смерти отца, когда семья осталась без средств к существованию, будущий поэт был отдан в ученики в граверную мастерскую при фабрике, а затем тянул тяжелую фабричную лямку.

В ранней юности А. Ноздрин принимал участие в деятельности тайных кружков народнического типа, а затем в рабочем движении. В 1898 г. стихами в ярославской газете «Северный край» началась его литературная деятельность. В 1905 году, во время знаменитой стачки ивановских текстильщиков, А. Ноздрин избрали председателем Совета рабочих депутатов. В 1907 г. А. Ноздрин был арестован и сослан в Олонецкую губернию. Стихи он продолжал писать и в ссылке. Творчество

А. Ноздрина ценит В. Я. Брюсов, называя стихи его «очень оригинальной поэзией».

И. А. Назаров родился в семье каменщика в г. Суздале. Не окончив начальной школы, с юных лет он начал трудиться, работал картузником, учеником слесаря. В 1895 г. И. Назаров поступил работать подавальщиком, а затем чесальщиком на ткацкую фабрику Каретникова в Тейкове. Здесь он участвовал в известной забастовке 1895 г., во время которой рабочие убили директора фабрики. Проработав в Тейкове восемь лет, И. Назаров был уволен с фабрики за агитацию среди рабочих. В 1903 г. он переехал в Иваново и поступил на работу в контору отделения «Владимирской газеты». С этого времени за ним был установлен надзор полиции. Писать И. Назаров начал с 14 лет. Впервые он напечатался в 1898 году в небольшом петербургском журнале, затем его стихи публиковались во «Владимирской газете». В 1902 году И. Назаров входил в московский писательский кружок Е. Нечаева и Ф. Шкулева и опубликовал стихи в изданном этим кружком сборнике. В 1908 году вышла небольшая книжечка его стихов «Жизнь и песни».

В 1910 г. в Суздале он организовал первый в России кружок рабоче-крестьянских литераторов.

Сменив много профессий, И. Назаров в 1912 г. занялся издательской деятельностью, выпуская вплоть до 1916 г. альманахи произведений писателей-самоучек из рабочих и крестьян под названием «Пробуждение».

Основная тема стихов А. Ноздрина и И. Назарова (конца 90-х, начала 900-х годов (до революции 1905 года) — фабричный гнет и кабала, непосильный труд на капиталистических фабриках.

Тоскливые и горестные чувства, порожденные беспроектной нищетой жизни ткачей, непосильной тяжестью их работы, голодом и болезнями, пронизывают стихи И. Назарова: «В проборной», «За станком», «Чесальщик», «В поисках работы», «Дума ткача», «Получка», и стихи А. Ноздрина — «Ночью», «Беспомощные», «Церковный пейзаж» и др. Жизнь настолько тяжела и безрадостна, что даже такое событие в жизни молодых ткачей, как свадьба, выглядит печальным и невеселым (стихотворение А. Ноздрина «Церковный пейзаж»). «Мальчик подручный» шествует на фабрику «в шубенке

рванной». Он вынужден убивать там здоровье и силы, «страдать без конца» (стихотворение И. Назарова «В проборной»).

Однако мрак и беспросветность жизни рождают у обоих поэтов не только горестные ноты. В стихотворении «У грозного порога» (1898) А. Ноздрин средствами бурного, романтического пейзажа рисует надвигающуюся революционную грозу:

Ждать надо паводка, волны,
Грозы народного подъема:
Уж очень тяжек стон страны,
И слишком всех гнетет истома.

А. Ноздрину вторит И. Назаров, мечтающий также о революционном возмездии эксплуататорам, о «рабочей грозе». В «Песне ткача» он заявляет от имени рабочего:

От гнева сердце бьется,
Туманятся глаза.
Когда, когда проснется
Рабочая гроза?

На заре рабочего движения И. Назаров, как и А. Ноздрин, не только утверждает право рабочих на лучшую жизнь, но и мечтает о великом будущем своего класса. В стихотворении «Встреча» (1898) он прямо ставит вопрос: «Когда ж, рабочий, будешь на земле велик?» Рабочий поэт хранит в памяти дни Тейковской забастовки и под ее впечатлением пишет в 1900 г. песню «Нагаечка», в которой выражает гордость тем, что ткачи «не устрашилися казацкой злой орды», не испугались царских опричников, хотя это и стоило им кровавых рубцов на спине.

В период 1905—1907 гг. революционные мотивы в поэзии А. Ноздрины и И. Назарова нарастают, она делается все более боевой. Об этом говорят стихи «Накануне Мая», «Забастовка», «На митинге», «На другой день забастовки», «У кроваво-роковой грани» и отрывки из поэмы «Гора» («С Уводи на Талку») А. Ноздрины и «Стой, машина», «Агитатор», «Под знамя боевое», «Из песен о свободе», «Вставай, рабочий», «Из старой тетради» и другие — И. Назарова.

А. Ноздрину, как активному участнику знаменитой стачки иваново-вознесенских ткачей 1905 года, удается с большой силой запечатлеть революционные события этого времени. В его стихах мы найдем отражение ха-

ракторных этапов революционной борьбы рабочих, утверждение закономерности этой борьбы. Сначала А. Ноздрин рисует органическое назревание стачки, приближающейся с такой же неизбежностью, как майское обновление земли. Параллельно весеннему пробуждению природы надвигается обновление социальное, грядут бурные события стачки (стихотворение «Накануне Мая»).

Затем поэт показывает конкретные события 1905 года в Иваново-Вознесенске, он рисует картину того, как строились баррикады (стихотворение «С Уводи на Талку»):

Валили столбы телеграфа,
Из проволок ткали щиты.

«Производственный», «ткацкий» образ («ткали щиты») порожден местной, ивановской действительностью. От лица восставших ткачей, слившись с ними, А. Ноздрин четко и просто выражает идеи единства рабочего класса, его сплоченность в борьбе:

В одном мы коптились дыме,
В одном мы варились котле.

Цели восстания предельно ясны и рабочим, и самому автору: «И были мы тверды в бунтарстве, и знали, куда мы идем». Монолитное единство объединяет не только восставших, но и созданный ими Совет, в котором наш поэт был одной из главных фигур:

Мы были едины в Совете,
Сошлись в нем не с разных дорог.

Мысль о единстве не оставит борющихся,— утверждает А. Ноздрин,— даже в случае поражения. Время —

Заставит жить снова борьбою,
Мечей мы не сложим в ножны,
Как шли мы стеной лобовою,
Такой и остаться должны.

Следует, однако, отметить, что отдельным стихам А. Ноздрина этого времени порой недоставало идейной четкости и глубины.

Однако и при известных недостатках стихи А. Ноздрина 1905—1907 гг. обладали большим революционным зарядом и в основном правильно рисовали политическую борьбу ткачей. Поэт видел авангардную роль ра-

бочего класса в революции, показывал ткачей в первых рядах борцов.

Не в меньшей степени революционный 1905 год отразился и в стихах И. Назарова, хотя он не принимал такого непосредственного участия в боевых событиях, как А. Ноздрин.

В стихотворении «Агитатор» он рисует образ передового рабочего, который ведет революционную агитацию в массах и за это увольняется с фабрики. Нарастание революционных волнений и баррикадная борьба рабочих показаны в стихотворении «Из старых песен».

В битвах падали герои,
Но за ними рвались к бою
Храбрых смелые полки.
И ничто нас не страшило.
Ни нагайки злая сила,
Ни винтовки, ни штыки,—
Воздвигались баррикады,
И росли, росли отряды,
И кипел горячий бой.

Поэт славит тех, «кто, не страшась, идет на бой за счастье и свободу», кто и с эшафота кричит палачам: «Расплата придет! Свобода победит!» Он зовет к восстанию, выражая мечту о том, чтобы «правил страной рабочий народ» (Стихотворения «Под знамя боевое», «Вставай, рабочий»).

Стихи А. Ноздрина и И. Назарова лишены затейливых украшений, они непритязательны, буднично скромны, метафоры и сравнения в этих стихах редки и просты. В художественном отношении стихотворения А. Ноздрина несколько более совершенны, они в большей степени несут на себе печать поэтической культуры. Но и у А. Ноздрина, и у И. Назарова встречаются строчки поэтически невыразительные, иногда беден их словарь. Правда, нельзя забывать, что оба эти поэта были пионерами пролетарской поэзии, не профессионалами, а самоучками, жизнь которых проходила в тяжелом труде и борьбе.

В отдельных стихах А. Ноздрина, связанного по происхождению с деревней, наблюдается типично «крестьянская» образность, тяготение к народно-песенным традициям, к оборотам разговорной народной речи и устно-поэтического творчества с характерными для них ласкательно-уменьшительными словами, повторами, сравне-

ниями, параллелизмами. И. Назарову это свойственно в меньшей мере.

В то же время в стихах обоих поэтов сильна «фабричная», «рабочая» образность, почерпнутая из городской действительности текстильного края. Метафоры и сравнения они нередко черпают из жизни и быта ткачей.

Участник бурных революционных событий, А. Ноздрин любит и образы динамико-романтические. Например, образы бурлящих вод, наполненного ветром паруса близки его сердцу. Недаром название «Старый парус» он дает одному из стихотворений и первому своему сборнику стихов.

Творчество И. Назарова и А. Ноздрина 1898—1907 гг. является заметным вкладом в молодую пролетарскую поэзию и стоит в одном ряду с творчеством Е. Нечаева и Ф. Шкулева. В стихотворении «Мы певцы», посвященном своему другу Ф. Шкулеву, И. Назаров не без основания заявляет:

Мы начало положили
Пролетарской песне нашей.¹

В годы реакции А. Ноздрин в ссылке пишет много стихотворений, в некоторых из них сильны мотивы тоски, одиночества и даже отчаяния оттого, что «с волками ты ведь не воин» («Товарищ Буянка») и что скованной птице «далеко не улететь» («В крылатке»). Однако поэт не разочаровался в борьбе, он не сожалеет о бурно прожитом и бережно хранит в своей душе воспоминания о боях, веру в лучшее будущее, в то, что всходы новой жизни, как цветущие фиалки, нельзя остановить в их росте. Таково, например, стихотворение «Цветут фиалки» (1910), в котором поэт пишет о том, что даже в самое тяжкое время рабочие, брошенные своими палачами в тюрьмы и ссылки, «никогда в своих раздумьях не примирялись с врагом».

Одновременно с А. Ноздриным и И. Назаровым выступили еще несколько рабочих поэтов. Некоторые из них, например Иван Фролов и Федор Шатунин, писали стихи, нигде их не печатая.

В пору создания в Иваново-Вознесенске первых рабочих кружков и социал-демократической организации

¹ Цитирую по автографу, любезно предоставленному И. Назаровым.

стихи писал их активный участник Никифор Иванович Махов. Поэтическая муза была его верной спутницей в тюрьмах.

Вот одно из немногих сохранившихся стихотворений Н. Махова начала 1896 г., которое сберег А. Ноздрин. Оно интересно тем, что посвящено зарождающейся социал-демократической партии и впервые прозвучало из уст автора на конспиративной явке рабочих. В этом стихотворении Н. Махов писал:

Мы, как члены славной партии,
Социальной демократии,
Мы прогресс желаем ей,
Мы гроза купцов, царей,
Мы враги такого строя,
Где бездельники царят,
А рабочих, все создавших,
Страшным голодом морят.¹

Благодаря А. Ноздрину известен также отрывок одного из стихотворений погибшего на каторге в Сибири рабочего-поэта, революционера Романа Матвеевича Семенчикова (1877—1911)². Писал этот рабочий-революционер, всецело поглощенный активной борьбой, мало, главным образом во время тюремного заключения.

Р. Семенчиков по происхождению крестьянин села Сидоровского, Шуйского уезда. С ранних лет он работал на фабрике в Кохме. Там же, юношей, Р. Семенчиков начал принимать участие в революционной борьбе рабочего класса. В 1897—1898 гг. он состоял активным членом кохмского «Рабочего союза», а затем перебрался в Иваново-Вознесенск, где был деятельным участником революционных рабочих массовок. Впоследствии Р. Семенчиков вел революционную работу в Риге и в других местах России.

За свою революционную деятельность он подвергался жесточайшим преследованиям со стороны царских властей. В 1904 г. казаки до полусмерти избили Р. Семенчикова и перерубили ему пальцы рук. Через два года его приговорили к смертной казни, которая была заменена 15 годами каторги.

¹ А. Ноздрин приводит его в статье «Как мы начинали». Из литературных воспоминаний, которая напечатана в книге: А. Ноздрин. Избранные стихотворения, Ивгиз, 1935.

² Известно по тому же источнику, что и стихотворение Н. Махова.

Стойкий революционер, несмотря на ужасные пытки и расправы, не сдавался и продолжал борьбу. И стихи его звали к борьбе за новую жизнь, за вольный труд, за освобождение от гнета и нужды:

Не скажу я привет сердцу праздному,
Не скажу похвалы безобразному.
Нет, я жизни хочу для себя и других,
Сколько силы найду, послужу я для них.
Буду петь до конца о великом труде,
Буду рваться всегда помогать их нужде.

В этих строках выражено представление Р. Семенчикова о назначении пролетарской поэзии.

Кроме А. Ноздрина, Н. Махова, Р. Семенчикова, стихи писали многие профессиональные революционеры, рабочие и интеллигенты, ведшие социал-демократическую работу в Иванове и его окрестностях. Из старейших деятелей пролетарского революционного подполья в этой связи следует назвать имена Павла Петровича Постышева и Павла Симонова.

По воспоминаниям А. Ноздрина, выдающийся деятель большевистской партии ивановец П. П. Постышев и рабочий-революционер, токарь механического завода П. Симонов, организатор первой газеты ивановской группы большевиков — «Известия», депутат Совета рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, слагали коллективно стихи во Владимирской каторжной тюрьме. Стихи эти приводит А. Ноздрин в своих воспоминаниях:

Хочется видеть, как сосны и ели
Дремлют в родимом краю,
Слушать в лесу соловьиные трели,
Хочется петь самому.
Петь, не смолкая, про радость и горе.
Сбросить оковы и петь.
Петь про любовь, про широкое море,
Волнами моря кипеть.

Эти стихи П. П. Постышева и П. Симонова свидетельствуют об огромном оптимизме рабочих-революционеров, умевших и в страшных тюремных казематах сохранять ясную веру в будущее.

Творчество пролетарских поэтов-ивановцев первого десятилетия XX в. свидетельствует о том, что в крае, игравшем большую роль в революционной борьбе русского рабочего класса, развитие передовой пролетарской

поэзии сопутствовало росту революционных сил и социалистического сознания народа. Поэзия была тесными узами связана с жизнью и борьбой рабочих и служила целям борьбы.

**
*

В годы, предшествовавшие Великому Октябрю, отчетливо определились два поколения поэтов-ивановцев. Первое, представленное теми, кто начал писать еще на заре революционно-пролетарского движения, в конце 90-х, в начале 900-х годов, и второе, поэтический голос которого зазвучал на рубеже и в первые годы 10-х годов XX столетия.

Общий общественно-политический подъем, новые боевые выступления рабочего класса способствуют идейной закалке и творческому мужанию рабочих поэтов-ивановцев первого призыва. Они чутко реагируют на происходящие события, откликаются на них боевыми стихами.

Рабочий поэт И. Назаров не складывал поэтического оружия борьбы, не утрачивал светлой и ясной перспективы даже в годы самых тяжелых испытаний, выпавших на долю рабочего класса. Голос его крепнет в период нового революционного подъема. «Пойду вперед туда, где свет давно горит», куда влечет поэта «с юных лет» — заявляет И. Назаров (стихотворение «Пускай меня нужда гнетет»).¹ «Крепче камня» стала рабочая грудь, закаленная в борьбе (стихотворение «В мастерской»).

Значительно ярче, социально четче и выразительнее становятся и стихи А. Ноздрина. За человеком труда, за простыми людьми А. Ноздрин утверждает великое право на будущее, подчеркивая их главенствующее место в жизни, и говорит об этом он с афористической силой, в лаконичных и броских стихах (стихотворение «В улице»).

Дорогу — женщине с котомкой за плечами!
Дорогу — истине, что шествует пешком!

Образ женщины-труженицы, нарисованный поэтом, воспринимается как символ всей народной России, неуклонно идущей к новой жизни. Той же любовью к трудовому человеку окрашены и образы ткачей в стихотворениях «Смерть ткача» и «Старая ткачиха». Лириче-

¹ Цитирую по рукописи, предоставленной автором.

ская миниатюра «Смерть ткача» пронизана огромной скорбью о гибели рабочего человека, который «всю жизнь ткал, сдавал миткаль» и на этом миткале отправился в свой последний путь, в сырую землю.

Но отнюдь не смирением, не унынием, а гневом и борьбою дышат скорбные стихи А. Ноздрина. Старая ткачиха из другого стихотворения, высохшая, «как щепка», не мирится с гнетом и готова лучиной «подпалить жизнь злую».

В стихотворении «Война» (1915) рабочий поэт не только шлет проклятие мировой войне, но и приходит к выводу, что империалистическая война приведет к народной революции, перерастет в гражданскую войну трудящихся против царей, помещиков и капиталистов:

Близятся всходы посева
С нивы, вспоенной скорбями:
Надо ждать мести и гнева,
Схваток, расправы с царями.

По возрасту представляя первое поколение, по времени одновременно со вторым обратился к литературному творчеству А. Н. Благов (род. в 1883 г.). Его первые стихи стали появляться в печати с 1910 г. В 1916 г. они были собраны в сборник «Песни рабочего», который вышел в Москве.

Крестьянин по рождению (он родился в селе Сорохта, Нерехтского уезда, бывшей Костромской губернии), А. Н. Благов еще подростком перешел в ряды рабочего класса. Четырнадцатилетним мальчиком в 1897 г. он поступил работать на юрьев-польский завод и потом, в течение нескольких десятилетий, не оставлял фабричного труда. А. Н. Благов работал ткачом, отбельщиком, моторщиком, машинистом и т. д. Стихи свои он создавал в цеху, у станка.

С самого начала А. Благов определился как поэт рабочей фабричной темы. И тематика его творчества, и некоторые черты биографии сближают его с первыми рабочими ивановскими поэтами А. Ноздриным и особенно И. Назаровым. Об этом свидетельствуют уже заголовки стихов: у И. Назарова — «За станком», «В поисках работы», «Дума ткача», «Товарищу» и др., у А. Благова — «За машиной», «Безработный», «Дума», «Товарищу рабочему» и др.

Подобно И. Назарову и А. Ноздрину, А. Благов тоже пишет в своих ранних стихах о непосильном фабричном труде на капиталистических предприятиях, о тяжелой нуде и эксплуатации, о горькой доле фабричного.

На первых порах его поэтический взор еще не простирается за стены фабрики и рабочей каморки, в стихах молодого поэта образуется в известном роде замкнутый круг: «Завод да квартира сырая, квартира да душный завод» (стихотворение «Товарищу рабочему»).

Но несмотря на некоторую идейную ограниченность первых стихотворений А. Благова (в них нет ярко выраженного мотива борьбы, а писались они уже после революции 1905 года, накануне нового революционного подъема), в этих стихотворениях есть немало правдивых строк о тяжелом труде и горестной жизни русского рабочего. Душная атмосфера фабрики, в которой нечем дышать рабочему, воссозданная А. Блазовым в «Стоне ткачихи» (1910), очень напоминает кошмарную духоту стеклоплавильной мастерской в стихах Е. Нечаева «Думы», «Душно». Лирический герой А. Благова также губит свои силы и здоровье на капиталистической фабрике, как и герой стихотворения Ф. Шкулева «Из моего прошлого».

Но не одни только унылые ноты характеризуют стихи начинающего А. Благова. В них возникали, пусть еще смутные, мечты об иной жизни, он стремился сделать свою поэзию призывом к борьбе. В стихотворении «Родным певцам» (1910), адресованном собратям по перу, рабочим поэтам, он ратовал за то, чтоб его и их песни звучали —

Не бессильем пред судьбой,
А людей бы призывали
На борьбу с глубокой тьмой.

О неразрывных узах, связующих А. Благова с жизнью и трудом русских рабочих, об органичности основной темы его стихов свидетельствуют следующие строки:

Товарищ рабочий, я знаю
Тяжелую долю твою.
Я сам в этой доле страдаю,
Об ней я и песню пою.

Годы нового революционного подъема были годами значительного творческого роста А. Благова. Он решительно отвергает декадентские ухищрения в поэзии и вы-

ступают борцом за действенное искусство, служащее интересам народа. В стихотворном цикле «Десять писем» (1916) А. Благова объявляет содержанием поэзии «мятежный зов» души и призывает к восстанию («Письмо шестое»). Он хочет учиться поэзии у самой жизни, по большевистским ленточкам и прокламациям, видя в них единственную правду для народа («Письмо третье»).

Идейная эволюция А. Благова, рост его художественного мастерства сказываются в расширении и конкретизации тематики произведений этого поэта, в более углубленном анализе им явлений жизни, в революционном подходе к ним.

Конкретизируются и социально углубляются прежде всего сами темы и образы, связанные с ними («Десять писем», стихотворения «Дума», «Отойдите, черные тревоги», «Призыв»). Есть у А. Благова этого периода, правда немногочисленные, и стихи о деревне (стихотворение «Поездка в деревню») и опыты пейзажной лирики (стихотворение «Весна»), хотя не они составляли основное содержание его творчества.

Расширилось понимание поэтом антинародной сущности капиталистического предприятия. Фабрика, завод для него уже не просто тесное и душное помещение, как прежде, а «жестокая и злая» политическая сила, настоящая «рабочая тюрьма», ибо она пожирает труд и кровь рабочего, «бьет режимом, как нагайкой». Конкретнее обрисовываются им и сатирически изображаемые типы эксплуататоров на фабрике.

В связи с этим изменились по сравнению со стихами 1909—1911 гг. и думы А. Благова о будущем, они стали светлее, оптимистичнее. В стихотворении «Дума» четко проводится мысль о том, что «жизнью счастливой, друго рабочий народ заживет».

Поэт гонит прочь черные тревоги и сомнения, не желает покоя и отдыха, если они не куплены борьбою, и «с окрепшею душою» смело встает «под грозой», твердо веря, что «светлый день настанет» (стихотворение «Отойдите, черные тревоги»).

А. Благов, так же как и многие другие рабочие поэты, политически правильно, с четких большевистских позиций решает тему империалистической войны.

Революционным отрицанием империалистической бойни и призывом к свержению самодержавия проникнуты

его стихи о войне, особенно цикл «Десять писем». Поэту чужд казенный патриотизм и шовинизм, которым были охвачены в это время не только буржуазно-помещичьи круги, но и многие мнившие себя демократами писатели из мелкобуржуазной среды. А. Благов прямо заявляет: «не найдет святая Русь во мне вояки-патриота». А. Благову присущ иной, истинный, революционно-пролетарский патриотизм, вера в то, что «они придут, часы расплаты». Ожиданием революции, горячей мечтой о ней проникнуты лучшие из «Писем» А. Благова. Он напоминает в них о славных революционных традициях ивановских рабочих, гордится тем, что «умели мы бороться в Пятом», и предвещает революцию:

Попутный ветер вновь подул,
Живые силы не убиты,
Услышат скоро паразиты
Народной бури буйный гул.

Стих его, как это видно из приводившихся строк, становится энергичным, целеустремленным, политически острым и в то же время ясным, безыскусственно простым. Мастерство поэта крепнет, у него, по собственному выражению, стали гореть «слова огнем».

**
*

В период революционного подъема 1912—1917 гг. круг рабочих поэтов Ивановского края расширяется. Начинают печататься М. Артамонов, Д. Семеновский, И. Жижин.

В русле пролетарской поэзии периода, непосредственно предшествовавшего Октябрю, начинал и Д. Фурманов (1891—1896), впоследствии выдающийся советский прозаик. К этому времени относятся его стихи «Весна», «В бурю», «Бейте, барабаны», «Поэт», «Пробуждение великана» и другие.

В «Пробуждении великана» Д. Фурманов, отталкиваясь от традиций высоко гражданской, революционно-демократической поэзии Некрасова (что вообще характерно для многих пролетарских поэтов), выражает идею приближающейся народной революции, мысль о пробуждении народных масс к революционному творчеству. При этом он вполне сознает величие, «широкую мощь»

будущей революции и видит «новую силу» (т. е. пролетариат), которая призвана ее свершить:

Тише... Огромное чудо свершается:
В темном лесу великан пробуждается,
В темном дремучем лесу...
Тише... Проникнитесь думой глубокою,
С ярким светильником, с мощью широкою
Новая сила идет.
Встаньте торжественно, в полном молчании,
Дайте дорогу при светлом сиянии
И пропустите вперед.

Молодые одаренные поэты М. Артамонов, И. Жи-
жин и Д. Семеновский, отправляясь от некоторого опы-
та, накопленного пролетарской литературой и печатью,
расширяют границы рабочей поэзии. Их видение мира
значительно объемнее, чем у поэтов первого призыва.
В поле их поэтического зрения попадают уже не только
город, фабрика, завод, но и деревня, ее быт, крестьян-
ская жизнь. Ими созданы интересные зарисовки средне-
русской природы.

Сын крестьянина села Кривцова, Костромской губер-
нии, начавший свою жизнь с того, что в девятилетнем
возрасте он пошел «в люди», М. Артамонов (1888—1958)
быстро становится интеллигентом. Окончив сельскохо-
зяйственную школу, он работал на заводах, фабриках и
в усадьбах.

В 1912 г. М. Артамонов напечатал стихи в москов-
ском журнале «Живое слово». В 1913 г. он издавал и ре-
дактировал в г. Иваново-Вознесенске литературно-худо-
жественный журнал «Дым». Журнал этот был закрыт
как «опасный для народа». В том же году поэт переез-
жает в Петербург, работает там в большевистской газе-
те «Правда», печатается в «Работнице» и выпускает пер-
вые книги своих стихов «Улица фабричная» и «Когда
звонят колокола». М. Артамонов вместе с другими поэ-
тами-правдистами, специально для этой цели организо-
ванной редакцией, присутствовал на собрании рабочи-
х писателей, собравшихся на квартире А. М. Горького.
Горький для первого «Сборника пролетарских писате-
лей» (вышел в Петербурге в 1914 г.) отобрал стихотво-
рение М. Артамонова «Забастовка». Во второй сборник
пролетарских писателей (1917) он включил еще три сти-
хотворения этого поэта.

В «Правде», «Невской звезде» и в большевистском журнале «Просвещение» в 1912—1913 гг. начинает свою поэтическую деятельность Д. Семеновский. Выходец из разночинной среды, сын священника села Юрьевское, Шуйского уезда, Д. Семеновский получил некоторое образование. По окончании церковно-приходской школы и духовного училища он поступил во Владимирскую семинарию и уже в эти отроческие годы тянулся к поэзии. Его ученические стихи иногда появлялись в газете «Старый владимирец». Однако семинарии Д. Семеновский не окончил: за участие в забастовке он был исключен незадолго до выпуска. Выброшенный с волчьим билетом, юный разночинец испытал судьбу, близкую к судьбе пролетария, и это в значительной степени предопределило его литературный путь.

В судьбе опального семинариста принял горячее участие А. М. Горький, который помог ему продолжить образование и содействовал опубликованию его стихотворений в большевистских органах печати.

Несколько особняком в группе поэтов-ивановцев этого времени стоит И. Жижин. Обладая безусловной поэтической искоркой, он начал с подражания пейзажной и бытовой лирике своих современников и товарищей по перу Д. Семеновского, М. Артамонова и др. и в рассматриваемый период еще не развернулся как самостоятельный поэт. Певцом «красного Манчестера», как он заявляет о себе в единственной книжке стихов «Мое» (1922), поэтом, имеющим свое индивидуальное лицо, И. Жижин стал только после Октября.

У И. Жижина единственно зрелым в идейном и художественном отношении стихотворением на рабочую тему является «На проспекте» (1914). Поэт изображает петербургскую улицу. Среди разодетых аристократов на улице мелькнули «две фигуры угрюмых», идут «двое с мотыгами на плечах» — люди черного труда, рабочие. Аристократы брезгливо сторонятся их, боясь испачкать о них свои костюмы, но поэт готов целовать священные лохмотья их одежд, радостно меряет он взором «мощь величавую их». Фигуры реальных рабочих вырастают в сознании поэта в гигантов, обладающих исключительной силой.

Мне казалось, что двое касались
Крыш небоскребов изгибом плеч.

В стихотворении «На проспекте» звучит идея величия и мощи рабочего класса. Поэт сознает, что простой рабочий — основная сила жизни, гигантская величина, ибо его трудом создаются все ценности земли.

Несравненно богаче, обильнее представлена рабочая тематика в поэзии М. Артамонова и Д. Семеновского. Теме фабричного труда, образу рабочего-ткача и металлиста оба поэта посвящают немало поэтических строк и отдельных стихотворений, а М. Артамонов, кроме того, целый сборник «Улица фабричная».

У значительной части пролетарских поэтов того времени сложилась традиция непременно обращаться к образу кузнеца, представителя гвардии рабочего класса — металлистов, стоявших в авангарде борьбы за переустройство мира. Мотив кузнецов, кующих счастья ключи, становится в это время одним из наиболее распространенных и устойчивых мотивов пролетарской поэзии. Он встречается в стихотворениях многих поэтов: «Мы кузнецы» Ф. Шкулева, «Песня кузнеца» А. Микульчика, «Кузнец» Е. Андреева и др.

Этой традиции следуют в своей поэтической деятельности и М. Артамонов и Д. Семеновский. М. Артамонов пишет стихотворения «Выше, молот, поднимайся» и «Кузнец», опубликованное в 1914 г. в «Правде», а Д. Семеновский — «Визги, яростные лязги» и тоже «Кузнец».

Идейная проблематика этих произведений, имеющая у обоих поэтов много общего, охватывает насущные вопросы пролетарского труда и борьбы. Речь идет об индустриальном рабочем, как основной силе технического прогресса, о созидательной, творческой сущности его труда, о рабочем-творце истории и хозяине мира, о его твердости и закаленности в революционной борьбе за счастливое будущее народа. Кузнец предстает у М. Артамонова как могучий и «железный царь», который «силу мощную в железо своей силой воплощает» (стихотворение «Выше, молот, поднимайся»). Поэт изображает рабочего владыкой мира, «покорившим, создавшим машину» и кующим счастье для всех людей. Он призван разбить цепи угнетения и сковать «победный меч», которым народ добудет свободу (стихотворение «Кузнец»)¹:

¹ Это стихотворение 1914 г. не следует смешивать с одноименным стихотворением того же автора, которое вошло в его поэтический сборник «Когда звонят колокола» (1913).

Мы куем не цепи — звенья.
Мы куем победный меч.—
В честь грядущих поколений
Дружно надо приналець.

Д. Семеновский в стихотворении «Визги, яростные лязги», опубликованном в «Правде» (22 августа 1912 г., № 97), гневно обличает «Молох-капитал», заключивший рабочих в оковы, ими самими сработанные. Рабочие-металлисты в этом стихотворении еще не встают на борьбу, они подавлены гнетом, глубоко страдают. Но уже ощущается их сила, как тот пламень, который со временем сожжет эксплуататоров. Во втором стихотворении Д. Семеновского — «Кузнец» (1913) — сила эта становится еще более твердой и целенаправленной: «вся в зареве горна, рука верна, и тверда, и метка». В форме обращения, диалога с рабочим поэт призывает здесь к более решительному и энергичному наступлению на капитал и бросает революционный клич, зовет на бой за новый светлый мир:

Металлов могучим владыкой
Стой в алой, мятущейся мгле,
И век золотой на земле
Из века железного выкуй!

Но не только труд металлистов и кузнецов рисуют в своих стихах оба поэта. В центре их произведений на рабочую тему стоит образ человека-труженика: ткача, швеи, типичный для текстильного края.

Уже в сборнике «Когда звонят колокола» М. Артамонов настраивает свою лиру на то, чтобы спеть «про Иваново, про житье фабричное». Он изображает «голытьбу фабричную», жестоко эксплуатируемую хозяевами (стихотворение «Лира»). О нищете и нужде ткачей, о безработице рассказывается в стихотворении «Иваново-Вознесенск». О надругательствах фабрикантов над человеком, об украденной у рабочих любви поэт говорит в стихах «Рассказ рабочего» и «Дуня». В сборнике «Улица фабричная» эта тематика находит свое продолжение (стихотворения «Ткачиха», «В дыму фабрик и заводов» и др.), и возникает трагический образ рабочего-ткача, у которого «всю жизнь и силу машина съела».

С глубокой симпатией пишет М. Артамонов о «рабочем люде» — об изможденных трудом ткачах, сновальщиках, от бедности «серых, как земля». Этот реалисти-

ческий земной образ усиливает лиризм стихотворения «Фабричный шум» (сборник «Земля родная»). Поэт вводит читателя в ситцевое царство голода: «снуют все желтые вокруг: то голод-царь, то спертый дух». Однако скорбное повествование о голоде и каторжном труде ткачей здесь не звучит безнадежностью, оно рождает у поэта думу о весне новой жизни:

По лицам хмурым бродит тень...
Ткачи! Придет весенний день,
И эхо бодрых голосов
Под своды душных корпусов
К вам долетит, вас будет звать —
Основу новой жизни ткать!

Так, в «ткацкий» профессиональный образ «основа новой жизни», близкий восприятию рабочих-текстильщиков, поэт вкладывает революционную идею.

О тяжелом труде работниц-швеек рассказывает Д. Семеновский в стихотворении «Швейки» (1914). Перед нами образы фабричных женщин с бледными усталыми лицами, на которых исчез «тонкий румянец», с «прозрачными кистями» рук; это люди «пасмурной доли», невольницы труда. Но и они не утрачивают мечту о лучшем и «вздыхают о счастье, о воле».

Мечта о лучшей жизни, о борьбе за нее не покидает обоих поэтов. Недаром в их предоктябрьской лирике значительное место занимает тема революционной борьбы. Ей посвящены стихотворения «Забастовка», «Мы счастье ковали из стали», «Земля родная», «Красный лик» — М. Артамонова; «Трудовая марсельеза», «Никогда», «Сходка», «Демонстрация», «Товарищ», «Знамя» — Д. Семеновского.

В «Красном лике» М. Артамонов рисует динамическую картину народного восстания и образ его творца — будущий революционный народ. В багровых отсветах распахиваются двери, растворяются ворота, в победном рокоте выходят на улицы рабочие люди, создавшие этот город, эти улицы и дома, чтоб преобразить их. Лица их озарены счастьем, в них ощущается порыв и сила: «Кипит народ, творец восстания». И поэт всю душу славит его:

Велик и волен в своем восстаньи
Народ воскресший, что был бездолен.

Он показывает и организационные этапы, предшествовавшие вооруженной революционной борьбе. Таково рабочее собрание в стихотворении «Мы счастье ковали...»

Сходные мотивы и образы легко обнаруживаются и в стихах Д. Семеновского. В стихотворениях «Сходка» и «Товарищ» он изображает организационное сплочение рабочих.

С красным знаменем и пением «Марсельезы» собираются рабочие в лесу на свою сходку. В их речах звучат революционные призывы: «Нам, товарищи, надо сплотиться». Рабочий человек приобрел новое гордое имя «товарищ» и осознал, что сила его в единении: «Мы — сила, мы воля одна» (стихотворение «Товарищ»). Затем следуют у Д. Семеновского картины революционных выступлений народа (стихотворения «Демонстрация», «Знамя»). Народ выходит на широкую дорогу борьбы: «Эй, дорогу всем солдатам, кузнецам, ткачам, прислугам!». Движение разливается, как потоп, оно проходит под большевистскими лозунгами «Хлеба, мира и свободы!» (стихотворение «Демонстрация»). Над толпой реет красное знамя, призывающее пролетариев к слиянию в единую, братскую семью. Это знамя сделали «ткач и работница-швея» (стихотворение «Знамя»). Восставший народ поэт зовет сражаться до победного конца и в своей песне «Трудовая Марсельеза», созданной по типу популярной в то время в пролетарской среде «Рабочей Марсельезы».

Д. Семеновский, в отличие от М. Артамонова, концентрирует внимание не только на собирательных картинах народного восстания. Он создает и индивидуальные образы пролетарских революционеров, чьим трудом и кровью это восстание подготовлено. Еще в 1913 г. в большевистском журнале «Просвещение» (№ 11) поэт помещает цикл «Безумцы», в отдельных стихах которого прославляет революционеров-профессионалов (стихотворения «Обреченный», «Рыцарь»). Стихи эти не лишены мотивов жертвенности и трагичности. Однако в них сильно и реалистически точно обрисована фигура большевика-подпольщика:

Упрямый рот. Глаза, как сталь...
Кругом — брошюр подпольных кучи
И прокламаций снег летучий.
«Обреченный».

Революционер предстает в стихах поэта в облике бесстрашного железного рыцаря, смело идущего на эшафот за свои идеи:

Жандармы. Обыск и арест...
И вот придут, звеня ключами,
И он, глумясь над палачами,
Бестрепетно взойдет на крест.

«Рыцарь»

В творчестве М. Артамонова, И. Жижина и Д. Семеновского 1912—1917 гг. значительное место принадлежит пейзажной лирике. Все трое изображают скромную и непритязательную, но по-своему прекрасную и поэтическую природу средней полосы России и родного Иваново-Вознесенского края с ее полями и лугами, с ее реками, лесами и перелесками, которые предстают в их стихах и в ярком солнечном и заревом сиянии и в бледном свете луны. Таковы стихи «Проселки», «Роща», «Луч», «Зори» — М. Артамонова; «Микула (Поле, кашка с медуницей)», «Поляна, пни, пугливые осинки», «Болотами, лесами, топиями», «Прекрасны зори» — Д. Семеновского; «После дождя», «Рань», «У залива», «Родное» — И. Жижина.

У всех этих поэтов природа дается в единстве с человеком, с его чувствами и переживаниями, служит средством создания лирического настроения, эмоционально окрашивается.

Однако отбор материала, краски, изобразительные средства, лирические чувства и настроения у каждого поэта свои, особенные.

Д. Семеновский изображает преимущественно полевую, сельскую природу. Городские пейзажи у него отсутствуют, в то время как у двух других поэтов они встречаются нередко.

Пейзажная лирика Д. Семеновского — это лирически задумчивая и светлая весть о красоте земной жизни, человеческое упоение немудрой родной природой с ее изумительной гармонией и простотой. Человек и природа у него слиты:

Меркнет солнце. День уходит...
Дико крикнул сыч вверху.
В чистом поле пахарь ходит —
Водит острую соху..
На руках его мозоли,
И кобылка немудра,—

Да проходит в чистом поле
От заката до утра

*«Микула» газ. «Невская звезда»,
5 августа 1912 г., № 20.*

Тема природы, таким образом, органически переходит в тему трудового человека, в тему труда. Такая пейзажная лирика насквозь гуманистична. «Блажен да будет человек!» — провозглашает поэт в стихотворении «Прекрасны зори».

Любовь к родной природе, поэтическое восприятие ее являются для Д. Семеновского средством для раскрытия большой человеческой любви к людям, к народу, к Родине. Эти чувства направляют поэта на глубокие размышления о судьбах родной страны, о ее будущем, и тогда в пейзажную тему органически вплетаются патриотическая и революционная тема. Таковы, например, стихи 1913 г. «Все — тебе» и «Родина» (сборник «Благовещение»). В первом из них всю боль и любовь своего сердца поэт отдает многострадальной Родине: «тебе вся жизнь моя и мысли, и песни робкие мои!». В другом этот мотив разворачивается в поэтическое предвестие революции и счастливого будущего:

Милый край мой и светлый, и строгий,
Где, как солнышко, взоры девичьи!
Над тобою, туманы свивая,
Заревое свивается знамя.
Скоро доля твоя горевая
Всколосится счастливыми днями.

В своей пейзажной лирике Д. Семеновский достигает и глубокого лиризма и реалистической достоверности деталей. Он опирается на хорошее знание народной речи и частично на былинно-сказочную устно-поэтическую традицию. Например, стихотворение «Микула», в котором пахарь-ратай предстает в образе былинного богатыря, а мотив Жар-птицы приходит в это, как и в некоторые другие стихотворения («То не жар ли птица», «Сходка»), из народных сказок.

М. Артамонов, в отличие от Д. Семеновского, ориентируется на народно-песенное начало и песенные некрассовско-кольцовские традиции. Его стихи напевны, мелодичны и многие становятся песнями и частушками. Поэт хорошо знает и использует в своем творчестве народную песню, календарно-обрядовую и хороводную поэ-

зию. Многочисленные повторы, синтаксические и психологические параллелизмы, тавтологии, ласкательные и уменьшительные формы слов характерны для его пейзажной лирики.

Параллельно явлениям природы им раскрываются чувства и настроения людей. Природное рождает психологическое, эмоциональное. Возникает психологический параллелизм, столь характерный для народной песни. Например, в стихотворении «Зори»:

На луга зеленые
Лебеди летят...
Ах, бы лебедицу
В небо улететь.

Большую часть своих пейзажных произведений М. Артамонов создает в песенно-частушечном стиле. Например, «Светел месяц»:

Зори небо золотят,
Зори разгораются
Где-то лебеди летят,
На лету скликаются.

Сознательно подражает поэт и народно-песенной лирике Некрасова. Например, зимний пейзаж в стихотворении «На льду» (сборник «Когда звонят колокола») напоминает некрасовский «Зеленый шум»:

Звенит, поет осенний лед,
Осенний лёд, прозрачный лёд.

Некрасовское влияние явно ощущается и в деревенском пейзаже «Проселков» (сборник «Улица фабричная»). О проселочной Руси поэт говорит:

Разлита буйная
В ней удаль знатная.
О Русь, могучая
И необъятная!..

Однако в творческой практике М. Артамонова-пейзажиста имеются и тенденции, которые мало вяжутся с традицией народной песни. Как известно, подлинная народная песня, как писал А. М. Горький, «за внешней красотой не гонится», а умеет выражать глубокие чувства самыми простыми средствами. Для нее не характерна цветистая метафоричность, пышная тропика. М. Артамонов в этом смысле уходит в сторону от тради-

ции. Многим его пейзажным (и не только пейзажным) стихам присуща искусственная нарядность и цветистость, приторная напыщенная красочность. Таковы стихи «В сумрак предутренний», «Видали ли вы» (сборник «Когда звонят колокола»), «Цветы», «Душа», «Весна» (сборник «Улица фабричная»), «Проталины талы», «Цветозвон», «Покров», «Заревые шорохи» и другие (сборник «Земля родная»).

Стремление к украшательству порою заставляет поэта прибегать к формалистической, цветистой образности (этим во след М. Артамонову весьма страдал и И. Жижин). В «Цветозвоне» такого рода образность нашла отражение уже в заголовке стихотворения, и здесь мы найдем такого рода «образы», как «роснослед», «роснополье», зори «ало-сини» и т. п. Но там, где поэт идет от жизни, а не от формалистических упражнений, он добивается подлинного романтического размаха и настоящей яркой красочности. В этом смысле показательное стихотворение «Земля родная», где, как и у Д. Семёновского, пейзажная тема органически сплелась с патристической и революционной, вследствие чего стихотворение звучит на большом дыхании и обладает огромным идейно-художественным зарядом.

Гудят набаты,
Горят призывы,
Поля и нивы
В одно сзывая.
Твои просторы
Пылают гневом,
Огнем отмщенья —
Земля родная.

Встречаются у М. Артамонова и фабричные, городские пейзажи, лишённые высокопарной красочности и отмеченные строгими реалистическими чертами; например, в стихотворениях «Улица фабричная», «Так и пышет» и др. В городских пейзажах М. Артамонова явственно выражено четкое социальное осмысление действительности.

Феодальный и капиталистический город всегда был враждебен трудовому человеку, закабалял, сковывал и подавлял его своими каменными громадами. Об этом применительно к самодержавному, официальному Петербургу писал еще Пушкин:

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, строгий вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит.

Аналогичное восприятие буржуазно-дворянского Петербурга встречается во многих стихах Некрасова. В этой традиции дает описание капиталистического города и М. Артамонов в стихотворении «Так и пышет»:

Плиты, камень
Пышут пламень,
Раздавил нас
Город-змей...
Город людный,
Город гулкий
Вихорь пыльный
Заволок.

«Эх, бы на волю!» — восклицает поэт, а через другой городской пейзаж (стихотворение «Окраина»), рисуя, как «за полумраком черным слышится гул и фабричный тряс», он выражает твердую уверенность в том, что мрак сгинет и «затлеет вскоре огненных зорь вдали полоса». И здесь пейзажная тема решается в социальном плане. Стихотворение пронизано предчувствием революции.

В отличие от пейзажной лирики М. Артамонова и Д. Семеновского, социального осмысления действительности почти не чувствовалось в дооктябрьских пейзажах И. Жижина.

Пейзажные зарисовки в его стихах в значительной мере самоцельны, искусственно красочны. Лишь немногие строки и образы начинающего И. Жижина привлекают правдоподобием и свежестью художественных находок. Стихам И. Жижина не хватает той бодрости и жизнерадостности, которой отмечена лирика А. Артамонова и Д. Семеновского. Отсутствие достаточно четкого, сложившегося мировоззрения приводит к тому, что в предреволюционном творчестве этого поэта были сильные мотивы уныния и даже отчаяния. Он мнит себя «жалким странником», заблудившимся в «черную ночь» и тоскующим от «потери пса» (стихотворение «Отчаяние»), для него «приходит ночь с печальной вестью, что утро встанет без зари» (стихотворение «На ржавом снеге») и т. д.

В предреволюционном творчестве Д. Семеновского и М. Артамонова значительное место занимает и тема любви, органически связанная с другими темами (труд,

борьба, природа, быт). В «Швейках», рассказывая о безрадостном труде женщин-работниц, Д. Семеновский попутно говорит и об их грустной, невеселой любви. В стихах «Ярмарка», «Карусель», «Гармоника» любовная тема переключается в бытовую, в описание сельских праздников и гуляний, игр и т. п., изображаемых светлыми, яркими красками в противовес неволе душных городов. Сходную и еще ярче выраженную тенденцию мы находим и у М. Артамонова. Он ставит любовную тему философски широко, согласует ее со своей грезой-мечтой о прекрасном. Так, уже в первом большом стихотворении «Когда звонят колокола», давшем название целому сборнику, рассказывая о деревне и о зарождении капиталистического завода, поэт говорит о большой и несбыточной в мире капитала любви, которая всегда волновала его сердце:

Она (не знаю, кто она)
Всегда была, я знал, одна,
И в даль на Волгу голубую
Смотрела грустно из окна.

В «Рассказе рабочего» история горькой, несчастной любви рабочего бумажной фабрики к девушке-горничной, которую осквернил хозяин, стоит в центре всего стихотворения и сливается с общей идеей протеста против фабричной эксплуатации.

Аналогичный подход к теме любви, ее социальное осмысление в органической связи с другими темами легко усмотреть в ряде стихотворений (сборники М. Артамонова «Улица фабричная» и «Земля родная»).

В «Фабричном шуме» поэт тесно связывает любовную тему с темами труда и борьбы: молодые ткачи любили друг друга, но счастье оказалось недолговечным, так как девушка была куда-то сослана за революционную пропаганду. В стихотворениях «Сходились девчонки», «Зори», «Песни», «Пляс», «Девушки» и других изображение любовных чувств включается в общие картины вечеров, хороводов, гуляний, и сами эти стихи выдержаны в традиционном стиле народных песен — хороводных, плясовых, игровых.

Бытовая календарно-обрядовая лирика, примыкая к любовной и пейзажной, составляет едва ли не самую большую часть всего написанного М. Артамоновым и

Д. Семеновским в первые годы их творчества. Обусловленная деревенским происхождением обоих поэтов, их бытовым окружением в детстве и ранней юности, хорошим знанием устной народной поэзии и патриархального крестьянского быта, она врывается в их творчество широкой и многокрасочной полосой.

В этом плане у М. Артамонова и Д. Семеновского чрезвычайно много общего. Но в данном случае речь не идет о подражании друг другу. У обоих поэтов есть одноименные произведения («Ярмарка»), или очень близкие по теме, например, «Гармонь», «Сваты», «Троица», «Семик», «Купало»—М. Артамонова; «Гармоника», «Праздник», «Карусель», «Иконостас», «Пасха» — Д. Семеновского. Со страниц этих стихов встают красочные, многоцветные картины народных игр и празднеств, искрометным огнем брызжет радость и веселье, возникают характерные обрядовые детали, связанные с праздниками церковного календаря, вроде обряжения берез лентами и кружевами, плетения венков, гаданий и ворожбы или крестных шествий, молебнов, хороводов.

Все это поэтические картинки, выросшие из патриархального быта и обихода старой, дореволюционной русской деревни, из народной мифологии. Конечно, стихи такого рода всего меньше увязываются с общественным движением и борьбой и далековато отстоят от основного русла пролетарской поэзии.

Однако и в этих стихах М. Артамонова и Д. Семеновского при внимательном рассмотрении можно отыскать существенные позитивные черты. Нельзя забывать, что русский трудовой народ, шедший к революции и свершавший ее, веками находился под властью суеверий, впитывал в себя мифологическую культуру далеких предков. Календарно-обрядовая народная поэзия всецело связана с изначальным тотемистическим восприятием природы и, что еще важнее, с трудовыми процессами, порождена ими. Стало быть, и в бытовой лирике М. Артамонов и Д. Семеновский остаются певцами родной природы и народного труда.

Кроме того, красочные бытовые картины такого типа говорят об общем оптимизме и жизнерадостности мироощущения рабочих поэтов в суровое и бурное время, передают в широком смысле мироощущение всего трудового народа. Ведь и художественные представле-

ния, народные игрища на площадях больших городов в первые годы после Октября зачастую еще были связаны с библейскими сюжетами и мифологией.

М. Артамонов, как это уже отмечалось выше, очень близок к народному творчеству, к песенной, хоровой и плясовой стихии фольклора. Это обнаруживается в системе повторов, параллелизмов, характерных речевых оборотов, в лексике и фразеологии, к которой он чаще всего прибегает. Например:

Ой, вы песни-песенки,
Песни недопетые.
«Рассказ рабочего».

По типу народно-песенных, черпая краски из традиционной фольклорной образности, из сельского быта и природы, строит поэт свои сравнения и метафоры. Таковы «зоренька-княгиня», девушка, сравниваемая с «лебелицей», кудри, вьющиеся «повиликою», «золотое опахало» зари, «земля-невеста белая» и др. Как видим, немалую роль здесь играет прием олицетворения, лирико-психологического оживления природных явлений.

Но М. Артамонов не только песенник, тонкий лирик-пейзажист, он и фабричный поэт, лирик текстильного края. Эта «производственная» специфика сказывается в образной структуре его стихотворений, краски для которой он черпает из быта ткачей. Например, заря — «золотом **ткана**», «**синетканая** дымка», у ткацких станков — «голод царство **основал**» и т. п. Все это делает поэта проникновенным певцом родной природы, жизни трудового крестьянства и фабричного рабочего люда.

Богата и разнообразна интонационная и ритмическая структура стихов М. Артамонова, их ритмика и строфика. Мы найдем у него ритмы и строфы широкие, размашистые, а также строфы краткие, усеченные, резкие, с энергичной ритмикой, например:

Кабы мне бы
Пару крыл,
Я бы горе
Позабыл.

«Поле».

Этот пример показывает, как краткая строфика и энергичная ритмика создают плавную, напевную интонацию. Вот еще более яркий пример на этот счет, иллю-

стрирующий одновременно народно-песенные черты в композиционной структуре, в лексике и интонационном строе стихотворения (повторы, параллелизмы, тавтологии) и новшество в области рифмы (абсолютная парная рифмовка начального двустипия переходит затем в одну рифму, на которой строится дальше вся строфа):

Ходили лапти,
Гуляли лапти,
По полю, полю,
Искали волю,
Да нету воли
В миру во поле...
«Тропинка».

Прибегает поэт и к такой строфической организации, когда широкая размашистая строфа дробится, расчленяется и превращается в своеобразную лестницу (стихотворение «Палы»).

Наконец, у М. Артамонова имеются стихи, в которых он намеренно прибегает к внешнему разрушению строфики, смешивая ритмически хорошо организованные и зарифмованные строки в сплошной прозаический текст (своеобразные стихи в прозе). Так написана его «Война». Очевидно, основанием для такого экспериментаторства в данном случае служит определенный идейный мотив,— стремление передать разворошенность, разрушение сложившихся устоев жизни в суровое военное время. Вот эти стихи: «Порой, когда туманится вечерний небосклон и лентой дымка тянется со вражеских сторон,— все думаю, думаю думаю, лечу мечтой туда, где девушку угрюмую оставил я тогда».

Можно оспаривать правомерность и удачность отдельных таких экспериментов поэта в области строфики и ритма. Однако несомненно, что М. Артамонов расширяет ритмико-строфические возможности стиха, добивается богатства и многообразия их.

Основы для ритмики своих стихов М. Артамонов ищет и находит в устной народной поэзии песенного и плясового характера. Ритмика песни, пляски, частушки часто встречается в его стихах. Таковы, например, народный певучий стих, хореический песенный размер (стихотворение «Присуха»), бойкий, задорный частушечный ритм (стихотворение «Мил на фронте»), ритмика разудалой пляски (стихотворение «Пляс»).

В ритмической организации стиха М. Артамонов широко использует и опыт Некрасова и Кольцова. Так, ритмически к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» близко стихотворение «Странницы», а к кольцовскому «Косарю» — стихотворение «От окна к окну».

В стихах Д. Семеновского нет такого ритмического и строфического многообразия, как у М. Артамонова. В несравненно меньшей степени он обращается к ритмике устной народной поэзии, почти не создает хороводно-песенных и плясовых стихов. Своеобразие Д. Семеновского в тяготении не к мелодическому народно-песенному стиху (этим вовсе не отрицается мелодичность и звучность его поэзии), а к русскому классическому стиху Пушкина, отчасти Некрасова, близость к стиху его современника Есенина с характерными для него двухсложными и трехсложными размерами.

Стремлением к классической ясности, стройности и простоте отмечена и его языково-образительная практика, не лишенная, однако, и глубоких связей с фольклором, с бытовой образностью. Не чуждый яркости красок, предметных, зрительно ощутимых образов и живописных деталей, Д. Семеновский склоняется в большей степени, чем М. Артамонов, к земной обыденности, к прозрачной ясности, точности и простоте. Он рисует дрожащие «чистые росинки», «туманы белые и тонкие», «как солнышко, взоры девичьи», «прозрачные кисти рук» и т. п.

Поэт любит и тонко понимает родную природу, полевые и луговые просторы Руси и в воспевании ее, в щемящегрустном тоскливом чувстве иногда смыкается с Блоком и Есениным. Полевое, природное, сельское зачастую определяет структуру и характер его образных средств: цвет глаз девушки по ассоциации с полевыми цветами обозначается «**васильки очей**»; доля горевая должна «**всколоситься счастливыми днями**»; заря дает окраску революционному знамени,— и тогда «**заревое свивается знамя**»; трудовые люди призываются к сплочению для борьбы так же крепко, как «**колосья в косматом снопе**», и т. п. При этом пейзажное нередко сочетается с бытовым, житейски обиходным. И здесь Д. Семеновский плодотворно следует традициям крестьянского фольклора и Некрасова.

В народном творчестве поэта привлекает и лексиче-

ская стихия ласкательности и уменьшительности, позволяющая достичь эмоциональной теплоты простого, немудрящего изображения. Таковы «солнышко», «зорька», «сошка», которыми поэт, однако, не злоупотребляет.

Лирическая проникновенность и теплота достигаются не только этими средствами, но и умелым использованием поэтом приема олицетворения, очеловечивания природы, также характерного для народного творчества. О земле, о родной стороне он говорит человечески взволнованно и трепетно, как о живом любимом существе:

Туманы белые и тонкие
Твой смуглый умывают лик.
«Болотами»

Очень мало, значительно менее, чем А. Ноздрин, А. Благов и М. Артамонов, пользуется Д. Семеновский средствами «производственной» фабрично-заводской образности. Только в стихотворении «Поэту» (1913), несколько напыщенном и искусственном, он черпает материал для образов из фабричной действительности. Поэт здесь рассматривается как «вдохновенный ткач», «ткач узорных песен», искусно прядущий вязь и украшающий созданную им «ткань» «пышными словами». В рабочей и революционной тематике Д. Семеновский обращается, как отмечалось выше, за художественными средствами также к природе и сельскому быту.

Пестуя молодого поэта, А. М. Горький ограждал его от воздействия декадентской поэзии, увлечением которой в самом начале своего творчества грешил Д. Семеновский. «Вы не будете поэтом», — предупреждал он его на тот случай, если юноша останется при своем решении «**быть поэтом... града невидимого...**»¹.

Направляя его поэтическую деятельность, А. М. Горький положительно оценивал те стихи Д. Семеновского, которые свидетельствовали о близости его творчества к фольклорной традиции. Он направлял его по этому пути, а также хорошо отзывался о таких стихотворениях поэта на рабочую тему, как «Кузнец».

¹ Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 62.

«Лучше всего у вас выходят вещи, написанные в фольклорном стиле, и такие стихи, как «Кузнец»,— говорил Д. Семеновскому Алексей Максимович.— Вам нужно избрать одно из двух направлений и разработать его»¹.

Заботливая рука А. М. Горького уберегла молодого поэта от многих вставших перед ним опасностей и соблазнов.

С приходом в литературу М. Артамонова и Д. Семеновского, поэтов, широко опирающихся на опыт устного народного творчества и русской классики, на достижения своих предшественников — рабочих поэтов первого призыва, не только расширяются жанровый и тематический диапазоны пролетарской поэзии, но и увеличиваются изобразительные возможности ее языка и стиха. М. Артамонов и Д. Семеновский вводят в рабочую поэзию новые темы и жанры и углубляют те из них, к которым обращались их предшественники, добиваются большей поэтичности, художественной выразительности своих стихов.

За период с 90-х годов прошлого века до октября 1917 г. рабочая поэзия текстильного края прошла первоначальную стадию своего формирования, значительно расширив свои ряды и образное видение мира, оформившись идейно и художественно в заметное явление молодой пролетарской литературы. На новом историческом этапе, в великую эру, открытую социалистической революцией в нашей стране, обоим поколениям ивановских пролетарских поэтов предстояло довершить процесс своего формирования, набраться новых живительных сил из почвы родной советской действительности, обрести творческую зрелость. К этому они в значительной мере оказались подготовлены всем ходом их творческого становления и развития.

¹ Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 14.

НА ФРОНТАХ РЕВОЛЮЦИИ И ВЕЛИКОЙ СТРОИКИ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла небывалые возможности для развития подлинно народного искусства. Она призвала к творческой деятельности во всех сферах жизни таланты, которых так много таилось в глубине народных масс.

В. И. Ленин писал в 1919 г.: «Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь уметь найти эти таланты...»¹. Он говорил К. Цеткин: «Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни»².

В первые годы революции к знанию и творчеству потянулись многие красноармейцы, рабочие, крестьяне. Повсеместно организовывались литературные кружки, которым оказывали содействие партийные организации и органы народного образования. Одним из таких кружков в Петрограде (кружком милиционеров) руководил

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 54.

² Сборник «Ленин о культуре и искусстве», М., издательство «Искусство», 1956, стр. 519.

А. М. Горький. В какой-то мере его же можно считать заочным руководителем и ивановских молодых поэтов, группировавшихся вокруг местной газеты «Рабочий край».

Газете «Рабочий край» всегда принадлежало значительное место в воспитании ивановских литераторов. На ее страницах печатался Д. Фурманов. В редакции долгие годы в качестве сотрудников работали представители разных поколений поэтов и прозаиков ивановцев: М. Артамонов, Д. Семеновский, Еф. Вихрев, В. Полторацкий, Арк. Васильев и др.

В годы революции и гражданской войны газета «Рабочий край» много сделала для того, чтобы собрать и направить силы только что зарождавшейся молодой советской литературы.

То обстоятельство, что газета издавалась в центре текстильного края, богатого революционными традициями, не могло не наложить отпечатка на творчество тех начинающих писателей из широких слоев народа, которые вокруг нее группировались.

«Рабочий край» в первые годы революции объединял ивановскую литературную молодежь. Именно при этой газете существовал кружок. Здесь молодые поэты собирались, читали свои стихи, с волнением выслушивали письма А. М. Горького, с которыми знакомил их связанный с великим писателем еще с предреволюционных лет Д. Семеновский. «Главным организатором ивановских литературных начинаний, — как свидетельствует он же, — был старый правдист Мих. Артамонов»¹, работавший в это время в редакции газеты «Рабочий край».

Вот как характеризует Д. Семеновский и социальный состав, и литературную продукцию ивановцев, посетителей кружка при газете, и обстановку, в которой они занимались:

«Грозные годы гражданской войны пробудили в Иванове небывалую волну культурного подъема. В дни, когда, казалось, было не до литературы, когда истощенные ткачи с красными знаменами шли навстречу боям, когда от захваченного мятежниками Ярославля доносился гул артиллерийской канонады, — в эти дни в Ива-

¹ Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 109.

нове выросла целая группа своих, советских писателей. Обращаясь к текстильному городу, поэт Иван Жижин сказал:

Жезлом железной диктатуры
Ты облик зверя быстро стряс
И на горах мануфактуры
Ты сотворил себе Парнас.

На ивановском Парнасе встретились деревенские гарни, кухаркины дети, бывшие солдаты, старые и молодые рабочие. Собираясь в нетоплёной комнате, поэты грелись кипятком с сахарином, читали стихи. В стихах было немало сора, но попадались и крупинки золота.

Продукция шла в газету «Рабочий край», издавалась небольшими сборниками и альманахами... первым, кто заинтересовался ивановскими литераторами, был Горький¹.

Редакция газеты использовала переписку Д. Семеновского с А. М. Горьким для того, чтобы направить творческие поиски молодых поэтов, воспитать у них правильное отношение к литературному прошлому.

В то время, когда руководители Пролеткульта пытались убедить рабочих литераторов в том, что пролетарское искусство ничем не связано с искусством прошлого, в «Рабочем крае» появился отрывок из письма А. М. Горького к Д. Семеновскому, в котором речь шла о том, что «надо взять из прошлого все лучшее, все прекрасное, что там есть»².

Газета предоставила в конце 1918 г. свои страницы для открытого письма ивановских литераторов А. М. Горькому. В этом письме они ставили вопрос о необходимости издавать в революционной России литературно-художественный журнал. Великий писатель проявлял большой интерес к фольклорным материалам, печатавшимся в «Рабочем крае».

А. М. Горький хорошо знал стихи ивановцев. Издавна ему были известны стихи Д. Семеновского и М. Артамонова. Судя по переписке с Д. Семеновским, он был знаком и со стихами И. Жижина, С. Семина, Дмитриева, Барковой. Великий писатель получил коллективные

¹ Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 106—107.

² Там же, стр. 94.

сборники стихов ивановских поэтов «Крылья свободы» (1919) и «Красная улица» (1920).

А. М. Горький внимательно читал произведения ивановцев, выражал свое к ним отношение, содействовал их появлению в печати. И на газету «Рабочий край», и на стихи ивановских поэтов, как известно, он обратил внимание В. И. Ленина.

Судя по записке В. И. Ленина библиотекарю Кремля от 28 января 1921 г., А. М. Горький считал молодых поэтов, группировавшихся вокруг газеты, «настоящими пролетарскими» и в этом плане, как видно, противопоставлял их тем, кто воплощал в своем творчестве пролеткультовские принципы.

Что же собой представляло творчество поэтов-ивановцев в первые годы революции?

Молодые ивановские поэты не только радостно приветствовали Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Некоторые из них в своих стихах выразили четкое понимание качественного отличия ее от Февральской революции, в результате которой власть перешла в руки буржуазии. Характеризуя деятельность Временного правительства, юный ивановский поэт Еф. Вихрев писал о том, что

...не жизнь, а те же звенья
Народу поднесли от старых же цепей.

В революционном Октябре он видел победу рабочего, который «тяжелым молотом колеблет все устои». От ударов его молота «шар земной могуче задрожал». Пролетарская революция, как пишет поэт, освободила народ, открыла ему великие пути в будущее:

И больше стонов нет. Над миром светит солнце,
Бросая на землю коммуны яркий свет,
И все, кто верит в жизнь, увидел в этом солнце
Грядущий светлый мир, где слез и стонов нет.

О международном значении Великой Октябрьской революции Д. Семеновский писал в стихотворении «Руки». Мозолистые руки русского рабочего свершили переворот, который, по мысли поэта, должен привести к обновлению мира:

... Будет миг — окрепшие в работе,
Вы буйственно перевернете мир,
Вы звездный клир на землю низведете,
И станет жизнь благословенный пир.

Та же мысль явственно звучит и в стихотворении И. Жижина «Бескрайны прясла красных пашен».

Тяжелый молот в грудь Европы,
Как в наковальню, мощно бьет,
Мосты железные и тропы
Народ проводит и кует.

Ивановские поэты воспевали освободительную миссию революции. Они видели ее благотворное влияние и на рабочих, и на крестьян. Им революция представлялась как сила, которая сделает труд свободным творчеством людей. Тот же И. Жижин писал в стихотворении «Еще томится мир в веригах»:

Расправит вольный пахарь плечи —
И всколосится гладь пустынь;
Рабочих ульев трубы-свечи
Кудрями дыма взвихрит синь.

Уж грозно высятся стропила
Вселенской кузницы труда.
Идите к нам, в ком зреет сила
И воля к творчеству тверда!

Звучала в стихах ивановцев и тема интернационального братства народов. Так, например, обращаясь к революционной России, поэт Дм. Костромской восклицал:

И вот от громовых раскатов
Воскресла мертвая земля...
И ты приемлешь всех, как братьев,
В свои объятия поля...

— Ни элина, ни иудея!
Земля поет весне канон...
И вновь бессмертная идея
Сияет заревом знамен...

В тяжелые годы гражданской войны, в условиях разрухи и голода ивановские поэты создавали жизнеутверждающие стихи. Жизнеутверждающее начало их произведений было проявлением того исторического оптимизма, который присущ только классу, призванному изменить мир. В конкретных условиях первых лет революции этот оптимизм звучал, как несомненная уверенность в победе, в преодолении всех трудностей, стоявших на пути, в торжестве светлого радостного начала новой жизни.

Молодой поэт С. Огурцов, лирически выражая свое я, писал:

Много в сердце воскресших стремлений,
Много в сердце живого огня.

«Гусляр», 1920

Д. Семеновский создал в это время целую серию стихов, которые объединяются общими мотивами любви к жизни, к людям, к природе, как символу всего живого на земле. Поэт мечтает о том,

Чтоб человек, блажен и свят,
Дышал дыханием свободы
И, украшая жизни сад,
Молился красоте природы,

Настоящим гимном земному звучит проникнутое чувством бьющей через край радости стихотворение того же поэта «Я знаю, что солнце, веселое солнце». В этом стихотворении утверждается вечность бытия и цветения природы, неиссякаемость дел человека, его творческой жизни на земле:

Я вижу его над своими путями,
Я с солнцем встаю, я под солнцем живу,
Сливаюсь с лучами, листьями, цветами,
Влюбляюсь в людей и тянусь в синеву.

Когда же дышать и желать перестану,
Меня золотистым засыплют песком,
Но, кажется, я и тогда не устану
Тянуться под солнце упрямым ростком.

Такое мироощущение естественно рождает желание служить жизни, содействовать своим трудом украшению земли. Поэтому так искренни строки другого стихотворения Д. Семеновского:

О, когда бы прожить незадаром!
Засиять бы светлей и теплей
Скрытым пламенем, внутренним жаром
Пред иконой небес и полей!

Советская поэзия первых лет революции представляла собой крайне сложное явление. А. Блок, автор поэм «Двенадцать» и «Скифы», всем сердцем слушал революцию. Он был убежден в ее очистительной силе, верил в ее великое завтра родины, но плохо разбирался в характере происходящих событий, в классовом их существовании. В. Брюсов восславил Октябрь, но увидел в нем, как и А. Блок, не организованную силу, победившую под руководством партии большевиков, а вихревой взрыв,

шквал, который смел старый мир и открыл дорогу строительству нового мира, реальные контуры которого еще слабо вырисовывались перед поэтом. С. Есенин усмотрел в революции размашистую, удалую силу, победа которой была предопределена свыше. Он воспринял ее как новое воскрешение Христа и облек в образы, теснейшие связанные с обиходом старой русской патриархальной деревни. В. Маяковский воспевал грандиозность, масштабность великих событий. Его представления о борьбе, пожар которой охватывает весь мир, о роли пролетариата в этой борьбе, очень близкие к исторической правде, прорывались сквозь футуристическую оболочку произведений молодого поэта.

Передовым поэтом эпохи революции и гражданской войны был Демьян Бедный. Поэт-большевик сделал свои стихи оружием партии в борьбе за массы, в борьбе против врагов молодой Советской республики. Значительное место в только что зарождавшейся советской поэзии принадлежало поэтам Пролеткульта В. Александровскому, М. Герасимову, В. Кириллову и др. В большинстве своем это были люди одаренные, каждый со своим индивидуальным поэтическим голосом, но сбитые с толку пролеткультовскими теориями, которые тормозили их творческое развитие. Поэзии пролеткультовцев был присущ так называемый космизм. Он выражался в воспевании Великой Октябрьской социалистической революции, как Революции с большой буквы. В изображении пролеткультовцев она лишалась примет времени, своих реальных исторических черт. Их поэзия носила в основном гимнологический характер, и форма, в которую она облекалась была зачастую близка к требованиям, выдвигаемым символистами, которые стали учителями многих молодых рабочих поэтов, объединенных студиями Пролеткульта.

В поэтической среде этого времени шли жаркие споры. Еще очень смутным было представление о новаторстве. Многие в самой действительности представлялось недостаточно ясным. В такое время и в такой обстановке продолжали свою литературную деятельность, начавшие ранее, и начинали свой творческий путь молодые ивановские поэты. В поэзии они шли каждый от своего жизненного опыта, своим путем. Их призвала в литературу революция. Но шли они еще ощупью, и поэтому на

пути их было немало творческих ошибок, того, что впоследствии, в своих воспоминаниях об этой поре, Д. Семеновский назвал «сором».

Были элементы космизма и в стихах И. Жижина, есенинская ограниченность в представлении о революции в стихах Д. Семеновского и т. д., но все это проявлялось, как болезни роста, которые ищущим поэтам предстояло преодолеть.

Что же привлекало в ивановцах А. М. Горького? Прежде всего революционность, демократичность их устремлений и, конечно, творческая одаренность. Они ему представлялись более близкими к земле, к подлинному жизненному опыту народа, к фольклорной стихии, чем те ортодоксальные пролеткультисты, с которыми писателю приходилось встречаться в Петрограде первых лет революции.

А. М. Горький протестовал против попыток теоретиков Пролеткульта создать пролетарскую культуру лабораторным путем, изолировать ее от традиций передовой русской культуры, от широких народных масс. Он требовал отказа от «узкоцехового подхода» к делу созидания и развития пролетарской культуры. По свидетельству К. Федина, великий писатель говорил, выступая перед петроградскими пролеткультистами:

«Представление, что только пролетарий — творец духовных сил, что только он — соль земли, такое мессианское представление губительно. Как всякое мессианство, да-с. Надо искать пути к единению с крестьянской массой...»¹.

В ивановском кружке поэтов, группировавшихся вокруг газеты «Рабочий край», не было так претившей А. М. Горькому «узкоцеховой» ограниченности. Члены его в большинстве своем находились еще в начале своего творческого пути, но они не были тематически ограничены, рабочий и крестьянский мир был в одинаковой мере своим и близким для них, судьбы рабочих и крестьян в их представлении были общими. Выход поэтов-ивановцев за пределы пролеткультовских рамок, разнообразие их исканий, при всех недостатках творчества этих поэтов, как идейных, так и художественных, давал

¹ Конст. Федин. Горький среди нас, М., Гослитиздат, 1943, стр. 28.

основание А. М. Горькому видеть в них явление значительное и настоящее, связанное с будущим советской поэзии.

В первые годы революции продолжали писать стихи поэты-ивановцы, уже заявившие о себе в предреволюционные годы: А. Ноздрин, И. Назаров, А. Благоев, Д. Семеновский, М. Артамонов, И. Жижин. К этим именам прибавились новые: С. Семин, С. Огурцов, Е. Вихрев и др. Творчество некоторых из них ограничилось только годами гражданской войны.

В 1921 г. умер молодой талантливый поэт С. Семин. Немногим пережил его И. Жижин, так и оставшийся автором единственной книги стихов (Сборник «Мое», 1922). Хотя И. Жижин свои первые стихи создавал еще в предреволюционные годы, его творчество, так же как и творчество С. Семина, можно рассматривать только как начало пути поэта. Почти все литературное наследство И. Жижина, разночинца, сына прислуги-вдовы, уместилось в небольшой книжечке стихов, написанных в течение 1919—1922 г.

На титульном листе сборника посвящение: «Взлелеявшему дух мой—пролетариату Манчестера Красного—посвящаю эту книгу».

Стихи сборника «Мое» — свидетельство того, что тема революции разрешается поэтом в традиционных, иногда абстрактных, образах. Он не рисует конкретных картин революции. В его стихах есть только предчувствие ее, ожидание, уверенность в победе, приветствие революционных событий.

В стихотворении «Накануне» (1919) он пишет о том времени, когда зрели, «как цели, народные думы», когда путь был «к солнцу горек», но героичен, так как привел к «очистительной буре» революции, за которой открываются перспективы счастливой жизни народа.

В годы гражданской войны «еще томится мир в веригах», но И. Жижин уверен в том, что они будут сброшены и для победившего народа наступит пора созидательного творческого труда. Родина преодолет все трудности и станет свободной.

На страх насильникам и гадам
И бессердечным палачам
Русь станет красным вертоградом
Для тех, кто плакал по ночам.

Тема нового труда в творчестве И. Жижина начинается со стихотворения «Гимн свободному труду» (1920), в котором, сравнивая старую фабрику-тюрьму с «дворцом рабочих Пряжи Красновозвездной», поэт восторженно приветствует свободный труд и победителя-рабочего.

Его интересует и новая фабрика, и люди, работающие по-новому, но создать реальный образ героя действительности и дать реальную картину труда на новой советской фабрике поэту не удастся из-за стремления к надуманной «образности». Фабрику он сравнивает с «кирпичным китом» (стихотворение «Кирпичный кит», 1922), в котором во время «замораживания» в гражданскую войну «коченеет дремно муть тишины», а фабричный корпус у него оказывается «на дне дня».

Небольшой цикл стихотворений И. Жижин посвящает работникам типографии («Лики типографии», 1920) — наборщикам, которые «ловят»

...В верстатку пчел, светлянок, ос,
Чтоб разнесли они по белу свету
И яд, и смех, и мёд, и горечь слез;

печатникам, стоящим у машины, уподобляемой буре и волнам,—

Над волнами властны в бурю воды,
А маг-печатник над душой машины;

корректору, глаза которого «без устали устали», чтоб

...завтра бросить спозаранку
В пасть улицы причесанный листок.

Поэт хочет изобразить жизнь в постоянном движении, в образе тройки, которую надо гнать вперед, не останавливаясь, не озираясь на мещанский быт и не прельщаясь его болотным спокойствием:

Э-эх, и любо ж на вольном раздолье!
А бубенцы-то как жгут, говорят!..
Хочешь ли? Хочешь судьбу променять
Ты на долгое злое безволье?

«Тройка», 1920.

По своим устремлениям И. Жижин был поэтом, до конца преданным революции. «Стихи Жижина свидетельствуют о его таланте»¹,— писал А. М. Горький Д. Семеновскому. По мнению Д. Семеновского «стихи

¹ Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 109.

Жижины отличались смелостью образов и чеканкой поэтической фразы»¹. Но он еще полностью не обрел себя как поэт, и мировоззрение его находилось еще в стадии становления.

В стихах И. Жижины чувствуются нотки непреодоленного индивидуализма. Сборник его назван «Мое». Уже самое название сборника окрашивает творчество поэта в тона своеобразного субъективизма.

Часто И. Жижин замыкается в мире собственных переживаний, сосредоточивается на своем «я». Такого рода сосредоточенность рождает в его стихах неудовлетворенность собой, нотки пессимизма.

О, как я мало в жизни сделал
Для человеческого счастья.
«В жуткий час», 1922.

сетует поэт. Наряду с этим он туманно мечтает о том, чтобы

Одну сладкозвучную песню пропеть
И в жизнь отойти к берегам безымянным.
«Поэт и толпа», 1920.

Наиболее уязвимы с идейной точки зрения стихи И. Жижины о природе. Явно под чуждым декадентским влиянием он противопоставляет широту, щедрость природы алчности человека (стихотворение «Гроза на заре», 1920). Эти же стихи молодого поэта и наиболее подражательны. В них слышится то голос А. Блока (стихотворение «На островах», 1920), то К. Бальмонта, то С. Есенина (стихотворение «Лесные пожары», 1920).

И. Жижин с глубокой искренностью приветствовал революцию. Он был убежден в том, что является поэтом Красного Манчестера и хотел своими стихами участвовать в строительстве новой жизни, нового искусства. Но поэт не успел еще по-настоящему найти себя, выйти на широкую дорогу передовой социалистической поэзии. И. Жижин еще искал, еще не умел примирить «я» и «мы» и ушел из жизни в пору своего идейного и художественного брожения. Но он искренне воспел победу Великой Октябрьской социалистической революции, и это определяет его право быть названным в числе первых поэтов послереволюционного советского Иванова.

¹ Дм. Семеновский, А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 109.

Несомненным творческим дарованием обладал рано погибший поэт Сергей Семин (1897—1921). Бывший пастушонок, фабричный рабочий и солдат на фронте первой мировой войны, С. Семин после тяжелого ранения вернулся в родные края полным инвалидом.

«Бывший пастух Сергей Семин,— вспоминает Д. Семеновский,— удивлял всех знавших его своей одаренностью. В империалистическую войну, сидя в окопах, он научился грамоте, прочитал Пушкина и начал сочинять сам. Его стихи, написанные каракулями малограмотного, были певучи, просты и свежи. Семину хотелось учиться, но его силы были подорваны. В двадцать с чем-то лет он казался стариком и через два года умер от сыпного тифа»¹.

Стихи С. Семина печатались на страницах газеты «Рабочий край», а также в выходивших в г. Иваново литературных сборниках. Поэзия была для него не развлечением, а смыслом той новой, прекрасной жизни, к которой он страстно стремился.

Пастух, рабочий и окопный боец, С. Семин ответил на революцию, на события гражданской войны яркими и взволнованными стихами.

В его стихотворении «Набат» звучит порыв к свободе, гимн ей и хвала красоте борьбы за лучшее. Но не одни общие порывы вдохновляли поэта: он обнаруживал правильное понимание событий новой действительности (стихотворение «Субботник»). Пусть гражданскую войну и интервенцию поэт облек в былинные образы, пусть русский народ символизирован им в фигуре крестьянского богатыря Микулы Селяниновича, но основная тема — оборона революционной Родины — звучит в его стихах со всей силой реализма. Микула, видя, как «надвигаются вороги тучей», всю страну «на защиту подьемлет» и будит «верных славе» Илью, Добрыню и Поповича. Но непробудно спят богатыри далекого прошлого, передав свою силу, свою любовь к Родине всему трудовому народу.

Но не все себе
Смерть взяла у них,
Дух и силу их
Нам оставила.

¹ Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 108.

Свет Микулушка
Селянинович,
Сам иди спасать
Русь сермяжную:
О твою ли грудь
Богатырскую
Расшибуются в прах
Силы вражие.
«Микула», 1920.

Взволнованно писал С. Семин о деревне, о тяжелой доле мужика до революции, о любимых поэтом полях и перелесках.

Своего рода программным среди стихов С. Семина на деревенские темы является его стихотворение с выразительным заглавием «Мужицкая дума» (1920). Основной мотив этого стихотворения — преклонение перед кормилицей землей за обильное жито, за целительную красоту полей:

За тебя я жизнь свою с любовью
Положу, кормилица-земля,
Я вспоил тебя своею кровью,
Окропил слезами я поля.
Много лет тяжелых пережито,
Горьких много выплакано слез,
Лишь теперь обильней будет жито
После трудовых кровавых рос.
Для меня теперь настало время
Развернуться, грудью всей вздохнуть
И с согнутых плеч невзгоды бремя
Навсегда последний раз стянуть.

Наиболее силен С. Семин в своей лирике, которая выливается в форму непринужденной, близкой к народной, песни.

Таковы, например, стихи: «Ночь», «Август», «Синий лед на речке взломан» и ряд «песен» и «песенок». В них поэт пишет о светлой, чистой любви, безбурной, но сильной, которая развивается на фоне природы. Стихи эти пленяют своей жизнерадостностью и непосредственностью. Впечатление от них еще более усиливается благодаря широкому использованию С. Семиным частушечных ритмов. Такова, например, его «Песенка»:

Там, где узкая тропиночка
 Теряется в полях,
Чья-то белая косыночка
 Мелькает на плечах.

.

Незнакомая, знакомой
Стала ты моей судьбе,
Сердце сладкою истомой
Изболело по тебе.
Без нее мне радость — горе,
Горе радостно при ней.

Наряду с поэтическими удачами есть у С. Семина немало и художественных просчетов, недостатков стиховой техники: он не успел еще выработать своей поэтики, в полной мере овладеть искусством писать стихи. Но тем не менее в лице С. Семина мы имеем дело с поэтом даровитым, искренним, стремившимся к радостной, творческой жизни. Вот что завещал он своим младшим современникам и потомкам:

Живите, чувствуйте, горите
Во имя радости, любви,
Любя, сгорая, жизнь творите,
Жизнь засевайте на нови.

**
*

Двадцатые и тридцатые годы в нашей стране — это годы восстановления разрушенного хозяйства; перестройки деревни, индустриализации. События этого времени отмечены великими победами в строительстве социализма. Победы давались не сразу. Советским людям, строящим новую жизнь, меняющим облик старой России, приходилось преодолевать огромные трудности. В борьбе за социализм рос новый человек, свободный хозяин свободной страны. Это о нем и ему писал А. М. Горький к десятилетию со дня Великой Октябрьской социалистической революции:

«Моя радость и гордость — новый русский человек, строитель нового государства.

К этому маленькому, но великому человеку, рассеянному по всем медвежьим углам страны, по фабрикам, деревням, затерянным в степях и в сибирской тайге, в горах Кавказа и тундрах Севера, — к человеку, иногда очень одинокому, работающему среди людей, которые еще с трудом понимают его, к работнику своего государства, который скромно делает как будто незначительное, но имеющее огромное историческое значение дело, — к нему я обращаюсь с моим искренним приветом.

Товарищ! Знай и верь, что ты — самый необходимый

человек на земле. Делая твое маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир»¹.

Преображенный суровой борьбой человек советской земли в 20-е и 30-е годы чем дальше, тем в большей степени становился героем новой советской литературы. Достаточно напомнить о произведениях Д. Фурманова, А. Фадеева, М. Шолохова, В. Маяковского, Э. Багрицкого, Н. Тихонова, Л. Леонова, В. Луговского и многих других советских прозаиков и поэтов, писавших в эти годы.

Под водительством Коммунистической партии советские люди побеждали на всех участках борьбы, и под водительством Коммунистической партии росла и крепла советская литература, литература социалистического реализма.

На пути своего развития советская литература 20-х и 30-х годов преодолела немало трудностей. На первых порах она не была и не могла быть единой. Различные писатели в разной мере принимали и в разной степени понимали события, происходившие на просторах великой страны. Далеко не все и не всем было ясно в таком важном вопросе искусства, как традиции и новаторство. Кое-кому глубоко революционным казалось разрушать в области формы все, что было связано с классическим искусством, и искать новое в формалистических вывертах. Были и писатели, которые, принимая революцию, ратовали за так называемую «свободу» творчества; тем самым они пытались изолировать литературу от партийного воздействия и проповедовали буржуазный анархизм в искусстве.

Идейные и эстетические брожения в писательской среде, поиски многими ее представителями самих себя породили в 20-х годах существование разных литературных группировок. Некоторые из них («Серрапионовы братья», «Перевал», конструктивисты) испытывали сильное влияние устаревших буржуазных эстетических представлений или тех теорий, которые выдвигались западными буржуазными писателями послевоенной Европы. Пролетарские писатели в большинстве своем в 20-е годы объединялись РАПП, которая на первых порах своего существования играла значительную роль в борьбе с

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 24, стр. 293.

буржуазным эстетизмом, с идеалистическими представлениями об искусстве, имевшими еще приверженцев в литературной среде.

Коммунистическая партия заботилась о том, чтобы политически воспитать советских писателей, помочь многим из них преодолеть ошибочные представления о жизни и об искусстве, сплотить их между собой. Наиболее значительным фактом в борьбе партии за советских писателей в 20-е годы явилась историческая резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы».

К началу 30-х годов положение дел в советской литературе значительно изменилось. Наиболее крупные писатели различных поколений (Алексей Толстой, С. Н. Сергеев-Ценский, К. Федин, Л. Леонов, Н. Тихонов, Э. Багрицкий и др.) неустанно шли по пути сближения с жизнью. Они очень выросли политически и успешно овладевали методом социалистического реализма. Об этом в достаточной степени отчетливо свидетельствуют такие произведения, как «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо» В. Маяковского, «Соть» Л. Леонова, «Капитальный ремонт» Л. Соболева, второй том трилогии А. Н. Толстого, «Хождение по мукам» — «Восемнадцатый год», первые тома его же романа «Петр I» и т. д. Большой шаг вперед в овладении мастерством, в освоении опыта своих предшественников-классиков к этому времени сделали и молодые пролетарские писатели, раньше всех давшие образцы произведений социалистического реализма, — М. Шолохов был уже автором двух томов «Тихого Дона» и «Поднятой целины», А. Фадеев — «Разгрома» и первых частей романа «Последний из Удэге», Ф. Панферов уже опубликовал первые три тома своих «Брусков» и т. д.

К началу 30-х годов некоторые из существовавших прежде литературных группировок (конструктивисты, Леф) распались сами собой, другие, продолжая существовать, уже не характеризовали истинного лица советской литературы и являлись тормозом для ее развития. Отрицательную роль в этот период играла РАПП. Руководство РАПП выбросило глубоко ошибочный лозунг — «союзник или враг» и проводило линию не на объединение, а на разъединение сил советской литературы.

Действительное состояние советской литературы и задачи ее дальнейшего развития требовали коренной перестройки организационных форм писательских объединений, и ЦК Коммунистической партии 23 апреля 1932 г. принял мудрое решение о перестройке литературно-художественных организаций. Согласно этому постановлению, ликвидировались все существовавшие до этого времени литературные организации, и РАПП в том числе, а вместо них создавался единый Союз советских писателей. В результате большой подготовительной работы оргкомитета, во главе которого стоял А. М. Горький, в августе 1934 г. был проведен Первый Всесоюзный съезд советских писателей, подведший итоги достижениям советской литературы и наметивший дальнейшие пути ее развития как литературы социалистического реализма.

Подводя итоги работы съезда, А. М. Горький говорил о том, что на заседаниях съезда, в речах его участников «еще раз победоносно прогремел гром большевизма, коренного преобразователя мира и предвестника грозных событий во всем мире». Победа большевизма на съезде определилась в том, говорил кормчий советской литературы, что те из писателей, «которые считались беспартийными, «колеблющимися», признали — с искренностью, в полноте которой я не смею сомневаться, признали большевизм единственной руководящей идеей в творчестве, в живописи словом»¹. Единство устремлений советских писателей, их слияние с партией и народом особенно выразительно прозвучало в речи Л. Соболева, который начал ее словами: «Партия и правительство дали советскому писателю решительно все. Они отняли у него только одно — право плохо писать»².

Первый Всесоюзный съезд советских писателей был не только знаменем духовного единства молодой советской литературы, он был тем разбегом, взяв который, советские писатели на протяжении второй половины 30-х годов брали в искусстве новые и новые высоты.

Явления, характерные для всей советской литературы 20-х и 30-х годов, определенное отражение нашли и

¹ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., Гослитиздат, 1934, стр. 675.

² Там же, стр. 203—204.

в литературной жизни г. Иванова. Этот период был временем собирания сил, идейного мужания и художественного совершенствования ивановских литераторов.

**
*

Ивановские писатели в 20-х годах не разделялись по принадлежности к той или иной литературной группировке. В какой-то мере это можно объяснить их мировоззренческой однородностью, социальной близостью. В большинстве своем они были не просто литераторы, а люди, прошедшие и проходившие единую школу жизни, непосредственные участники ее строительства, защищавшие и творившие новую действительность за станком, на полях или с винтовкой за плечами. Между ними тоже были споры по вопросам литературы. Многие из них неясно представляли себе сущность искусства, не были искушены в вопросах эстетики и поэтому тяготели к разным литературным группировкам. Но организационного разделения у них все-таки не было. Вообще разногласия между литераторами-ивановцами не доходили до большого накала; в их отношении к работе друг друга не было зашательства, которым отличались критики из ивановского альманаха «Атака». Эти критики подражали тому тону команды и окрика, который чем дальше, тем в большей степени характеризовал деятельность рапповских руководителей.

Если в общесоюзной литературе 20—30-х годов, наряду с успехами советской поэзии, огромными достижениями была отмечена работа прозаиков и проза заняла ведущее место в литературном процессе этого периода, то с прозаиками г. Иванову на первых порах не везло. В 20-х и 30-х годах в литературе края наиболее ярко проявили себя поэты нескольких поколений.

Поэты старшего поколения А. Ноздрин и И. Назаров на протяжении 20—30-х годов писали стихи главным образом на тему «раньше и теперь». Познавшие на собственном опыте все «прелести» жизни дореволюционного рабочего, пользуясь фактами новой советской действительности, они показывали, как изменились условия существования трудящихся и пели хвалу тому новому, что внесла в жизнь пролетариата Великая Октябрьская социалистическая революция. Их же современник А. Бла-

гов в своих стихах рисовал историю рабочего-текстильщика, рассказывая ее «не богатыми», но правдивыми словами.

В 20—30-е годы А. Ноздрин средствами поэзии изображал революционные события недавнего прошлого и людей, участвовавших в них. Он оживлял это прошлое, чтобы установить нити, связующие его с современностью. Это была не только поэзия воспоминаний и итогов, но и поэзия живой, текущей жизни.

В юбилейную годовщину революции 1905 года А. Ноздрин писал о борцах за революционное дело:

Весь Север, всю Сибирь они перепознали,
Как книгу скорбную отчаяний земли,
Где Ленина одни встречали,
Другие с ним туда этапом шли.

Но жизнь этих «отцов революции» — не законченная страница. Их огромный революционный опыт, «стаж ссылок, тюрем, каторжных годов», крепкими узами связывает прошлое с современностью, поэтому

Зовут на заседание дней старых бунтаря...
В программе дня: тринадцать лет октябрьских,
Двенадцать лет предгрозя Октября.

«Отцы революции», 1930.

В стихотворении «70-летний юбилей большевички» (1932) поэт дает портрет одного из зачинателей революционного движения в Ивановском крае (по-видимому, О. А. Варенцовой).

Еще на один славный юбилей откликается А. Ноздрин в стихотворении «Тридцатилетие» (1935); это — революционные дни 1905 года в Иванове, события на Талке:

Пусть речонка маловодна,
Но оставлен ею след,
Где истории угодно
Было вынырнуть Совет.

А. Ноздрин пишет о расстреле 10/23 августа 1915 г. ивановских рабочих, шедших освобождать из тюрьмы своих арестованных товарищей-большевиков. Событие это, как изображает поэт, не осталось одной лишь датой революционного календаря: оно отозвалось позднее:

Но возвратными сказались вражьи пули,
Август выпустил их к ночи на заре,
А вернулись одни из них — в июле,
Остальные — в буйном Октябре.

«Кровавая дата».

М. В. Фрунзе, с которым А. Ноздрин встречался еще на берегах Талки, впоследствии сыграл огромную роль в гражданской войне, в частности в освобождении Урала от контрреволюции. Воспоминание об этом вызывает у поэта образ кремня-самоцвета. М. В. Фрунзе умер, но в сознании народа он жив и блесит подобно этому драгоценному камню —

В оправе своего великого народа
Нашел он место, как пример побед...
Какая редкая кремня порода!
Какой был это дивный самоцвет!

«Кремень-самоцвет», 1925.

А. Ноздрин хорошо понимал, какая коренная ломка совершалась вокруг. Совершенно иной, неизвестной, несравнимой с прошлой стала советская фабрика, и в корне изменились условия труда рабочего (стихотворение «Неузнаваемая», 1922), потому что

Здесь каждый винтик, шестеренка
Тон новой жизни задает.

Советский человек стал работать по-новому (стихотворение «На нови», 1932). Поэт видел, что хотя еще недобит враг, бессильно пытающийся вернуть «звериный старый быт», но на трудовой нови советский человек уже взялся за дело пятилеток «от сердца, от души», и поэтому его ждет несомненная победа.

Выйдя на путь борьбы еще в 80-е годы прошлого века, А. Ноздрин до последней минуты своей жизни чувствовал себя участником построения нового социалистического общества:

За семьдесят мне три,
Года — пора итогов,
А у меня внутри
Кипение восторгов.
Я не хочу молчать,
Душою не гореть,
Когда есть что сказать
И есть о чем мне петь.

«К итогам жизни», 1935.

Итогом поэтической работы И. Назарова в 20—30-е годы является небольшой сборник его стихов и песен «За станком» (Иваново, ОГИЗ, 1939).

Старый поэт приветствует новую жизнь, нового человека, новую родину. С ненавистью говоря о прошлом, он чувствует себя слитым с огромным коллективом, строящим социализм:

Всей семьей мы, всем народом
Строим счастье наше.
Расцветает с каждым годом
Наша жизнь все краше.

«Невозвратно минувшее», 1921.

И. Назаров не может вдоволь налюбоваться «полями прекрасной родины» своей, сулящими обильный урожай (стихотворение «Родине», 1936). Благодаря радостному восприятию нового, стихи его звучат бодро, оптимистически:

Мне так радостно живется,
Всем теперь доволен я,—
Оттого так и поется
Песня весело моя.

«Песня», 1938.

Особенно рад поэт за женщину, ранее забитую, бесправную. При советской власти она перестала быть рабой, ее не давят горе и заботы, перед ней широко открыт путь к наукам, к знанию (стихотворение «Женщина», 1925). И. Назаров показывает, как изменился труд на советских фабриках и заводах. Теперь ткачиха радостно стоит за станками, сознавая себя участницей коллективного труда, строительницей коммунизма (стихотворение «Ткачиха», 1937).

Подражая в композиции и ритмике стиха Д. Бедному, автор приветствует молодежь, едущую на различные стройки:

Уж как матушка меня
Провожала,
Провожала далеко,
До Урала.

«Песня», 1937.

Наконец, обращаясь к оборонной теме, поэт находит душевные слова приветствия стражу Родины — пограничнику (стихотворение «О пограничнике», 1938) и глубоко прочувствованно пишет о подвиге героя, погибшего на Хасане (стихотворение «Песня», 1938).

Из поэтов-ивановцев старшего поколения в 20—30-е годы особенно широко развернул свою творческую работу А. Благов.

Этот период в литературной деятельности поэта ознаменован достижениями творческой зрелости.

Жизненный опыт А. Благова определил круг его поэтических тем: фабрика, город, деревня, труд, люди на стройке, быт. В центре этого тематического круга — текстильная фабрика.

А. Благов — поэт текстиля, поэт того края, который издавна до революции был средоточием «ситцевого» капитализма, а после Октября, став промышленной областью, широко развернул социалистическую стройку:

Текстильный край, где жил я много лет,
Тебе рабочий песенный привет!
Дополнить песню я хочу тобой:
Меня взрастил батанов звонкий бой,
Я изучил машинный разговор,
Я песню пел про ситцевый узор
И вновь пою. Гордись, моя строка,
Призывами трехсменного гудка.

Вместе со своим классом поэт шел по трудной дороге борьбы, вместе с ним пришел к победе.

А. Благов пишет о том, как свершилась социалистическая революция, как «снял Октябрь жестокие оковы» с народа:

Вдали отрадно и светло,
Не быть былому бездорожью!
И я, годам моим назло,
Шагаю вместе с молодежью.

Поэт рисует себя на работе. Чтоб не отстать от комсомольцев, чтоб на новой фабрике работать по-новому и не растрчивать минуты, он заводит будильник:

Будильник, друг, не измени!
Как раз в четыре зазвени!
...Пусть раньше я на полчаса
Приду в стальные корпуса,
Зато укором для меня
Стучать не будет шестерня.

«Печаль мутит глаза» поэта-ткача, когда болезнь оставляет его дома. Он грустит, что

Белой ткани, красному батану
Не отдам приветливый поклон.

Кипит работа на новой фабрике: «звенит, поет отбельный цех», «резвятся вольные приводы», «ткани снежные цветут в лесу ремней»; и А. Благову дорого то,

Что свежей ткани каждым метром
Мы мирового бьем врага,
Что мы крепим стальной союз,
Союз машин с простором пашен.

Глядя на леса растущих грандиозных фабричных и заводских зданий, поэт думает о том, как камень за камнем укладывается фундамент социалистического общества, как в процессе овладения новыми методами социалистического труда растут и перестраиваются люди. И в шуме стройки А. Благов едва успевает перевести заметки из своих записных книжек в стихотворные строки.

Воздух от грохота рвется на части,
Эхо густое кварталы колышет —
Перекликаются новые крыши.
Мимо асфальта в осеннем тумане
Гордо проходят дома-великаны.

Быстро росли на территории Ивановской области огромные корпуса из стекла и железа. Они наступали на городские окраины, сметая былую рухлядь мещанских домишек, мещанского быта. А. Благов, помня каторжные условия труда на капиталистической Витовской фабрике, теперь восторженно слушает симфонию «Красной Талки»:

Прекрасную песню советскому строю
Сложили сто тысяч стальных веретен.

В эту песню вплетаются новые звуки марша ударных бригад:

Над окраиной гудит
Заключительным маршем
Величавая песня работ.
На страницах своих
Отмечает героев «Торфмаша»
Пятилетки решающий год.

Огни новостроек, как рисует поэт, ярко освещают путь «для каждого, для всех, кто твердо верит в пролетарский класс».

В стихотворении «Дума за станками» (1925) А. Благов дает образ работницы, знавшей еще старую фабрику, «тесную клетку». Новая фабрика, новые условия труда принесли ей иную жизнь, так непохожую на прошлую, тягостно прожитую:

В груди рабочей мрак растаял,
Пропал его последний след:
Я мысли Ленина читаю,
Я — грамотейка в сорок лет.

А рядом соседка — «пятый год у звончатой машины». Она не знает былого, — на ее «рабочей блузе искрой алой комсомола новенький значок». Она рада отдать свою «силу молодую» строительству новой жизни, творческому труду. И недаром —

Солнце в корпус протянуло руку,
Чтоб погладить шелк ее волос.

А. Благов видит, как

Миллионы героев
Растут в наше время
На лесах новостроек,
На колхозных полях,
У станка.

«Комсомолка Панова», 1931.

Он рассказывает в стихах о бригаде на «Торфмаше» (стихотворение «Торфмаш», 1931), которая отмечает напряженной работой каждый час. В ней — крепко закаленные «коммунары по духу, по крови». Бригадир ее прошел путь от «батрака-мальчугана в деревенской глуши» до «рядового большевистских колонн».

Поэт не проходит мимо пережитков старого в быту и сознании людей. В серии своих стихотворений он рисует образы прогульщика, рвача, лодыря, злостного саботажника, вредителя социалистического производства (стихотворение «Распутье», 1925, «Поселок», «Никита», 1930).

Наиболее зрелые произведения А. Благова написаны во второй половине 30-х годов. Тематика их остается в основном прежняя, «текстильная».

Поэт нередко вспоминает прошлое, как разительный контраст с современностью.

В этих воспоминаниях он рисует очень реальную картину минувшего:

Сижу до поздней-поздней ночи,
В чаду копилки чуть видна
Страница. Стих плетется вяло,
В углу с ребенком спит жена.
К стене примерзло одеяло.
Народ — вповалку на полу...

Картина эта, как тень от яркого света, отделена от современности; теперь —

...на поля моих страниц
Струится лампа белым током.
Тепло. Светло. И мысль моя
Бывалой горечи не знает.
«Вечера», 1935.

Поэту памятни годы нищеты, бесправья, годы каторжного труда рабочих, дававшего капиталистам неслетные богатства:

Мы строили, мы созидали
И не имели ничего.
Владельцы золота считали
Себя владельцами всего.

Но, как рисует А. Благов, рабочими все больше и больше овладевают идеи революционного марксизма, уже «ударил первый гром—Пятый год», который открыл дорогу к Октябрю. Но дорога эта

...вела не легким следом,
Кремниста вдоль и поперек,
Но к счастью светлому, к победам
Других на свете нет дорог.
«Начало», 1937.

Теме революции 1905 года А. Благов посвятил стихотворение «Песня старого ткача» (1938). По своей ритмике это массовая песня со всеми ее художественными особенностями; недаром она положена на музыку ивановским композитором Н. И. Смирновым.

Помню я, ребята,
Год великий Пятый:
Встали мы грозною на господ.
Время это славное,
Время это давнее
Никогда в народе не умрет.
Не забуду Талку,
Где волною жаркой
Речи большевистские лились,
Где за жизнь народную —
Светлую, свободную —
До конца бороться мы клялись.
Годы миновали, —
Все свое мы взяли —
Наша вся советская земля:
Дали безграничные,
Корпуса фабричные,
Щедрые колхозные поля.
Если ж будет нужно
Взяться за оружие
Против иноземных палачей,—

В тот же миг поднимется,
В бой последний ринется
Армия ивановских ткачей.

А. Благов, хотя и нередко обращается к теме минувшего, но, как об этом свидетельствует «Песня ткача», чаще всего он это делает по контрасту, противопоставляя ему современность, с которой поэт связан крепкими нерушимыми узами.

Текстильный город — родная стихия для А. Благова. Здесь он черпает сюжеты, темы и образы для своих стихов. Этому городу он и посвящает свое стихотворение «Наш город» (1935).

А. Благов считает, что никакая, самая великолепная природа не может по красоте своей сравниться с большим промышленным городом:

Много блеска у майских высот,
Но у города больше красот.

Радостно приветствует А. Благов новаторов производства, работающих новыми методами и дающих стране в сотни раз больше продукции, чем прежде. Так, например, его восторг вызывает труд Дуси Виноградовой, которая работает «две сотни станков закрепив за собой» (стихотворение «Время», 1936).

Поэтика стихотворений А. Благова отличается известной своеобразием. А. Благову близка, главным образом, одна песня — песня стали и труда. Он зачарован ею, он не слышит других звуков. Машины живут и разговаривают с поэтом. В грохоте и шуме он улавливает, что «станковый хор пустился в долгий разговор»; он видит, как «хлопотал говорливый топор»; он печалится, когда «мотор вдруг забудет крутой разговор».

Шумная стройка корпусов, где «нервы — железо, оправа — бетон», рождает благовский ломкий в ритме стих, замкнутый однообразным перестукиванием точных, без нюансов рифм. Попытки поэта музыкально инструментировать стих, сообщить ему мелодическую звуковую окраску, найти свежую рифму иногда кончаются неудачей (рифмы: туман—зима, одно—холодно).

В своих стихах А. Благов город и фабрику часто изображает при помощи образов, связанных с миром деревни и ее природой.

Я приду с зарею яркой,
Обмету с машины пух...

Ну, скорей над кочегаркой
Запевай, гудок-петух.

Работницу в фабричном корпусе он видит «румяной утренней березкой», с улыбкой глядящей на «полотняные ручки». Сравнениями, взятыми из мира природы, поэт пользуется для наиболее поэтичного изображения результатов вдохновенного труда рабочих на советской текстильной фабрике:

Разноцветный сатин предо мною
Зацветает, как поле весной,
Льются метры тугих миткалей,
Серебристого снега белей.

На зрительные образы А. Благоев скуп. Палитра его красок не знает полутонов; на ней, как в народных песнях, преобладает несколько основных цветов.

А. Благоев любит называть себя «рабкором». В этом и сила и слабость поэта. Темы его «рабкорских» стихов очень значительны, нужны, актуальны, но порою газетная по своему стилю строка, заняв место в стихе, все же стихом не становится. Простота, доведенная до предела, иногда оказывается в двух шагах от упрощенности.

Чем дальше, тем в большей степени А. Благоев овладевает поэтической техникой, в узких пределах, нарочито им для себя избранных, разнообразит средства поэтической выразительности и создает значительное количество стихов, отмеченных настоящей художественностью.

**
*

Рабочие поэты второго поколения М. Артамонов и Д. Семеновский продолжают свою литературную деятельность и в 20—30-х годах, но удельный вес творчества каждого из этих поэтов в литературе края различен.

Ярко и разнообразно по тематике в 20-х и в 30-х годах проявляет себя Д. Семеновский. Творчество его делается художественно более выразительным. Он много пишет, живо откликаясь на самые разнообразные явления жизни.

Не так дело обстояло с М. Артамоновым. Более или менее активное участие он принимает только в литературном движении 20-х годов. Творческий диапазон его поэзии много уже, чем у Д. Семеновского. Почти един-

ственной темой творчества этого поэта является тема деревни (сборник стихов «Деревенская улица», 1924, «Песни», 1928, «Маков цвет», 1928).

Большинство стихов М. Артамонова о деревне связано с крестьянским бытом, трудом, сельской природой, отдельными этапами сельскохозяйственных работ. Об этом свидетельствуют даже их названия: «Лен», «Поля», «Урожай», «Дожинки», «Покос», «Молотьба» и т. д. Среди произведений поэта на деревенскую тему, как и до революции, часто встречаются стилизации под обрядовую и хороводную лирику.

Избрав своей главной темой деревню, М. Артамонов видит ее глазами пролетарского поэта. С любовью он отмечает новые явления деревенской жизни, те приметы времени, которые уже в 20-х годах отличали советскую деревню от дореволюционной. Поэт радостно приветствует появление в деревне трактора, радио, открытие и работу клуба. Новые дела советской деревни вдохновляют М. Артамонова. Он пишет:

Веют красные взвев
У полевой колес,
Вижу в селениях всходы,
Жатву новых дел.

Городская фабричная тема в 20-х годах почти совсем не затрагивается М. Артамоновым. Исключением являются только три стихотворения: «Фабрика стоокая», «Кузнец», «Ремни загудели».

М. Артамонов не смог преодолеть тех недостатков, которые уже так явственно проступали в его творчестве предреволюционных лет. Он по-прежнему увлекается цветистостью стиха, которая зачастую приводит к манерности, превращается у него в самоцель. Сам поэт называет свои стихи «песенками, травой перевитыми».

Стремление к песенности во что бы то ни стало в творчестве М. Артамонова в отдельных случаях заглушает основную мысль произведения. Несмотря на некоторые успехи М. Артамонова в изображении жизни советской деревни, во многих своих произведениях 20-х годов он не идет дальше уже достигнутого в ранний период его творчества, и в этом своеобразная драма поэта, оставшегося со своей старой песней, ограниченной уже пережитыми и художественно им же решенными темами.

На первое место среди поэтов-ивановцев по художе-

ственной значительности своего творчества в 20—30-е годы выдвигается Д. Семеновский, который прошел немалый путь исканий.

Если до этого времени он печатал только отдельные стихотворения в разных журналах и газетах, то теперь поэт собирает разрозненное в сборники, каждый из которых является известным этапом на его творческом пути. Сначала это было участие в коллективных сборниках («Красная улица», Иваново, 1922), а затем и самостоятельные книги: «Благовещение» (Иваново, изд. «Свирель», 1922), «Под голубым покровом» (Иваново, изд. «Гамаюн», 1922), «Мир—хорош» (Москва, «Круг», 1927), «Земля в цветах» (Москва, «Недра», 1930), «Путь» (Москва, Московское товарищество писателей, 1933), поэма «Сад» (Москва—Иваново, 1936), «Слово о полку Игореве», перевод в стихах (Иваново, 1939), «Избранные стихи» (Иваново, 1940).

Два крупнейших мастера литературы положительно оценили стихи Дм. Семеновского — это А. Блок и М. Горький.

Называя первый сборник своих стихов «Благовещанием», поэт хотел выразить мысль о том, что он несет людям доброе слово.

Поэт отмечает, как шелуху, «все пасмурное, мрачное и злое», что накопилось в человеке, он верит в то, что «во всем, что населяет мир», разлито Голубое, под которым Д. Семеновский подразумевает все доброе и прекрасное.

Д. Семеновский впоследствии, в воспоминаниях об А. М. Горьком, признавался в том, что в пору своей творческой юности он не всегда умел уважать свое, индивидуальное, и это приводило к тому, что в своих стихах молодой поэт иногда «рядился в платье с чужого плеча». «Такой маскарад,— продолжает Д. Семеновский,— вызвал со стороны Горького резкую критику».

А. М. Горький требовал от Д. Семеновского быть самим собой, «выкинуть из головы всю современную бутафорию и театральщину, все эти «дали», «Эдемы», «фиалы», дохлых «Прекрасных дам» и прочую дребедень».¹ Только при этом условии, как писал А. М. Горький, можно стать «хорошим, серьезным поэтом».

¹ Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 14.

Вчитываясь в стихи Д. Семеновского, переписываясь и разговаривая с ним на своей даче в Финляндии, великий писатель убедился в том, что юноше еще не хватает жизненного опыта, что ему нужна социальная среда, способная вырастить из него настоящего передового поэта. Отсюда совет: «Вам было бы полезно... войти в среду городского пролетариата, постараться понять взаимные отношения людей и силы, управляющие их жизнью».¹

Настоящий жизненный опыт и близкое общение с пролетарской средой Д. Семеновский обрел только после Великой Октябрьской социалистической революции, работая в центре текстильного края, г. Иванове. Но это не значит, конечно, что он сразу и окончательно избавился от тяготения к тому, чтобы рядиться «в платье с чужого плеча». Отзвуки такого тяготения есть и в тех стихах сборника «Благовещение», в которых поэт символом «голубого» обозначает мечту о прекрасном и добром и, всячески стремясь к нему, выражает сомнение в возможности для себя найти пути к этому прекрасному:

Ах, и мне бы и мне бы уйти,
Догоняя воронью стаю,
Где, о, где отыщу я пути
К голубому блаженному краю?
«Молчаливый вечерний покой», 1920).

В стихах о «голубом» Д. Семеновский явно рядится «в платье с плеча» молодого А. Блока, давно оставленное им самим. Они свидетельствуют о том, что поэту еще было не под силу окончательно расстаться со своим прежним юношеским настроением стать «поэтом прекрасной дали, грядущего Эдема, града невидимого».² И это «не под силу» объяснялось еще недостаточным сближением с жизнью, а также попыткой реальные мечты облечь в несоответствующую им форму поэзии символистов.

Стихи первого сборника Дмитрия Семеновского сотканы из противоречий. Оптимистическое жизнеутверждение, тяготение к земному — с одной стороны и декларация идеального, «голубого», незримой и непостижимой

¹ Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 65.

Там же, стр. 14.

мечты — с другой. Но чем дальше, тем в большей степени в творчестве поэта побеждает земля, все запахи и цветы реальной жизни. В стихотворении «Благослови, душа моя» (1921), внешне, но не предвзято напоминающем «Иоанна Дамаскина» А. К. Толстого, он эту тягу к реальной жизни выразительно и поэтически подчеркивает:

Благослови, душа моя,
Ласкающую синеву
И мотылька, и муравья,
И эту свежую траву.

Как ни заманчив был для Д. Семеновского порыв в неведомые дали, в солнечный чудесный край, реальная жизнь, даже лишенная ярких озарений, притягивает его к себе.

Я рвусь в какой-то край чудесный,
Но жаль бессолнечных полей.
«Там небо...», 1922.

Стремление к реальному отозвалось и на поэтической конкретизации идеального: вместо абстрактного «голубого» поэт начинает чаще обращаться к Солнцу, как жизнеутверждающей силе, которая «сияет во всем, обитает во всех». Сила эта неизбывна, и тяга к ней неистребима (стихотворение «Я понял, что солнце...», 1921).

Будучи своего рода программным, стихотворение это несет на себе следы тщательной художественной отделки: четырехстопный амфибрахический стих иногда разрезается на одностопные частицы. Таким построением стиха поэт стремится обратить на эти частицы внимание, что подчеркивается им и графически:

Я вижу его над своими путями,
Я солнцем,
Я с солнцем,
Я в солнце живу.

Этот прием дает простор для внутренних рифм, звуковых повторов, анафор и рифм, сообщающих особую напевность всему стихотворению.

Животворность солнца, как представляет себе поэт, зримо проявляется прежде всего в природе, где царит «строгий чин», гармония законов, рождающих красоту и величавость. Поэтому ему хочется слиться с природой и всемерно славить ее:

И я пою и не могу не петь..
«Мне чудятся...», 1921.

Именно эта убежденность в невозможности не петь и сделала Дм. Семеновского поэтом реальной красоты жизни, а не абстрактного космизма. Утверждение тезиса о невозможности не петь встречается и в изящной стихотворной миниатюре «Обнищала рябина» (1921), построенной на параллелизме,— образ обнищавшей рябины, отдавшей свое «последнее золото», и образ поэта, который принес «золотые дары песнопений потаенной красоте».

Поэт использует прием «зеркального обращения». Он не призывает людей учиться у природы, а призывает природу учить людей:

Поток, росток, цветок на мирной ниве,
Учите нас премудрости своей,
Учите нас, о братья, быть счастливей,
Учите жить красивей и светлей.

«Поток, росток...», 1922.

Это обращение делается в повышенной восклицательной интонации, усиленной междометием «о» и повторением слова «учите»:

О, солнце дня! О, напоенный небом
Пушистый снег! О, лиственный собор!
О, перелив звезды над синим снегом!
Прельщайте нас, родните нас с собой.

Счастливым Д. Семеновский считает того,

Кто тихой синью светится
И трепетно благословляет жизнь.
«Блажен, чье сердце...», 1922.

Пусть жизнь кончается смертью, пусть «апрельским серебристым полноводьем все сбежит в ничто», поэт посылает жизни привет и благодарение:

Пусть мы живем одно мгновенье.
Пусть все пройдет, как сновиденье, пусть!
О жизнь, привет тебе, благодаренье
За эту ночь в лазурном озареньи,
За каждый вздох, за песнь мою и грусть!

В гимне природе, который поет Д. Семеновский, есть элементы пантеизма, одухотворения природы, но главной силой земной жизни для него является человек. Его герой — не человек вообще, а человек-труженик. Прочувствованными словами он рассказывает о «многотрудных буднях» матери, которая всегда за работой, и поэту хочется дать ей радость, скрасить ее тяжелую жизнь:

Какими же чарами приневолю
Улыбнуться и расцвести
Твою заплаканную долю,
Твои тернистые пути?

А. М. Горький, характеризуя поэзию Дм. Семеновского, недаром говорил: «Вы кем-то призваны окрасить мучительно-трудную жизнь людей в яркие краски звучных слов,— вот Ваше дело! Вы обладаете способностью видеть жизнь более значительной и красивой, чем она есть,— вот Ваше отличие от множества миллионов людей, для которых Ваша оценка жизни может дать много пользы и радости».¹

Через пять лет после «Благовещения» Д. Семеновский выпустил второй сборник своих стихов «Мир — хорош». В качестве предисловия стихам этого сборника была предпослана рецензия на произведения поэта, в свое время написанная А. Блоком.

В центре этого сборника — стихотворение «Ленин» (1924). Основная идея его — рождение «правды новой», которая завоюет весь мир:

Зерно в сырой земле почив,
Ростком из мрака проколосось, —
И на просторе светлых нив
Зазолотился первый колос.

Он умер, вождь народных масс,
Людского горя враг суровый,
Но мысль его в умах у нас
Рождает всходы правды новой.

Придет пора всемирных жатв,
Пора обилия и света, —
И под серпами задрожат
Колосья золотого лета.

Сборник этот пронизан идеей, сформулированной заглавием: мир — хорош!

Стоит жить на белом свете, —
Мир воистину хорош!

Хороша родина, которую видит поэт не умозрительно, а в реальных картинах природы, не пышной, не богатой, но радующей гармоническим сочетанием неярких красок:

¹ Дм. Семеновский. А. М. Горький. Письма и встречи. М., «Советский писатель», 1940, стр. 121.

Я люблю, люблю тебя, Родина!
Мне приятна кукушка твоя,
Полевая жалка загородина,
Луговая мила колея.

«Весел май...»

Любовь Д. Семеновского к жизни, к человеку, к природе была безусловным проявлением гуманистической направленности творчества поэта. Гуманистическое начало его поэзии не делает Д. Семеновского пассивным созерцателем бытия. Его любовь к жизни шире рамок мелкобуржуазного представления о гуманизме. В 1923 г. им было написано стихотворение «Слава злобе», свидетельствующее о том, что поэт обрел пути к познанию сущности активного, подлинно революционного пролетарского гуманизма. Он пропел славу «злобе, воинствующей за любовь». Недаром А. М. Горький неоднократно сочувственно цитировал это стихотворение Д. Семеновского.

Светлой гуманностью проникнуто отношение поэта к животным. Трогательно его стихотворение о верной любви собаки и ее трагической гибели (стихотворение «Об одной любви», 1926), написанное под явным влиянием С. Есенина.

Эта — не мучила ревностью,
Эта любила без клятв,
Лишь неизменной верностью
Цвел обожающий взгляд.

С искренней и глубокой взволнованностью поэт рассказывает о смерти собаки, и эта искренность волнующе действует на читателя:

Жалко, что выстрел меткий
С брызгами крови отряс,
Будто с поникшей ветки,
Спелые ягоды глаз.

Лирик Д. Семеновский находит едкие сатирические краски для изображения мещанства, этого оплота старого мира, так ненавистного его старшим современникам — А. М. Горькому и А. А. Блоку.

А. М. Горький хвалил Д. Семеновского за то, что он «хорошо видит преступную пошлость и ядовитую грязь действительности и знает, против чего нужно беспощадно бороться».¹ Остро сатирический портрет враждеб-

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 25, стр. 265.

ного новому миру мещанина поэт рисует в стихотворении «Гуденье церковной меди» (1926), близком по теме к известному стихотворению А. Блока «Грешить бесстыдно, непробудно...» и сатирическим гимнам В. Маяковского.

Гуденье церковной меди
Над городом плывет.
Прохожий несет к обедне
Тяжелый комод-живот.

Солидны его движенья, —
Видать, что не кое-кто!
На сытом лице — уваженье
К себе, к животу, к пальто.

Такие довольны судьбою,
Хотя и живут без затей.
Он давит клопов на обоях,
Сечет на досуге детей...

Сборник «Мир — хорош» — свидетельство мужания лиры Д. Семеновского, вступления его в пору поэтической зрелости.

Поэт «заговорил с людьми» о том, что «мир—хорош», о красоте жизни человеческой, о жизни природы, о добром и гуманном. Для этого нужны были особые краски, не кричащие, но яркие; для этого нужна была особая поэтическая интонация — мягкая, убеждающая.

Лирика Д. Семеновского напевна. В ней преобладают певучие размеры (анапест, амфибрахий). Рифмы его стихов мелодичны. Поэт нередко как бы «прострачивает» стих звуковыми повторами:

Шли мы опавшими листьями,
По лесу шёпот и хруст.
Осень мехами лисьими
Кутала каждый куст.

Д. Семеновский создает метафорические образы и олицетворения, в основе которых всегда лежит реальность:

Чутко слушает топот подковы
Продрогшая за ночь дорога.

Иногда эта метафоричность раскрывается им при помощи приема психологического параллелизма, когда налицо сопоставление мира природы с жизнью человека (стихотворения «Обнищала рябина», «Березник»).

Сравнения в лирических стихотворениях Д. Семеновского почти всегда построены на сближении человека с

природой: «Ивою клонится мать», «Душа — озябшая лоза, душа — зеленая ракета».

Пользуясь названными приемами поэтической изобразительности, поэт низводит возвышенное к реальности, иногда даже к бытовизму.

Эпитеты у Д. Семеновского не являются средством раскраски того или иного предмета или явления; они — найденные поэтом признаки этого изображаемого предмета.

Из лексических богатств русского языка Д. Семеновский выбирает только нужное для обнаружения своей идеи, своей мысли, передачи своего чувства, настроения. Ему часто приходится говорить о возвышенном, о теплоте чувств, о душевной озаренности; поэтому так часты у него, особенно в начале 20-х годов, слова «голубое», «золотой», и названия деревьев, цветов, трав вплетаются почти в каждое стихотворение.

Анализируя сборник за сборником стихотворений Д. Семеновского, легко проследить изменение словаря поэта: убывают «цветные» слова, на смену им приходят менее красочные, но более реалистичные, раскрывающие внутреннюю сущность явления. Это, конечно, не обеднение, не потускнение стихотворной строки, а наоборот, приобретение ею глубины. Например, ранее поэт раскрывал предмет через эпитет, через один признак предмета; теперь он берет самую сущность предмета и определяет ее словом, в котором сосредоточены и действие, и признак, и самый предмет; новое слово может показаться «обесцвеченным» из-за отсутствия эпитета, но слово это становится более весомым, так как в него незримо впитался и эпитет. Например, выражение «неярко, спокойно горит звезда» заменяется выражением «теплится звезда», где в слово «теплится» включены понятия неяркости и спокойности свечения; поэтому второе выражение — не обеднение, а художественное обогащение. А. М. Горький отметил, что «не многие из современных поэтов могут похвастаться таким знанием русского языка, каким обладает Семеновский, хотя они, наверное, превосходят его ловкостью своей техники и знанием речевых фокусов».¹

В 1930 г. вышел сборник стихов Д. Семеновского

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 25, стр. 266.

«Земля в цветах». В этом сборнике мало новых стихотворений, написанных после выхода в свет предыдущего сборника «Мир — хорош» (1927). Но в целом он является завершением определенного этапа в творчестве поэта, итогом его работы за 15 лет.

Именно для этого сборника дал свое предисловие А. М. Горький. Оно интересно прежде всего оценкой всей литературной деятельности Д. Семеновского.

«Семеновский работает уже пятнадцать лет,— писал Горький,— и читателям давно бы пора знать поэта, который в наше великое, трудное время искренне и уверенно говорит: «Мир — хорош».¹

Великому пролетарскому гуманисту была близка любовь поэта к человеку, к жизни, вера его в победу светлых начал и готовность воевать за их торжество. Родственными горьковским чувствам были «дух вражды», который Д. Семеновский питал «к людским невзгодам и страданиям, к твердыням горя и нужды», и понимание им того, что

Есть мир гармонии и лада,
Но чтоб найти к нему пути,
Сквозь мрачный хаос жизни надо
Знамена гнева пронести.

Эпоху торжества советской власти и начала строительства новой жизни поэт славит, как «век небывалых событий». В таком прославлении А. М. Горький увидел доказательство того, что «Семеновский глубоко чувствует величие эпохи и крепко сросся с нею»².

Великий пролетарский писатель очень ценил сатирические стихотворные фельетоны ивановского поэта, особенно те из них, которые били по разного рода мещанам и перерожденцам, утверждавшим свое право за «революционные» заслуги почитать на лаврах и наслаждаться спокойной, сытой жизнью. Он особенно отметил созданный Д. Семеновским стихотворный портрет такого перерожденца, воинствующего мещанина, который на заданный им самим вопрос «за что в Октябре мы боролись?» отвечает:

Обидно для нас, покоривши врага,
Под ноzi трудящимся массам
Остаться без праздничного пирога
С капустой, с грибами иль с мясом.

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 25, стр. 265.

² Там же, стр. 266.

Образ перерожденца-обывателя, нарисованный Д. Семеновским, близок к образам, созданным В. Маяковским в его сатирических стихах 20-х годов.

Гражданский пафос поэзии Д. Семеновского, ее глубокий лиризм давали основание А. М. Горькому отнести его к числу тех поэтов, которых «должен знать наш массовый читатель».¹

В 1940 г. Д. Семеновский выпустил сборник «Избранные стихи», объединяющий прежде написанное с новыми стихотворениями 30-х годов.

Если в пору своей творческой юности он стремился к покою, умиротворенности и идеалом его на первом этапе поэтического становления была кажущаяся тишь и гармоничность природы (настроения эти проявлялись и в некоторых стихотворениях Д. Семеновского 20-х годов), то теперь возмужавший, сложившийся поэт радуется «бодрой тревоге», сменившей «мертвенный покой». В движении природы, в ее трепете он ощущает дыхание молодой деятельной жизни. Д. Семеновский восторгается тем,

Как дышит молодостью ветер,
Как пахнет молодостью снег!
«Весенний вечер», 1930.

Поэт сам отмечает те изменения, которые произошли в его творчестве. Он избавился от многих иллюзий юношеских лет. Автопризнанием звучат следующие строки:

Былых обманов наводненья
Невластны над моей душой,
Но светлой тайне возрожденья
Я в этот вечер не чужой.
«Весенний вечер», 1930.

Значительного мастерства Д. Семеновский достигает в пейзажной лирике. Одним из лучших его пейзажных произведений является стихотворение «Состарилось лето» (1932). Конец лета, его «старость» не вызывает в душе поэта грусти. Наоборот: «Состарилось лето. А сердце все просит и песен, и гроз, и волнений». Мастерски Д. Семеновский рисует картину последних дней лета —

Брусника-грустника под синей осиной
Давно уж успела налиться.
Кленовый листок на поляну гусиной
Отрубленной лапой ложится.

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 25, стр. 267.

В стихотворении «Юрьевец» перед читателем открываются заволжские просторы, Волга и протянувшийся лентой садов и домов Юрьевец. Поэт вспоминает «древние были», тяжелое историческое прошлое русского народа, а глазам его видится небольшой приволжский городок, живущий в советское время кипучей трудовой жизнью. Он показывает зажившие «былые рубцы под целительным солнцем советским». Картинка, нарисованная Д. Семеновским в этом стихотворении, освещена и согрета горячей любовью поэта к своей отчизне.

Еще в 1921 г. А. М. Горький побуждал Д. Семеновского дать образ женщины, «матери всего прекрасного, что есть на земле». Тема материнства с 30-х годов прочно входит в его творчество. Прекрасным рисует поэт образ женщины, готовящейся стать матерью:

Дни летят. Весна сменилась летом.
В листьях плод таится золотой.
Ты лучишься новым ровным светом —
Материнства теплой красотой.

«Юных глаз...», 1930.

Она для него —

Гордая праматерь сильных и счастливых,
Нежности родник.

«Мать», 1935.

Мечтой Д. Семеновского было создать поэтический образ Человека с большой буквы — обновителя земли и преобразователя природы. Реальным материалом для создания поэтического произведения о таком человеке явилась самоотверженная деятельность ивановского садовода-опытника Ф. А. Самцова. О нем Д. Семеновский написал очерк для горьковского журнала «Наши достижения» и поэму «Сад».

Поэма «Сад» явилась откликом на прямой призыв А. М. Горького, у которого возник замысел издать серию книг о «великих маленьких людях», знатных тружениках нашей страны.

«Вы, наверное, поймете меня, — писал А. М. Горький Д. Семеновскому, — если я скажу Вам, что следовало бы создать ряд книг «житийного» характера, нечто вроде четы-минеи, ряд биографий героев труда, бескорыстно всю жизнь творивших маленькое свое дело для великого будущего. Вот какова идея».¹

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 30, стр. 117.

В поэме есть много хороших кусков, особенно в пейзажных описаниях. Здесь можно найти поэтически изображенный почти весь календарь. Поэт видит, как осенью

Жестокая прохлада
Сквозное обнимает деревцо
Сжигающим дыханьем листопада.

Он прислушивается к тому, как в апреле

По вечерам в луче танцуют мошки,
А воробьи толкуют по утрам,
Что на берёзе — новые серёжки.

Д. Семеновский любит родную ему северную природу, но иногда она слишком сурова, и поэту хочется больше света и тепла:

Какой тебя, продрогшая земля,
Согреть весной неслыханной, бессрочной?
Мы пылом человеческим своим
Тебя согреем и обогатим.

При помощи со вкусом подобранных эпитетов автор заставляет читателя вглядываться в описываемый предмет, ощутимо представляя его преимущество с красочной стороны. Благодаря ему читатель получает возможность увидеть сизокрылых воронов, вишневый закат, деревцо сквозное, зеленоватую луну.

В сравнениях, используемых в поэме, можно отметить два приема: предметы отдаленные пододвигаются ближе («подкралось солнце, щекоча ее глаза соломинкой луча»); портрет человека рисуется с помощью сравнений, взятых из мира природы («Его душа... трепещет бабочкой цветочной»). Картина умирания жены героя в поэме «Сад» дана одновременно с описанием заморозков, грозящих гибелью саду: сад спасен, но человек умер:

Тут каждый венчик продолжал цвести,
Тут всё согрел огонь любви и страсти,
Лишь человеческую жизнь спасти
Его мерцанье не имело власти.
Быть может, завтра мысль найдет пути
К бессмертию. Но в эту ночь несчастий,
Прозрачно-леденеющую ночь,
Кто в домике Венцовых мог помочь?

Метафоры (а их в поэме много) особенно хороши там, где они, как в капле воды, отражают основную идею поэмы.

..... жила
В посадочных стаканчиках рассада.
В руках дрожащих бабка в дом внесла

Весну и радость... нет, цветы из сада...
Как жизни весть, как лучший дар земли.

В поэме «Сад» Д. Семеновский рисует образ человека, создающего сад жизни, выращивающего его. А самого этого человека вырастила революция. Таким образом, поэт реализует задачу, поставленную перед советской литературой А. М. Горьким,—создать образ скромного героя, труженика советской земли, строителя социалистического общества.

Тема поэмы—живой отклик поэта на требования современности. Отдельные куски ее — безусловные его находки и удачи. Но, к сожалению, не они все же определили общий характер произведения. Поэма во многом риторична, суха. Несмотря на то, что Д. Семеновский ее переделывал, ему не удалось сжать поэму, и, как и в первом варианте, она осталась растянутой, вялой по композиции.

Поэма «Сад» наводит на мысль о том, что дарование Д. Семеновского с наибольшей яркостью проявляется не в так называемых «больших» поэтических жанрах, а в коротких задушевных лирических стихотворениях.

Большой художественной силы исполнена созданная поэтом картина сенокоса в колхозе, которая звучит как радостный гимн свободному труду человека.

Пахнет порубь спелой земляникой,
Караваем пахнет борозда.
Хороша ты, ширь земли великой,
Красотой и правдою труда.
По утрам обильны, сильны росы.
Пестрый луг приволен и кудряв.
И звенят машины, свищут косы,
Подрезая стебли сочных трав...

.....

Хороши колхозные угодья.
И вдвойне прекрасны дни, когда
В щедрости земного плодородья
Дышит радость дружного труда.
«Сенокос», 1937.

Точные и поэтически выразительные слова находит Д. Семеновский для описания жизни новой советской деревни после сбора обильного урожая, в осеннюю и зимнюю пору:

От свежего хлеба в избе — духовито,
Копной на поляне — коврига на блюде.
И льется по мельницам новое жито.
И новою радостью светятся люди.

А дни — все короче, а ночи — все глуше,
И скоро земля забелеет порошей.
У деда — газета, а внучке Феклуше —
Гореть-разгораться над книжкой хорошей.
«Урожай», 1932.

Тем же радостным чувством, что и стихи о колхозном труде и о людях новой советской деревни, проникнуты произведения поэта о труде рабочих-текстильщиков. «Годам народных страданий» он противопоставляет новую действительность:

В залы фабрик-дворцов, где блестят огоньки
За туманом, за мглой предрассветной,
Нас протяжно и звонко скликают гудки
Ткать отчизне убор многоцветный.
Бодро люди спешат в голубой полумгле
На призывы фабричных предместий.
Труд свободных людей на свободной земле —
Дело доблести, славы и чести.
«Ткачи», 1939.

Д. Семеновскому дорого и близко русское национальное искусство земляков-палешан. В цикле стихотворений о Палехе и палешанах («Е. Вихреву», «Цветы», «Лукоморье») поэт как бы сливается с их творческой работой, воспекает их творческую мысль и результаты их труда, когда на маленькой лаковой пластинке при помощи краски расцветает большой мир человеческой радости.

Обращаясь к автору книги о Палехе Е. Вихреву, поэт писал:

Зацветает Палех чудным садом,
Яркий, сладкий, взрывчатый расцвет!
Он никем так чутко не отгадан
И с такой любовью не воспет.
Жизнь была бы глуше и суровой,
Красотой и радостью — бедней,
Если б в красках, линиях и слове
Мы себя не отдавали ей.
«Е. Вихреву», 1933.

В стихотворении «Цветы» Д. Семеновский художественно воссоздал творческий процесс становления замечательных Голиковских композиций. Сам И. И. Голиков, этот «художник вихрей пышноцветных», так раскрывает

тайну своего изумительного мастерства: «Наберу разных полевых цветов и пишу картину... На первый взгляд у меня получается букет цветов, а когда взглядишься — тут бой или гулянка» (И. Голиков. «Сквозь бури эпохи»). Этот этап работы И. Голикова поэт изображает так:

Срывал смолистую дрему,
Сбирал пунцовые гвоздики, —
И все мерещились ему
Далекой битвы гул и крики.

Художнику казалось, что позолоченные латы блещут, как желтый одуванчик, что «из людских сердец, пронзенных в страшном поединке», кровь перешла в кровинки лепестков гвоздики.

В творческой работе художника Д. Семеновский как будто снимает пласты, первым из которых являлось представление живописца о древней битве, о поле, усеянном костями, обломками лат и мечей. Эти истлевшие воинские доспехи становятся прахом, из которого вырастают цветы, в фантазии художника приобретающие былые краски испепеленных вещей. И сквозь форму и колорит выросших цветов живописец прозревает минувшее, запечатлевая его в краске на лаковой пластинке. Процесс его творчества идет от далекой реальности сквозь фантазию к предмету искусства: историческая явь, пропущенная через художественное восприятие, становится фактом эстетическим. Такое голиковское становление искусства по своему творческому методу близко к поэтической работе самого Д. Семеновского.

Палешанину-художнику Д. Н. Буторину, автору чудесной миниатюры «Лукоморье», сделанной на пушкинский текст, Д. Семеновский посвятил стихотворение «Лукоморье» (1935), в котором он также воспроизводит творческий процесс работы художника. На рыбной ловле под прибрежной ольхой у излучины студеной речки Палешки у живописца возникают пушкинские образы, в основу которых ложатся реальные, но перерабатываемые художественной фантазией впечатления, превращающиеся потом в живописную композицию лаковой коробочки.

Но кто поймет, что в этих дивах
Заговорившего холста —
Родных полей, туманов сивых
Живет и светит красота?

Кто в дубе сказочном узнает
Тень от ольхи на берегу,
А в лукоморьи угадает
Студеной Палешки дугу?

Близость Д. Семеновского к фольклору, к чудесному искусству палешан во многом объясняет его творческий интерес к замечательному памятнику древней русской литературы «Слову о полку Игореве». Несколько лет творческого труда поэт отдал работе над переводом этого неувядающего по своей силе и красоте произведения и завершил его в 1939 г. Трудную и большую эту работу Д. Семеновский, обладающий прекрасным знанием особенностей русского языка, чуткий к национальному поэтическому слову, закончил успешно. Сделанный им перевод «Слова о полку Игореве» имеет полное право на жизнь в ряду других переводов этой жемчужины древнерусского литературного творчества.

На протяжении 20-х, 30-х годов талант Д. Семеновского широко развернулся. Окреп его поэтический голос. Стал особенно ощутимым индивидуальный творческий почерк поэта. Созданные им в эту пору произведения заняли свое место в общем потоке развития советской поэзии 20-х, 30-х годов.

**
*

Все поэты ивановского текстильного края, о творчестве которых шла речь в настоящей главе, вступили на литературный путь в разное время, но до 20-х годов. В 20-е годы в поэзии края ярко проявили себя и представители молодой комсомольской поросли советской поэзии — Серафим Огурцов и Ефим Вихрев, люди короткой, но яркой поэтической жизни.

Самобытного и талантливое молодого поэта Серафима Огурцова (1902—1934) воспитал ленинский комсомол.

Почти мальчиком пришел он в литературу. Из своего родного зеленого города Суздаля С. Огурцов принес в текстильное Иваново столько ярких цветистых стихов, столько бодрости и горения идеями новой жизни, что 16-летнему подростку поручили редактирование первых в Иванове юношеских газет. Он скоро стал непременным участником всех выходивших в эти годы в г. Иванове

литературных сборников и альманахов и деятельным сотрудником газеты «Рабочий край». Первым итогом его ранней поэтической работы явилась небольшая книжка стихов «Ленинский призыв» (Иваново, «Основа», 1924).

С. Огурцов сознавал, что для того, чтобы стать настоящим поэтом, развить все свои творческие возможности, нужно серьезно учиться. Он уезжает в Москву. В. Я. Брюсов без экзамена принял С. Огурцова в литературный институт. В Москве он сблизился с комсомольскими поэтами А. Безыменским и А. Жаровым. Перед поэтом-ивановцем открылись двери в столичные толстые журналы.

Но его активная поэтическая работа вскоре сначала замедлилась (он заболел неизлечимой сонной болезнью), а затем, в связи с ранней смертью, оборвалась.

Литературное наследство С. Огурцова до сих пор не собрано: кроме трех тоненьких книжек, его стихи и поэмы рассыпаны по журналам, сборникам, по страницам газет; не сохранился и литературный архив поэта; пропали наброски киносценария о Степане Разине, заметки к задуманному им роману.

С. Огурцов был несомненно поэтом больших возможностей, к сожалению, еще мало реализованных.

Он умер к началу своего творческого пути. Но за короткий срок поэт успел внести свой вклад в поэзию и в общественную жизнь текстильного края.

На поэзии С. Огурцова лежит печать несомненной талантливости. Все окружающее, все воспринимаемые им события молодой поэт тотчас переводил в лирику. Переживания его рождали расцвеченный, свежий стих, который возникал у С. Огурцова не за писательским столом, а на улице, на фабрике, в поле. В таком процессе рождения стиха было сильно импровизаторское начало, проявлялась способность поэта загораться тотчас, как от искры, дававшей яркую вспышку поэтического вдохновения.

Самое ценное в творчестве С. Огурцова — неисчерпаемый оптимизм и радость жизнеутверждения.

Снова осень на берёзах косит
Золотой и запоздалый лист.
Сыпь дождем, тоскующая осень, —
Все равно я радостью цветист.

Именно это жизнеощущение позволило ему стать певцом радости, гуманности, братства.

Я играю воспрянувшим хатам,
Я немеркнущим веснам пою;
Для того, кто мне сделался братом,
Я поведаю радость мою.

В юношеских стихах С. Огурцова большое место занимала пейзажная лирика. Во многих своих полудетских произведениях он выражал так называемые деревенские настроения, например:

Я ушел от железных строений,
От мятежных, житейских сует
В алый шёпот цветных озарений,
В незабудковый синий расцвет.

Но такого рода стихотворения являлись для духовного облика С. Огурцова не органичными. Они знаменовали собой определенные литературные влияния, так называемых «мужиковствующих», как их окрестил В. Маяковский, поэтов. В подобных строках явственно ощущаются клюевско-есенинские голоса, далекие от жизненного опыта или, пожалуй, от жизненной неопытности начинавшего свой творческий путь поэта.

Мальчику С. Огурцову, действительно, был близок окруженный полями Суздаль, но ни от каких «железных строений» ему уходить не приходилось: в большом городе он тогда еще и не бывал. А придя рано в промышленный город, С. Огурцов остался в нем, охваченный пафосом борьбы и строительства новой жизни. Строителям этой новой жизни он и посвятил свои наиболее зрелые стихи. Обращаясь к горожанам-рабочим, С. Огурцов, вскоре после переезда в г. Иваново, писал:

Выйду рано я на поле, на луг,
В синий сумрак, в сырую росу,
Соберу я букет из фиалок
И в каменный город снесу.
Я отдам их на звонкой панели
У железных фабричных ворот
Тем, чьи взоры в поля не смотрели,
Кто в цветах утешенье найдет...

Стихотворение на городскую тему в данном случае еще несет в себе отзвук поэтизации деревни, противопоставления природы городскому пейзажу, городской жизни, но эти настроения в следующих стихах С. Огурцова

все более и более отходят на задний план, и, наконец, исчезают.

Сборник «Ленинский призыв» (Иваново, «Основа», 1924) целиком посвящен городским темам, простым людям труда. Автор зарисовывает портреты советских людей разного возраста. Он рассказывает о вступлении работницы-текстильщицы в партию («Ткачиха Настя»), рисует образы комсомольцев («Ленинский допризывник») и пионеров («Егорка—ленинский пионер»). Представители двух поколений ткачей, жизнь которых протекала в разных условиях старого и нового строя, проходят перед читателем в стихотворении «Мать и сын».

Наиболее типичным из этой группы произведений С. Огурцова является стихотворение «Авдотья Егорьевна» (1924).

Старая ткачиха Авдотья Егорьевна чувствует, что «в огне великих перемен в ней веет солнце молодое», что она как будто начинает жить заново:

Бывает:
Вспыхнувшая искра
Живым огнем воспламенится,
И если сердце к солнцу близко,
Оно восторгом будет биться.

В прошлом у Авдотьи Егорьевны целое море слез, печалей, хмурых дум, но новые условия жизни рождают в ее душе убеждение в том, что «думать о новом не поздно ведь». Она не хочет отставать от быстро идущей вперед жизни, от передовых рабочих.

Знаю, родные, знаю я:
Немного осталось жить,
Но хочу научиться знаниям,
Хочу коммунисткой быть!

Цветистость стихов юного С. Огурцова постепенно сменилась поэтической простотой, лирической задушевностью, свидетельствующей о том, что поэт обрел себя. Он вступал в период творческой зрелости, и на этом пути его поэтическая деятельность была прервана ранней смертью.

Сверстник С. Огурцова Ефим Федорович Вихрев (1901—1935) в одном из своих стихотворений просто, но определенно заявил:

Да, я не изменюсь и буду тверд душой
Художника и коммуниста.

Этими двумя стихотворными строками он очень верно очертил свой творческий облик. Жизнь, до конца отданная борьбе за советскую власть и строительство социалистического общества, всецело посвященная народному искусству, — такова жизнь Ефима Вихрева, коммуниста и поэта Прекрасного.

Литературная известность Е. Вихрева, далеко перешагнувшая границы местного края, связана преимущественно с его работой прозаика, с книгами очерков о Палехе, этом своеобразном источнике самобытного народного творчества. Книгу его «Палех» (1930) высоко оценил Горький. Но свою литературную деятельность он начал со стихов.

Е. Вихрев родился в г. Шуе, в семье мелкого служащего. Неуверенной, еще детской рукой будущий поэт начал писать стихи, в которых подражал декадентам, в частности, своему земляку К. Бальмонту.

Но революция коренным образом изменила тематику и форму его произведений. Мальчик-подросток зорко вглядывался в совершающиеся события и находил им правильную оценку.

В 1917 г. гимназист Е. Вихрев начинает печатать стихи в шуйской газете «Новый путь». В 1918 г. он вступил в комсомол и принял деятельное участие в организации комсомола в г. Шуе. Осенью 1919 г., в связи с мобилизацией тридцати процентов комсомольцев на южный деникинский фронт, юный поэт одним из первых добровольно вступает в Красную Армию и борется с белыми в рядах гвардии ивановских большевиков.

Е. Вихреву посчастливилось увидеть В. И. Ленина, который в Голубом зале Дома Союзов обратился с напутственным словом к отъезжающим фронтовикам. Этот эпизод он запечатлел дважды: в стихотворении «В голубом зале» (1919) и в рассказе «Годы» (1929).

На фронте Е. Вихрев состоял в Поарме, работал секретарем редакции фронтовой газеты «Красноармеец». В 1919 г. он вступил в члены Коммунистической партии.

После ликвидации деникинского фронта, когда

Мы ленинским могучим взмахом
С кавказских сбросили высот
Врага смятенного,

Е. Вихрев с головой окунулся в журналистику, с увлечением работал в Краснодарской областной газете «Кра-

сное знамя», в журнале «Путь коммунизма» и в газете «Советский станичник».

В это время он пишет стихи о незабываемых годах боевых скитаний, о лихих днях, когда «сердце было взрывным, как порох, и ум глядел в потоки времен», рисует образы бойцов, которые

...летели через столетия
По равнинам, буграм, снегам,
Неумытые, неодетые
К неизведанным берегам..
Это мы по холмам проскакали,
Сея всюду огонь, как рожь,
Это мы у врага отнимали
Города с гордым криком: «Даешь!»

Романтически приподнятые, взволнованные стихи Е. Вихрева о событиях гражданской войны в какой-то мере превосхищают те поэтические интонации, которые через несколько лет с таким блеском разрабатывает Э. Багрицкий (стихотворение «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым», отдельные строфы поэм «Дума про Опанаса» и «Смерть пионерки»).

В 1922 г. Е. Вихрев возвращается в свои родные края. Как вспоминают его друзья, застенчивый и восторженный юноша в просвистанной степными ветрами шинели, в разбитых тяжелых ботинках и истрепанных обмотках пришел в редакцию газеты «Рабочий край» и стал деятельным ее сотрудником. Он руководил отделом «Рабочая жизнь», занимался с рабкорами, писал статьи, стихи, очерки и в то же время учился в Ивановском политехническом институте. Вместе с Д. Семеновским он организовал популярную «Трехвостку», которая в стихотворной форме остро бичевала недостатки работы предприятий, учреждений и отдельных работников.

Тематический круг стихотворений Е. Вихрева в это время очень широк. Он пишет о величии русской революции и ее мировом значении. Во многих произведениях поэт дает конкретные зарисовки картин строительства новой жизни. При помощи стиха он борется с теми, кто мешает ее движению вперед. Неудивительно, что в стихотворениях поэта, выросшего и живущего в Ивановском крае, текстильные мотивы звучали чаще и выразительнее других. Но Е. Вихрев местную тему постоянно расширял до масштаба темы Родины. Таково, например, стихотворение «Платье», в котором поэт, приветствуя

революционно преобразующуюся Россию, привлекает для выражения своих мыслей и чувствований образы, почерпнутые из жизненного обихода текстильщиков:

Страна, наряжайся в узорные ткани,
В узорные ткани — в цветные ситца,
Чтоб в розовой, радостной, праздничной рани
Играли и торжествовали сердца.

В стихотворении «Рубаха мира» текстильные образы в разработке темы новой жизни, завоеванной революцией, играют аллегорическую роль.

От рабочего по нитке —
Миру светлая рубаха.
Будем ткать и ткать и выткем
Крылья гордые для взмаха.

Землю, матушку родную,
Принарядим, опояшем,
Все мы крепость волевою
Заклучили в сердце нашем.

Ты катись, земля родная,
В алом платье, в светлом ситце
К дальним далям, в царство мая,
Вместе с солнцем веселиться.

Будут смыты пятна крови,
Запестрившие когда-то...
Мчись! Лети! Рубаха нови
Сменит старые заплаты.

Живыми приметамы времени отмечены стихи Е. Вихрева, являющиеся откликом на текущие темы дня. Он пишет о борьбе советского народа с разрухой путем организации коммунистических субботников (стихотворение «Субботник»), о ликвидации неграмотности (стихотворение «Рабочая школа») и т. д.

В траурные ленинские дни 1924 года Е. Вихрев написал «Венок сонетов на дорогую могилу». Это — собрание 15 сонетов, представляющих тематическое и художественное единство.

«Венок сонетов» — одна из сложнейших поэтических форм, требующая от автора незаурядного мастерства. Но в данном случае достоинства «Венка сонетов на дорогую могилу», конечно, не в его сложной форме. Поэт прав, сказав, что

Здесь дышит бодрой грустью каждый стих,
Здесь каждый звук расстроен и встревожен.

Этот поэтический цикл привлекает своей задушевностью, умением Е. Вихрева по-своему выразить скорбь народа и свои чувства поэта, ощущение им бессмертия великого вождя.

Свой скромный, свой простой венок
Перевиваю траурной каймою,
Пусть над его могилой дорогою
Дух ленинца звучит из этих строк.

Я рад тому, что сделал все, что мог,
Что жизнь моя отвагой молодою
Наполнена, что радостной весною
Овеян мой неприхотливый слог.

Сольемся все журчащими ручьями
В один сплошной бурлящий водоем.
Он в нас живет. Мы в нем одним живем.

Перевиная лентами-лучами,
Мы с песнями, дрожащими, как пламя,
Венки в руках натруженных несем.

Переехав в середине 20-х годов в Москву, Е. Вихрев еще шире развернул свою литературную работу. Он быстро рос как писатель. Произведения его печатались в ежемесячных журналах «Новый мир», «Красная новь». В 1930 г. в издательстве «Недра» вышла замечательная книга Е. Вихрева «Палех».

Последние годы короткой жизни Е. Вихрева посвящены, главным образом, Палеху, исследователем и певцом искусства которого он был. Однако только темой Палеха творчество Е. Вихрева не исчерпывается и в этот период. Он продолжает писать стихи. Жизнь и социалистическая стройка властно зовут поэта на широкие просторы родины. Он едет на Урал, внимательно присматривается к тому, что творится вокруг, сам закаляется и растет, как боевой участник строительства социализма.

Я чувство Палеха постиг —
То было славное начало,
Но чтоб окрепли мысль и стих,
Мне стойкости стальной недоставало,—

говорит Е. Вихрев в небольшой поэме «Златоуст», сложившейся в результате впечатлений от поездки его на Урал.

В травленном золотом орнаменте стального литья металлургического Урала поэт услышал

..... нашей стройки эхо,
Застывшее в рисунке топора.

В поэме «Златоуст» Е. Вихрев не только рисует картину того, как кипит живой жизнью индустриализирующийся Урал, он решает вопрос о месте искусства в строительстве новой жизни, о партийности искусства. Поэт хочет, чтоб

..... сталью пела каждая строка
О партии — нержавеющей сплаве.

Стихам Е. Вихрева свойственен особый лиризм, в котором выразилась личность человека, беззаветно преданного коммунизму и глубоко воспринимающего красоту как основу новой социалистической жизни. Эту особенность его творческого облика отметил Д. Семеновский в посвященном Е. Вихреву стихотворении.

Политическая заостренность, идейная чистота, глубокая вдумчивость стихов Е. Вихрева продиктованы мировоззрением поэта-коммуниста, сумевшего в оригинальных образах найти ту художественную специфику, которая по-своему характеризует его творческий облик. Е. Вихрев не мыслил своей жизни без поэзии. Художественным словом он служил делу строительства социализма. Именно потому, что поэт познал действительность этого слова, его органическую связь с жизнью, он писал:

Я рад тому, что родился поэтом,
Что с первых дней я слово оценил,
Стихами я здоровался с рассветом,
Прощался с днем стихами. В песнях жил.
«Слово».

**
**

В советской поэзии в 30-е годы раздаются свежие молодые голоса А. Твардовского, К. Симонова, М. Алигер, Е. Долматовского и др. Это голоса представителей того поколения, которое выросло при советской власти и было воспитано пионерским отрядом и комсомолом. Новое поколение поэтов, при всей разности их творческих индивидуальностей, при различной степени одаренности каждого из них, объединялось той общностью, которая определяется временем. На их глазах преобразался облик страны, создавалась новая мораль, новая этика, и все они были активными участниками героиче-

ской созидательной работы, которую вел весь советский народ. Основными темами творчества молодых поэтов были темы, выдвигавшиеся самой жизнью,— переделка сознания человека, его второе рождение («Страна Муравия» А. Твардовского), образ нового героя новой действительности, оборонная тема (стихи А. Твардовского, К. Симонова, Е. Долматовского, М. Алигер) и т. д. В творчестве советских поэтов-комсомольцев, впервые заявивших о себе в 30-е годы, шире, чем у их предшественников, разрабатывалась тема любви.

В этот общий поток поэзии молодых вливается творчество поэтов-ивановцев, первые произведения которых появились в то же время. Творчески наиболее интересными среди ивановской поэтической молодежи в 30-е годы были Владимир Кудрин (1908—1944), Виктор Полторацкий (род. в 1907 г.) и Михаил Дудин (род. в 1916 г.).

Владимир Яковлевич Кудрин происходил из семьи фабричного служащего. Родился он в старом текстильном гнезде (с. Тезино). С лет раннего детства он привык к типичным пейзажам среднерусской полосы. Родное его фабричное село было опоясано полями и перелесками. Подростком В. Кудрин впитывал в себя картины нового освобожденного труда. Школьная учеба и первые шаги самостоятельной работы, вся окружающая жизнь формировали мировоззрение, характер, воспитывали эстетический вкус и укрепляли идейную закалку будущего поэта. В 1937 г. он поступил на литературный факультет Ивановского педагогического института, который и окончил в год начала Великой Отечественной войны.

В студенческие годы В. Кудрин печатался в ряде ивановских изданий: в газетах «Рабочий край» и «Ленинец», в альманахах «Коллектив», «Мы победим», «Ивановский альманах».

На фронте В. Кудрин работал литературным сотрудником армейских и фронтовых газет «Советский боец», «В бой за Родину». Произведенный в лейтенанты и в декабре 1943 г. награжденный орденом Красной Звезды, он в марте 1944 г. был принят в ряды ВКП(б).

Но приближался роковой день...

24 марта 1944 г. в с. Мигалевцы, Винницкой области, фашистская пуля оборвала кипучую жизнь молодого поэта.

В стихотворениях В. Кудрина ярко выражены его убеждения, чувства, по которым можно угадать человека, принадлежащего к поколению, созревшему в предгрозе исторических битв и закаленному в годы Великой Отечественной войны.

В произведениях молодого поэта было очень сильно лирическое начало. Лирикой начался его творческий путь. Лирически взволнованные стихи его были серьезны, сдержанны и душевно чисты.

В грушевом саду слушает поэт соловьиную песню как гимн «о большом человеческом счастье» и чувствует, что может отвечать соловью

С недоступным ему вдохновеньем
Про любовь и его и мою
Человеческим радостным пеньем.

Юные чувства эти не гаснут со временем, они растут, становятся сильнее, и пусть «виски облегла, как туман, седина», но —

Сила, молодость моря не там ли,
Где покрыто оно сединой?

От лирики В. Кудрина веет неизбывным оптимизмом, потому что в фокусе его стихов всегда человек наших дней, который и осваивает, и изменяет окружающий мир. Недаром излюбленным поэтическим приемом В. Кудрина был психологический параллелизм, средствами сопоставления раскрывающий созвучие сложной жизни природы и душевных состояний человека.

В лирике В. Кудрина уже начинал ощущаться самостоятельный голос, у него складывались свои стиховые интонации, он по-своему отбирал поэтические образы.

Своими учителями В. Кудрин избрал Пушкина, Лермонтова и Маяковского.

Он любил Пушкина не только за его бесценный поэтический дар, за великий ум, за суровую правду, голос которой был оборван рассчитанным выстрелом,— но и за то, что Пушкин через век после своей трагической смерти протягивает руку потомкам, строящим новую жизнь в старой России. Поэтому

... знает Пушкина
«всяк сущий в ней язык».

Душевной широтой пленил В. Кудрина «поэт мятежный» Лермонтов. Он «был, как парус, одинок», и «в бу-

рях находил покой». В. Кудрин понимал, что в условиях николаевской реакции Лермонтов был трагически обречен на мучительную раздвоенность:

В нем жил лейб-гвардии корнет
И русский пламенный поэт.
Просвета в тучах он искал,
Но тьма висела в этом мире.
Он жизнь любил, как юный Мцыри,
И, как Печорин,— презирал.

Но, пожалуй, ближе всех В. Кудрину был Маяковский, поэт, у которого «сердце стучит векам»;

Гранит на гранит
 громоздя слова,
Уступами строк
 поднимаясь на кручи,
Он высоко
 маяком вставал,
В нашей поэзии
 самый лучший.

Таково было начало рано оборвавшегося творческого пути поэта, совпавшее с предвоенными годами. В это время В. Кудрин еще только набирался сил, только пробовал свой поэтический голос, только искал свою определенную дорогу.

К концу 20-х и к 30-м годам относится начало литературной деятельности и другого писателя-ивановца Виктора Васильевича Полторацкого (Погостина). В. Полторацкий родился в семье железнодорожника в г. Ашхабаде, но годы детства, юности и творческой молодости он провел в Гусь-Хрустальном, Владимирской области, в г. Владимире, Ярославле и Иванове.

С 14 лет будущий писатель начал работать в паровозном депо. Образование он получил на рабфаке и в Ярославском педагогическом институте.

Первыми его выступлениями в печати были рабковские заметки, затем стихи, печатавшиеся на страницах Владимирской газеты «Призыв». В 1928 г. во Владимире он опубликовал сборничек стихов «Слово поселку». С 1933 г. В. Полторацкий работал сотрудником ивановской газеты «Рабочий край». В этой газете и газете «Ленинец», а также в литературно-художественных журналах «Пламя» и «Звено», издававшихся в г. Иванове, он печатал свои очерки и стихи.

С первых же шагов на литературном поприще

В. Полторацкий заявил о себе как прозаик и поэт. В довоенные годы в г. Иванове вышли несколько сборников его стихов: «Строительный сезон» (1931), «Оперативная сводка» (1932), «Единый фронт» (1934), «Теплый ветер» (1937), «Под небом Родины» (1938), «Живопись» (1940).

В 1940 г. В. Полторацкий перешел на работу в газету «Известия». Годы войны он провел на фронте в качестве военного корреспондента. Как корреспондент «Известий», после окончания Великой Отечественной войны В. Полторацкий побывал во многих странах Европы, Америки и Азии. Книга его очерков «В дороге и дома» была удостоена в 1951 году Сталинской премии. С 1958 года В. Полторацкий работает главным редактором газеты «Литература и жизнь».

Гражданская война, социалистическая стройка, мирная жизнь советских людей, оборона страны — основные темы стихов В. Полторацкого 30-х годов.

В песенном ритме шестистрочных строф, по мелодии напоминающих популярную песню «По военной дороге», поэт воспевал грозовой девятнадцатый год, героические бои гражданской войны и участие в них ивановских ткачей, когда

Сквозь уральские степи
На крыльях знамен
Двадцать пятая славу несла,

когда

..... двести двадцатый
Ивановский полк
Сам Чапаев в атаку повел!
«Полк ткачей».

В «Балладе о земляке» В. Полторацкий рассказал о гибели бойца Ивана Петрова в «двадцатый год, суровый год войны». Основная тема баллады — смерть солдата революции. Герой погиб во имя торжества новой жизни, будущего расцвета Родины.

Стихи В. Полторацкого — это стихи о любви к социалистической родине, о героизме советских людей, о том, как они всегда начеку, бдительно охраняют интересы отчизны. В стихотворении «Слово Родине» поэт, начав с воспоминаний о событиях гражданской войны, о трех комсомольцах, которые отдали свои жизни за счастье родины —

И остался бугорок земли
Вместо жизни юных и упрямых,

затем переходит к изображению успехов нашей страны, строящей мирную жизнь.

Но «снова порохом пропахли дали», и советские люди, во имя цветения страны, во имя счастья человечества, вновь готовы отдать свои жизни на защиту завоеваний революции.

Рисую первомайский парад (стихотворение «Первомайское»), поэт изображает силу и сплоченность советского народа. Он видит, как

... .. грозно зреют тучи,
Беременные грохотом войны.

и уверен в том, что на бой с врагами выйдет весь народ, как на грозный боевой парад.

Радуюсь быстрому росту Родины, воспевая ее процветание, В. Полторацкий постоянно вглядывается в то, что делается на границе и за ее пределами. Поэт знает коварство врага, пытающегося ночью напасть врасплох на наших пограничников, но он уверен в верности пограничников своему великому долгу — охране границ страны (стихотворение «Ночь на границе»).

Счастливо проходит детство советской девочки в мирной обстановке:

Для таких, как ты, в стране Советов
Строят ясли, школы и сады,
Солнце согревает теплым светом
Ваши пионерские ряды.

А в это время в Испании —

Одна в холодном мертвом доме
Плачет девочка такая же, как ты.

Но поэт знает, что «руку друга мы протянем им» для того, чтоб

...Над Испанией горела
Наша лучезарная звезда.
«Девочке...».

Особенно много стихотворений в 30-х годах В. Полторацкий писал о счастливой земле советской. Уж одни заглавия раскрывают идейную основу этих произведений: «Цветет наша Родина», «Счастливая земля», «Счастье», «Цветут сады» и др.

С глубоким волнением и гордостью поэт смотрит на свою Родину, на просторах которой идет созидательная

стройка. Он подчеркивает, что великая сила народа состоит

В могуществе наших заводов,
В красе молодых городов.
«Цветет наша Родина»

Могучая, богатая природа, как рисует поэт, «труду покорна», поэтому

И цветет земля,
Как пышный сад
Средь солнечной долины.

С каждым днем все более и более зримо проявляется трудовой героизм советских людей, с каждым днем все выше и выше поднимаются «стахановцы угля, железа, стали», а

...на границах
Какие сторожа
Хранят покой
И мирный труд народов!
«Счастливая земля»

В стихотворении «Утро» широко показана картина утра Родины. Отдельными мазками врисовывает поэт в художественное полотно то, что делается в этот момент в Рязани, Вятке, Иванове, на Пяндже, в Карелии, в Усть-Сысольских лесах, в Красном Сормове.

И в широко открытые двери
Огромного мира
Входит доброе утро
Моей страны.

В. Полторацкий с любовью рисует образы простых советских людей. Это и девяностолетний дед Степан, который во времена царизма «тридцать восемь лет батрачил, пас — пятнадцать лет» и долго ждал удачи, счастья, которое ему дала только советская власть (стихотворение «Счастье»). Это и старик, колхозный бригадир, который раньше «обособленным тараканом переползал через года», а теперь он старший бригадир и обеспечен своим трудом, а юбилей его торжественно отмечается односельчанами (стихотворение «Юбилейное»).

Изображая труд советских людей, В. Полторацкий особенно подчеркивает творческое начало этого труда.

Труд советского человека, одушевленный вдохновением, становится искусством и радостью жизни. Девуш-

ка-вышивальщица в одном из стихотворений поэта поет о социалистической родине,

Где вдохновенью нет преграды,
Где мысли и дела цветут,
Где самой высшею наградой
Для человека станет труд.

Колыбелью В. Полторацкого была Владимирская область. Здесь он вырос и стал поэтом. Свою любовь к Родине он проявляет и в любви к милому его сердцу Владимиро-Суздальскому краю (цикл стихотворений под общим заглавием «Владими́ро-Сузда́ль»).

В стихотворениях этого цикла поэт рисует историю родного края со времен глубокой древности. По старым владимирским крепостным стенам он читает «правдивое сказанье» о прошлом русского народа. В глубоком прошлом этот народ мечом очерчивал и защищал границы своего государства:

Твои полки
Ходили на ливонцев,
С тобой Великий Новгород дружил,
Бахчисарая золотое солнце
Текло по копьям
Суздальских дружин.

«Владими́ро-Сузда́ль»

Но этот же народ-герой невыносимо страдал при царизме, и борцы за революцию торили цепями Владимирку, не теряя уверенности в неизбежности грядущей победы.

Железо кандалов
До крови стерло ноги,
И песня умерла
На высохших губах.

В Сибирь, на каторгу,
Змеей ползет дорога,
Горячий ветер
Заметает след.
Но сквозь
Звериную тоску острогов
Изгнанникам сиял
Грядущей жизни свет.
Какой огромной
Непреклонной силе
Пылать в сердцах,
Чтоб отступила мгла?

Они сквозь путь кандалный
Пронесли
Огонь борьбы,
Что партия зажгла.

«Владимирка»

Героическое прошлое родного края, как показывает В. Полторацкий, возрождается на новой основе в еще более величавой современности. Великая Октябрьская социалистическая революция изменила жизнь города. Сюда «идут теперь рабочие полки», здесь строятся промышленные предприятия, которых не было до революции. Бывший церковно-чиновничий город превращается в индустриальный центр с крупными заводами:

И каждый миг — мой город все ясней
Встает таким, каким еще он не был,
Каким он будет в славе наших дней.

Таким образом, еще до войны отчетливо определилась тематика творчества В. Полторацкого. Он воспевал родину и народ, его великие дела в прошлом и настоящем. Поэт рисовал образ народа-созидателя, гуманиста, творца новой жизни. Это был ранний этап его творчества. На этом этапе он нашел свои темы, свой угол зрения на жизнь, но еще не научился придавать своим мыслям и чувствам достаточно строгую и четкую художественную форму. В стихах поэта этого времени еще встречались штампованные образы, иногда попадались «не те слова», не всегда он обнаруживал умение организовывать стих ритмически. Но первый этап был уже позади. В. Полторацкий обретал, как поэт, свое лицо, и перед ним встала задача дальнейшего совершенствования художественного мастерства.

Самым молодым из поэтов-ивановцев, проходивших путь творческого становления в 30-е годы, был М. Дудин.

Михаил Александрович Дудин родился в 1916 г. в деревне Клевнево, Середского района, Ивановской области.

С 1930 г. он стал комсомольцем. Учился М. Дудин в школе ФЗУ. По окончании ее получил квалификацию помощника ткацкого мастера. Впоследствии он окончил вечернее отделение педагогического института. Еще на школьной скамье М. Дудин начал писать стихи. Вскоре он стал печататься в газетах «Ленинец» и «Рабочий

край» и в журнале «Пламя». В 1940 г. в г. Иванове вышла первая книга его стихов «Ливень».

М. Дудин участвовал в войне с белофиннами и в Великой Отечественной войне. С 1951 г. он член КПСС. Сейчас М. Дудин живет в Ленинграде. Он автор более чем двадцати стихотворных сборников.

«Ливень» — это поэтический первенец М. Дудина. Четыре основные темы подверглись поэтической обработке в стихах этого сборника: тема новой жизни, искусства, природы и любви.

Естественно, что первая тема представлена и большим количеством стихотворений и в разных разветвлениях.

Московский Кремль — центр вселенной. С его башен во все концы «волной плывет Интернационал», к нему «стелет вся земля свои дороги», а кругом «в родной Стране Советов — золотые светлые пути». Вот почему в конце стихотворения поэт с сильным чувством восклицает:

Край родной,
где радостно живется,
Родина! —
где весело поется.
За тебя готовы мы бороться,
За тебя готовы умереть!
«На Красной площади»

Для новой жизни нужно закалиться не только идейно, но и физически. Надо быть жизнестойкими и сильными защитниками Родины. Маршевым четким ритмом звучит концовка одного из стихотворений М. Дудина:

Не будем в жизни тусклыми,
Не страшны бури нам.
Крепим тугие мускулы
На страх врагам.
«Стадион»

Поэт знает о происках поджигателей войны, поэтому он, как бы производя смотр всех видов обороны, призывает советских людей быть готовыми дать отпор врагам:

Дай команду, первый маршал,—
Мы готовы к бою.
«Мы готовы к бою»

Боевую готовность воспитывают и воспоминания о героических годах гражданской войны, о ее полковод-

цах, среди которых ивановцам был особенно близок М. В. Фрунзе. Именно он еще до Октябрьской революции организовывал рабочих ивановских окраин, а под Перекопом

Навстречу снарядам,
Под огненным градом
Он с нами шагал впереди.

Потому-то народ хранит память о Фрунзе. Его

...имя, как знамя,
Всегда будет с нами.
И с ним мы везде победим.

«Песня ткачей»

На первых же порах своей литературной работы М. Дудин в стихотворении «Музыка» твердо заявил о нерасторжимой связи искусства с жизнью.

Через поэтически нарисованный пейзаж М. Дудин передает любовь к Родине, к советскому человеку-творцу новой жизни.

В стихотворении «Рисунок» осенний пейзаж, когда «огонь сентября подпалил у осинника листья», дан поэтом в своей обыкновенности, невзрачности и простоте, но

Даже в этой картинке я вижу тебя, моя родина,—
Золотая земля из земель.

В первом стихотворении «Ливень», давшем имя всему сборнику, описывается плодоносный весенний ливень. С картиной ливня поэт связывает мысль о первых, ранних еще творческих проявлениях, о возможных в будущем зрелых плодах и в природе, и в поэзии.

Не все пейзажные стихотворения молодого М. Дудина были удачны. Наибольшего успеха поэт достигал в тех произведениях, где пейзаж использовался как средство раскрытия большой общественно-значимой идеи. Но некоторые пейзажные стихи начинающего поэта были лишены подлинно высокого идейного содержания, и тогда его, как художника, постигала неудача. Образы таких стихотворений ощущались как надуманные, не чувствовалось в них подлинного лиризма (стихотворения «И снова август», «Гроза», «Листопад»).

Удачной в сборнике «Ливень» является группа стихотворений на любовную тему.

В стихотворении «Он вернется» описывается девуш-

ка, которая провожает пограничника, когда «забелела стынь-пороша, закружил снежок». Она наказывает ему зорче охранять границу и обещает приехать в отпуск весной, когда

Зашумит цветной порошей
Сад над головой.
— До свиданья, мой хороший,
Ненаглядный мой.

В стихотворении этом много лирической напевности, простоты и искренности. И по теме, и по художественному ее решению оно близко к той традиции, которая сложилась в стихах-песнях М. Исаковского.

В духе песенной стилизации написано лирическое стихотворение «Закачалась, разлетелась...», в художественную основу которого положен фольклорный прием обращения человека к природе. Поэт обращается к облакам, к реке, к ветру с вопросом:

Не видали ль, не встречали ль радость милую мою?

Природа не отвечает, и последний вопрос свой поэт обращает к песне:

Уж вы, песни, мои песни, колокольцы-бубенцы,
Облетите, озвените все края во все концы
И найдите в неизвестном, неразгаданном краю
Ненаглядную, хорошую, любимую мою.

Наконец, удачна лирическая миниатюра, подкупающая своей простотой, широтой образов и непосредственностью чувства:

Небо синее большое,
Море синее большое,
Есть у неба горизонт,
А у моря берег.

У тебя большое счастье,
У меня большое счастье.
И у нашего у счастья
Нет границ и берегов.

В сборнике «Ливень» помещены две небольшие поэмы М. Дудина — «Ольга» и «Маруся Рябинина», посвященные героиням эпохи революции 1905 года и эпохи гражданской войны.

Обе поэмы объединены единой темой и единой идеей: борьба за свободу, когда бы она ни велась, не пропадет даром, она найдет свое продолжение у потомков, и дея-

тели революции, погибшие в борьбе, бессмертны в делах строителей коммунизма.

Героиней первой поэмы является юная революционерка, участница революции 1905 года, Ольга Генкина, трагически погибшая в г. Иванове от руки погромщиков-черносотенцев. Героиня второй поэмы — боец полка ивановских ткачей, дравшегося в уральских степях с белыми, Маруся Рябинина.

Ольга Генкина погибла в городе Иванове. На том месте, где сейчас находится новое здание вокзала, ей поставлен памятник.

Над ним горит звезда,
А от него уверенно в огромный
Счастливый мир уходят поезда.

Давно нет в живых Маруси Рябининой, утонувшей в водах реки Кинель. Но до сих пор поют в уральских степях о славной чапаевке,

Поют о том, что над страной
Встал радужный рассвет.

Сборник «Ливень» был заявкой на будущее молодого талантливого поэта, и будущее показало, что эту заявку он оправдал.

**

20—30-е годы продемонстрировали рост поэтических сил текстильного края. Активно работали в поэзии представители старших поколений ивановских поэтов.

Молодые ивановские поэты 20-х и 30-х годов, так же как и их старшие собратья, пришли в литературу из жизни, обогащенные опытом комсомольской работы, борьбы на фронтах, участия в созидательном промышленном и колхозном труде. Поэтические дарования литераторов текстильного края были различны, но все они вместе знаменовали своим творчеством рост культуры края и развитие народных талантов, призванных к жизни Великой Октябрьской социалистической революцией.

Многие из поэтов-ивановцев, работавшие в 20—30-е годы, стали всесоюзно известны (А. Благов, Д. Семеновский, С. Огурцов, Е. Вихрев, В. Полторацкий, М. Дудин) и внесли свою лепту в дело развития советской литературы.

ДОРОГАМИ БОЕВ И ТРУДА

Эпохальными событиями всемирно-исторического значения полон в жизни советской страны период 40—50-х годов. Завершив победою Великую Отечественную войну, освободив от чудовища-фашизма народы мира, страна быстро залечила раны, нанесенные войной, и сделала новый крупный шаг в строительстве коммунизма. По пути, проложенному нашей Родиной, пошла треть человечества. Выросло, одержало ряд внушительных побед национально-освободительное движение колониальных и зависимых народов. В неодолимую силу превратилось всемирное движение сторонников мира.

Сильная своей связью с жизнью народа, с политикой партии и советского государства, продолжала развиваться в этот период советская литература всех жанров, в том числе и поэзия.

В годы великих боев и героического труда она была на переднем крае борьбы и созидания, в первых рядах народа. Штыком и пером сражались за любимую Родину советские писатели. Большая часть их ушла на фронт воинами и корреспондентами газет, а 242 человека пали в боях смертью храбрых.

В то время, как буржуазная литература Европы и Америки не создала ни одного значительного произведе-

ния, раскрывающего характер, масштабы, сущность и значение великой войны с фашизмом, советская литература плодотворно развивалась во всех жанрах, сделавшись, по меткому выражению А. Толстого, «голосом героической души народа».

Советские писатели книгами, широко известными не только у нас, но и за рубежом, опровергли известное изречение «когда премят пушки, молчат музы».

Успехи советской литературы военных лет видны хотя бы на произведениях поэзии. Помимо множества ярких, захватывающих душу, мобилизующих стихов и песен Суркова, Симонова, Исаковского, Лебедева-Кумача и других поэтов, в эти годы были созданы замечательные поэмы: «Киров с нами» Н. Тихонова, «Зоя» М. Алигер, «Сын» П. Антокольского, «Василий Теркин» А. Твардовского.

После окончания войны советская поэзия обогатила литературу, помимо множества коротких лирических произведений, поэмами «Дом у дороги» и «За далью даль» А. Твардовского, «Флаг над сельсоветом» А. Недогонова, «Колхоз «Большевик» и «Весна в «Победе» Н. Грибачева, «Макар Мазай» и «Вершина» С. Кирсанова, «Рабочий день» М. Луконина и др.

Как и в годы войны, в послевоенный период советская литература характеризуется воинствующей коммунистической партийностью, высокой идейностью. В борьбе за идейность и мастерство большую помощь нашей литературе оказала Коммунистическая партия, в частности, постановлениями ЦК 1946—1948 гг. и таким важным партийным документом, как выступления Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа».

В этих документах, выражая коренные интересы советского народа, запросы жизни, практики коммунистического строительства, партия указала литературе магистральный путь ее развития и вместе с тем подвергла резкой и принципиальной критике отсталые взгляды некоторой части литераторов, поддавшихся обывательским настроениям и на какой-то момент утративших тот верный компас, который ни на минуту не выпадал из рук всех самых лучших наших писателей и поэтов.

Второй Всесоюзный съезд советских писателей в декабре 1954 г. и III пленум правления Союза писателей

СССР в мае 1957 г., а также Первый учредительный съезд писателей РСФСР продемонстрировали жизненную силу советской литературы, заключающуюся в неразрывной связи с жизнью народа и его борьбой за коммунизм, в партийной принципиальности и непримиримости к любым проявлениям чуждой буржуазной идеологии. Решительный удар был нанесен ревизионистским настроениям и тенденциям. В эти годы наблюдается дальнейший рост многонациональной советской литературы, усиление ее международного авторитета и мирового значения.

Изображая героическое прошлое, светлое настоящее и лучезарное будущее народа, раскрывая в образах героики его борьбы и труда, советская литература стоит на вершине мирового художественного развития, являясь для трудящихся всего мира источником животворящей энергии и непобедимых идей.

При всем многообразии конкретных частных тем советская литература, включая и поэзию, разрабатывала в 40—50-е годы ряд общих сквозных тем, важнейшими из которых являются великая освободительная война с фашизмом, восстановительный труд, борьба народов за мир, строительство коммунистического общества на новом, современном этапе.

В общем русле советской литературы развивалась в этот период и поэзия Ивановского текстильного края.

Несмотря на преклонный возраст, по-прежнему плодотворно выступает в поэзии А. Благоев, откликаясь нестареющей душой рабочего поэта на бои и труды народа. В 40—50-е годы он выпускает ряд книг: «Ненависть» (1942), два сборника «Избранных стихотворений» (1944 и 1946), «Стихи и поэмы» (1948), «Детям» (1949), «Ивановский ситец» (1950), «Город ткачей» (1951), «Избранное» (1953) и др. Книжки эти говорят о расширении тематического диапазона и росте мастерства старейшего поэта-ткача, творчество которого получило всесоюзную известность. Излюбленная им текстильная тема теперь все шире и теснее увязывается поэтом с событиями всесоюзного и интернационального масштаба. Разработка ее идейно углубляется. Прозрачнее и весомее становится непритязательная, немудрящая простота стилистического почерка поэта.

Новые произведения создает известный поэт текстильного края Д. Семеновский. Он не останавливается в творческом росте, ищет новых граней, новых нюансов и оттенков в звучании своего стиха. Об этом свидетельствуют стихи поэта о войне, о труде, о мире в сборниках «Избранные стихи» (1946), «Стихи» (1947), в новых книгах «Радуга» (1948), «Огни мира» (1952), в двух сборниках избранных стихов, вышедших в Иванове и Москве в 1955 и в 1957 гг.

В 40—50-е годы зреет мастерство поэтов, начинавших в 30-е годы. М. Дудин, В. Полторацкий быстро выходят на широкую всесоюзную дорогу, первый как поэт, а второй, главным образом, в качестве очеркиста и крупного работника центральной печати.

Попав в годы войны на остров Ханко и на Ленинградский фронт, М. Дудин связывает свою поэтическую и гражданскую судьбу с героической обороной города Ленина, в котором он поселяется после войны. В Ленинграде в огненные годы борьбы с фашизмом выходят книги его стихов — «Фляга», «Военная Нева», «Костер на перекрестке», «Дорога гвардии», «Переправа» и другие. Сборники произведений М. Дудина выходят и в Москве. В 1951 г. Ивановское областное издательство выпустило сборник стихотворений этого даровитого советского поэта («Избранное», стихи 1940—1950 гг.), чей путь начался в краю текстильщиков.

В 1957 г. в Иванове была издана книга стихов В. Полторацкого «Доброе утро», получившая высокую оценку в столичной печати.

Грозное время Великой Отечественной войны сформировало тип поэта-воина, ярким воплощением которого были, в частности, ивановцы Владимир Яковлевич Кудрин, Алексей Алексеевич Лебедев (1912—1941), Николай Петрович Майоров (1919—1942).

Они пришли в поэзию в канун 40-х годов, свои поэтические голоса закалили в огне сражений и погибли на боевом посту, с оружием в руках и боевой песней на устах, до последнего дыхания защищая любимую родину.

Их стихи были спутниками воинов, вели их в бой, и «безыменные на штурмах мерли».

Небольшое по объему, но значительное по содержанию поэтическое наследие В. Кудрина было собрано по-

сле его смерти, и в 1946 г. в Ивановском издательстве вышла его книжечка «Стихи».

Жизненная и творческая судьба суздальца, а затем ивановца, выпускника Ивановского строительного техникума А. Лебедева, в годы его мужания целиком связана с Военно-Морским флотом. Еще будучи курсантом Ленинградского военно-морского Краснознаменного училища им. М. В. Фрунзе, А. Лебедев выпустил первый сборник своих стихов «Кронштадт» (1939). Он быстро и ярко проявил себя как самобытный поэт. «Лирика моря» — так называлась его вторая книга (1940). А. Лебедев погиб на боевом посту штурмана подводной лодки при выполнении боевого задания командования. Уже после смерти поэта в Ленинграде, в Иванове и в Москве вышли книги его стихов «Красный вымпел», «Морская сила», «Родному флоту», «Избранные стихотворения».

Поэзия ивановцев лет Великой Отечественной войны это патриотическая, глубоко партийная поэзия, тысячами нитей связанная с героической борьбой и трудом советского народа.

В послевоенные годы (вторая половина 40-х—50-е годы) ряды ивановских поэтов расширяются за счет притока новых свежих сил.

Приходят с полей войны, неся ее опыт и претворяя его в мирном строительстве, способные поэты, член Союза писателей с 1934 г. М. Бритов, автор сборника «По фронтовым дорогам» (1948), Владимир Жуков, Иван Ганабин (1922—1954) и др.

С первыми сборниками в эти годы выступают поэты нового поколения — Игорь Мартьянов («Мои товарищи»), брат погибшего поэта-воина Леонид Кудрин (книги детских стихов «Живые игрушки», «Как строили дом» и сборник сатирических произведений «Не в бровь, а в глаз»), Вадим Воробьев («Пионеры в походе»), Н. Силков (книга для детей «Чей шар?») и другие. Стихи Н. Михеева, А. Фролова и целого ряда поэтов печатаются на страницах областных газет «Рабочий край» и «Ленинец» и в периодических и тематических изданиях. Многие песни поэта Н. Михеева, например, «Нет фабрики краше», «Приезжайте к нам в Иваново» и другие популярны в Ивановском крае и охотно исполняются с эстрады и самодеятельностью.

На страницах коллективных сборников и альманахов, а также в областных газетах выступает в послевоенные годы свыше полусотни молодых, в том числе и начинающих поэтов.

**
*

Ведущей темой советской литературы в 40-е годы становится Великая Отечественная война советского народа против фашизма. Ей посвящают свое творчество и ивановские ветераны поэзии и молодые, формирующиеся поэты. В их произведениях отразились основные этапы великой борьбы, ее историческая и политическая сущность, ее величие и размах. Идейная проблематика поэтических произведений ивановцев, общая для всей советской поэзии того времени, включает в себя жгучую ненависть к врагам и беззаветную любовь к социалистической Родине, героизм и мужество бойцов на фронтах и тружеников в тылу, богатырскую мощь и негибаемый характер борющегося народа, всенародный характер и непобедимость дела освободительной борьбы.

Но при общности и единстве основной темы и ведущих идей каждый поэт подходит к теме по-своему, по-своему ее раскрывает. Мы видим боевую действительность глазами старого рабочего-ткача (А. Благов), глазами советского интеллигента (Д. Семеновский), в восприятии ее издали, хотя отнюдь не созерцательном, не стороннем, и в восприятии непосредственных участников боев, воинов армии и флота, сражавшихся на фронтах (В. Кудрин, М. Дудин, А. Лебедев, В. Полторацкий, М. Бритов и др.).

С самого начала войны, когда советский народ подымался и сплывался для отпора врагу, вместе с известными песнями Суркова, Лебедева-Кумача и других советских поэтов зазвучало и стихотворение А. Благова «22 июня 1941 года», выражавшее чувства и мысли, которые в это время волновали всех. Простыми и вескими словами в нем говорилось о необычайной твердости духа, о единстве и сплоченности советских людей, о их готовности к отпору, о всенародном характере борьбы. Говорилось о том, как «встала вся страна в величье грозном и суровом», как сильна она, «единым мужеством полна».

Стихотворению «22 июня 1941 года» присуща строгая и чеканная ритмика, чувства автора слились в нем с чувством всего народа, от лица которого и говорит умудренный опытом и закаленный в борьбе старейший рабский поэт.

Он знает силу и цену борьбы, ее исторический смысл и значение и, вспоминая о героическом прошлом своей родины, глубоко верит в ее непобедимость. Задушевно, как с другом, разговаривает он с родиной, зовет ее на решительный бой:

Снова гость непрошенный стучится,
За хозяйский ломится порог.
Родина! Тебе ведь не учиться
Бить врага, валить злодея с ног.
Хочет он назвать тебя рабою,
Бредит он погибелью твоей.
Собирай, давно готовых к бою,
Закаленных, смелых сыновей.

«Родина»

Среди стихов А. Благова военного времени много призывов и обращений. Есть тут и стихи-послания, обращенные к молодым поэтам-воинам, землякам М. Дудину и В. Жукову. Им-то он и передает свой девиз «свободной отчизне служить до конца и словом поэта и пулей бойца» (стихотворение «Поэту-бойцу»).

Напутствуя бойцов-ивановцев, идущих на фронт Отечественной войны, А. Благов в стихотворении «Добрый путь» напоминает им об их героических революционных предках, о мужестве боевого отряда ткачей, сражавшегося в Чапаевской дивизии, о всех тех, кого «растил величавый 17-й год под грозой гражданской войны». Поэт передает чувство непобедимого единства бойцов-земляков со всей советской Родиной:

Встанет вместе со всеми
Ивановский ткач
На защиту столицы родной.

На защиту Родины встает и сама поэзия А. Благова.

В испытаниях военных лет стихом-воином делается стих Д. Семеновского. Мягкая, раздумчивая лирика, которой всегда покорял этот своеобразный поэт, в стихах его на военную тему уступает место строфам жестким и энергичным, отточенным, разящим врага. Но лирическое начало живет и в энергичных, мужественных строфах стихотворений Д. Семеновского.

В этом смысле особенно показательны стихотворения 1942 г. «Возмездие» и «Нелюдь».

В стихотворении «Возмездие» изображены бои за Кенигсберг и звучит высокая и неподдельная героика борьбы. Язык и интонации этого стихотворения то жгучие, боевые, разящие, то гневно саркастические, хорошо передающие ненависть поэта к врагу и его твердую уверенность в победе советских воинов.

В стихотворении «Нелюдь» с публицистической страстностью Д. Семеновский гневно обличает фашистскую нелюдь, вскрывает политическую и моральную сущность гитлеризма, по-горьковски формулирует революционную сущность социалистического гуманизма советского человека-борца:

О, пусть утрат неисчислимых боль
В нас разжигает ненависти пламя!
О, пусть полки могучих за собой
Ведет любви воинствующей знамя!
Быть человеком — значит быть бойцом
И в недруга вернее, метче целить,
Чтоб истребить железом и свинцом
Двуногую взбесившуюся нелюдь.

Поэтическая палитра Д. Семеновского в стихах военных лет богата. Одновременно с поэтом-оратором и публицистом в нем по-прежнему живет тихий, тонкий лирик. Особенно сказывается это в стихах, связанных с большим личным горем поэта. В феврале 1943 г. на фронте погиб его единственный сын. С горькой утратой этой связаны стихи «Переключка писем», «Ветры марта», «Мать солдатская», имеющие, как и поэма Павла Антокольского «Сын», не только субъективное, но и глубоко обобщающее значение. Стихи эти лишены пессимизма. Лишь порой, на какое-то тягостное мгновение, поэт поддается целиком завладевшей им скорби. Так, в чудесный весенний пейзаж одного из стихотворений вдруг неожиданно врывается щемящая, ранящая сердце, боль, застилающая поэту светлые краски земли и неба:

Ветры марта, весны запевалы,
Свой гулкий запев завели.
В облаках засквозили провалы,
Синевой, бирюзой зацвели.
Потемнели тропинок ухабы,
А сугробы слепят белизной.

Знаешь, это весна была бы
Двадцать первой его весной.
С болью в раненом сердце мы встретим
Ее отрадный привет.
Не прожить человеку на свете
Без тяжелых утрат и бед.

Но окончательно захлестнуть себя горю поэт не дает, ибо лучшим памятником погибшему является торжество той светлой жизни, за которую он сложил голову:

Но не надо нам тоской томиться
И хранить в глазах ее печать.
Светлыми любил он наши лица,
Не велел в разлуке нам скучать.
Был и он в суровых буднях светел —
Юный воин с любящей душой,
Мужественно грозный час он встретил,
Совершая подвиг боевой.

Поэту —

Он всегда и всюду будет с нами,
И всегда везде мы будем с ним.
«Перекличка писем»

Таков оптимизм поэта при решении трагической темы. С особенной силой он звучит в стихотворении «Мать солдатская», где тема бессмертия погибшего воина сочетается с философски широкой и многозначительной темой материнского подвига, темой животворящего материнства. Обращаясь к матери бойца, пережившей «отчаянные утраты», поэт видит в ней мужественный, негибаемый национальный характер русской женщины:

Не убила страшная невзгода
Сил души взволнованной твоей.
Стойкая видна в тебе порода
Терпеливых русских матерей.

Д. Семеновский не сомневается в победе в душе матери неодолимой силы жизни, лучезарной силы материнства и любви, которые не погибнут никогда:

Ты иметь ребенка уж не чаешь,
Но, быть может, радость обрета,
На дорогах жизни повстречаешь
Матери лишенное дитя.
И лучами ласки
Ты согреешь детство сироты.
Снова вспомнишь песенки и сказки,
Что, бывало, складывала ты.

Добротой и нежностью богаты
Для любви открытые сердца.
Матерью была ты,
Матерью и будешь до конца.

**
*

Значительный след в советской поэзии периода Великой Отечественной войны оставили ивановские поэты-фронтовики как погибшие на фронтах, так и здравствующие ныне и плодотворно работающие в литературе.

В стихах В. Кудрина 1941—1944 гг. суровые будни войны даны в восприятии живого участника боев. О себе и от себя, о своих современниках говорит поэт, раскрывая сокровенный мир их чувств и помыслов. Отсюда две наиболее распространенные формы его военных стихов — лирический монолог, самовыражение, душевная исповедь от первого лица и лирический рассказ, обращение к другу, задушевный разговор с ним. Причем порою монолог незаметно и естественно переходит в разговор поэта с другом.

В стихах и песнях В. Кудрина Великая Отечественная война отражается широко. Поэт показывает боевые действия самых разнообразных частей и подразделений — пехотинцев (стихотворения «Холм славы», «Пехотинская»), танкистов (стихотворения «Победная песня», «За родину-мать»), броневой бойцов (стихотворение «Слово бывалого солдата»), летчиков (стихотворение «Песня о Соколе»), народных ополченцев (стихотворение «Песня о народном ополчении»), партизан (стихотворение «Партизанка»).

Большое внимание уделяет он героическим подвигам советских женщин и девушек, которые в тяжелую годину испытаний, выпавших на долю родины, становились наравне с мужчинами бойцами. Мы встречаем в его стихах и прославленного снайпера Людмилу Павличенко, и незабвенных партизанок Зою Космодемьянскую, Ганну Шубенок (стихотворения «Комсомольская», «Партизанка»), и женщин-рядовых пехотинцев, разведчиц, летчиц, медсестер (стихотворения «Героям родины», «Песни сестры»), и солдатских матерей, жен, возлюбленных, вдохновляющих бойцов из далекого тыла, призывающих их воздать заслуженное фашистам (сти-

хотворения «Перед боем», «При свете камелька», «Тебе»). Велика сила простого материнского слова или нежного письма любимой:

Бойцу о мести пишет мать
Простыми строгими словами.
И он, рожденный побеждать,
Ее наказ хранит, как знамя.
«Перед боем»

Военная тема во многих стихах В. Кудрина соединяется с трудовой, при этом боевой и трудовой подвиг и миролюбивого советского человека — лирического героя его стихов — выступают в единстве, как две стороны одного и того же жизнестроительного характера. Боец — бывший пахарь —

...вспоминает край родной,
Ту землю, что пахал когда-то.
И в сердце пахаря волной
Вскипает ненависть солдата.

В самый разгар войны В. Кудрин пишет о героическом труде по восстановлению только что освобожденного Донбасса (стихотворение «Шахтинцам»).

Штыком и пером поэт-солдат воюет за любимую Советскую родину, не уставая петь героическую песню и вести задушевный лирический разговор с боевыми друзьями, с народом. С песней на устах, с поэтическими словами, обращенными к Родине, к землякам, к своей любимой, он погибает в жестоком бою, оставляя едва дописанными волнующие строки:

Бесследно я из жизни не уйду;
Я в чутком сердце отзвуки найду;
И песни те, что я сложил в бою,
Споют не раз в моем родном краю.

Эти песни сохранились в благодарной памяти земляков, о чем говорит выпущенная посмертно книжечка «Стихи» (Ивгиз, 1946).

Поэт-журналист В. Полторацкий сформировался раньше В. Кудрина. В произведениях 40-х годов он тесно соединяет военную тематику с трудовой. Таковы лучшие из стихов, собранных впоследствии в книге «Доброе утро» (1957).

Характерно, например, стихотворение «Война», где рассказывается о суровом, тяжелом каждодневном солдатском подвиге-труде:

Тяжел и крут солдатский труд,
И горек вкус походной соли.
Века, наверно, не сотрут
Пристывшей к сердцу
Страшной боли.

Утяжеленные, усложненно метафорические образы, вроде боли, «пристывшей к сердцу» и «тяжелого крутого труда», сильнее подчеркивают в этом стихотворении всю тяжесть и невероятную напряженность боевого подвига солдата-труженика.

В. Полторацкий любит такие громоздкие, словно налитые тяжестью, или резкие, падающие, как удар, образы, раскрывая с их помощью грандиозность происходящей титанической борьбы с фашизмом. Так, замаскированные под цвет снега танки представляются ему как «стальные белые **слоны**» (стихотворение «Танки»), а о тревоге он пишет: «Упал тревоги резкий звон» (стихотворение «Семь дней под яблонями жили»). В то же время поэт стремится осмыслить фронтовую действительность с помощью динамических образов природы, вводимых в сравнения. Танки у него мчатся, словно «разметая заторы, весною полая вода» (стихотворение «Танки»), четвертая осень войны «хлещет... пылающим ливнем свинца» (стихотворение «Четвертая осень»). Перенесение признаков природы на боевые явления — в данном случае прием не новый, а традиционный, вспомним зеркальное сравнение из «Слова о полку Игореве» — «идти дождю стрелами». Можно лишь оспаривать поэтическую органичность и естественность этого приема у озаренного поэта. На наш взгляд, в приведенных выше примерах такой естественности порой не достаёт, и в таких случаях образ получается отвлеченно риторическим.

Но чаще всего В. Полторацкий достигает подлинной поэтичности в изображении военной действительности через лирически окрашенный пейзаж. Так, тополь у могилы погибшего воина встает словно «вечный **часовой**», а «звезда, как нежная **сестра**, склонилась над бойцом», (стихотворение «Слово о бойце» — переделка прежней «Баллады о земляке»). В стихотворении «Четвертая осень», рисуя заграничный поход советских армий, бси на Висле, такими удачными образами являются метафорические эпитеты «**раненая** польская земля», военный «простуженный ветер». В них наблюдается не ме-

ханическое соединение военно-бытового с пейзажным, а слицетворение, своеобразное «очеловечивание» природы под углом зрения военных событий. Это создает уже определенную эмоцию, а стало быть и поэзию.

В. Полторацкий стремится к правдивому, неприкрашенному воспроизведению сурового лика военных лет. Книжному, отвлеченно-созерцательному, романтико-живописному восприятию войны он противопоставляет твердую будничную реальность во всей ее неприглядности и наготе. Таково стихотворение «Мы были солдатами», в котором поэт пишет о том, что издала война казалась «песней фанфар», ветром «распахнутых крыльев» и т. п., а на деле она представляет собой скелеты разбитых машин, ледяную воду и пыль дорог, «язвы окопов», искалеченных людей. Внушительное молчание, тихое раздумье о величии того, что свершено народом, поэту дорожке всех громких и пышных фраз. Он говорит, что в день Победы

Мы выпьем за правду,
За милость окопной земли
И долгим молчаньем
Ответим на громкие речи.

Такою внушительной, невыразимой словами, представляется поэту великая правда победившего фашизм советского народа.

Много сходного с В. Полторацким в художественном восприятии войны имеется у другого поэта-ивановца М. Дудина. Он также обращает внимание не на внешнюю пышно-парадную сторону войны, а создает трезво реалистическую, исполненную динамики картину героических военных буден:

А к вечеру ударил ливень. Косо
Захлестывала струями вода.
В грязи хрипели лошади. Колеса
По втулки вязли. К чёрту обода
Летели. Ухали зенитки.
За сутки от пилоток до подошв
Мы вымокли (хоть выжимай!) до нитки,
А может, пропотели,— не поймешь.

Ощущение размашистости, напора, бурной развороченности здесь создается иными, чем у В. Полторацкого, поэтическими средствами — главным образом с помощью прерывистого напряженного синтаксиса (разрывы на конце стихотворной строки законченных смысло-

вых частей грамматического предложения, скопление глаголов — например, «летели. Ухали», внезапное включение в законченную смысловую строку восклицательных вводных и придаточных предложений—«хоть выжимай!»).

Энергичные, прерывистые интонации, передающие напряженную динамику, героику боев и неистребимую веру в победу, можно найти в других стихах М. Дудина, например, в стихотворении «Волге»:

Мы выживем. Мы выбьемся! Не нам ли
Судьбу вручила Родина свою.
Мы войны! Не маменькины мямли.
В последнем нам торжествовать бою.

Те же особенности стиха можно обнаружить и в стихотворении «Камень», рисующем подвиг раненого связиста, который перед смертью соединяет концы оборванного провода и тем самым обеспечивает связь идущим вперед частям. Это стихотворение по теме, идейному строю и напряженной ритмике очень сходно с балладой о раненом связисте А. Суркова.

Широко употребляются М. Дудиным энергичные, ударные, словно спрессованные из воли и энергии, начиненные взрывчатой силой образы. Например, о боевом снаряде, несущем врагу смерть, говорится —

В нем наша сила, ярость и оплот,
В нем наша смелость и горячий пот,
Народный гнев, победы торжество,
Спрессованная ненависть его.

«Снаряд»

Или такие строки о героических воинах-гвардейцах, умеющих преодолеть любые нечеловеческие препятствия на пути к победе, из поэмы «Дорога гвардии»:

Где сердце давит тяжкая остуда
И судорога скашивает рот;
Где нет вершка живой земли,— отсюда
Она разбег стремительный берет.

Среди военных стихов М. Дудина есть и лирические пейзажи («Соловей», «Жаворонок» и др.). Пейзажное, лирическое он сплетает с военно-героическим (стихотворение «И сразу птицы приумолкли»).

Где бы ни находился М. Дудин, он не порывает поэтических связей с текстильным краем. Его поэт часто вспоминает в своих фронтовых стихах. Он мечтает побы-

вать в родных местах (например, стихотворение «У Ки-нешмы и Решмы»).

М. Дудин, как и его сверстники, является «право-фланговым солдатом» на полях великой войны, по «самой строчечной сути». В своей поэзии он не без успеха продолжает традиции В. Маяковского, поэта-бойца и трибуна, и А. Суркова, чей герой «ходил в рядовых при большой революции, подпирая плечом боевую эпоху». Показательно программное стихотворение М. Дудина «Поэт», адресованное одному из старейших поэтов-ивановцев А. Благову, в котором он заявляет:

Поэт
Не плетется в хвосте наугад,
С тоской обрученный калека.
Поэт —
Это правофланговый солдат,
Разведчик грядущего века.

Неподалеку от М. Дудина на фронте сражался и погиб героем поэт-моряк Алексей Лебедев.

А. Лебедев — поэт одной темы. Моряк по профессии, он отдал морю всю силу своего поэтического вдохновения. Еще накануне войны, когда и написана большая часть его стихотворений, А. Лебедев сформировался как поэт-романтик, лирик моря.

Черпая краски у морских валов, у соленых ветров и пенных волн, поэт исключительно удачно применяет их к выражению того общего, что живет в груди у каждого советского человека, борется ли он на суше или на море. В результате и возникает та большая сила обобщения, которая характеризует подлинную поэзию. Так, в стихотворении «Ночью» боевой поход военных кораблей воспринимается как стремительный выход в бой всего советского флота, всего монолитно сплоченного советского народа, всей Родины:

Волна залива злая, хлесткая
Заплескивает на ветру,
Взлетают ленточки матросские,
Снежинки падают на грудь.
Четыре раза склянки дрогнули,
Волны сильнее и ветра злей;
Мне кажется, что волны струнули
Гранитный остров с якорей.
И он плывет, качая медленно
Борта тяжелых берегов,
Вращая мерно и уверенно

Литые лопасти винтов,
И, поднимая флаг изрубленный
Ножами злобных непогод,
За мир полей и бухт республики
Кронштадт идет в ночной поход.

Великая советская Родина дает морякам силу и все качества, необходимые в бою, — мужество, смелость, волю, несгибаемость, верное сердце и точный глаз. Силою Родины силен советский флот и поэтому он непобедим. В стихотворении с характерным заглавием «Условия победы» поэт говорит о главных качествах советского моряка — верности отчизне, смелости, воле.

Этими качествами обладают А. Лебедев и его товарищи — боевые моряки, ими обладает поэзия война-моряка. Он, как и его друзья, которых страна «послала в караул», осознает себя собранным и отобилизованным часовым Родины, всегда держащим наготове оружие и «...сердца собственного стук» (стихотворение «Часовой»).

Такою мобилизационной собранностью и боевой готовностью пронизана у А. Лебедева даже пейзажная лирика. Например —

Сухое и синее утро марта,
Услышав далекий зов —
И розы ветров расцветают на картах
Под брызгами пенных валов,
И ноздри внимают
Чуть слышимый запах
Зовущего ветра
И новой весны.
И якорь
С зеленою глиной на лапах
Уже поднимается из глубины.

Боевые дела советских моряков — штурманов, сигнальщиков, артиллеристов, их учебу, походы, бои, их заветные думы, чувства и стремления отлично передает поэзия А. Лебедева. Об А. Лебедеве — гражданине и поэте — можно сказать словами стихотворения его поэтического наставника Н. Тихонова — «гвозди б делать из этих людей, крепче б не было в мире гвоздей».

Таким остался А. Лебедев в памяти своих товарищей, таким он останется и в истории советской поэзии. Образ павшего поэта-бойца вел в бой и вдохновлял на поэтическое горение его современников и земляков. М. Дудин в стихотворении «Памяти Алексея Лебедева» писал:

Мы должное твоей заплатим славе,
Мы двести раз пойдем в упрямый бой,

Мы до конца гордиться будем вправе
Твоею песней и твоей судьбой.
Туман и шторм. Соленый привкус моря.
Но, крепко взяв за шиворот судьбу,
Всю остроту и накипь злого горя
Включаем мы в свирепую борьбу.

Борьбу, в которой пали В. Кудрин, А. Лебедев, продолжали их товарищи по оружию М. Бритов, В. Курбатов и др. В их стихах, наряду с событиями первых лет войны, мы находим воспроизведение и ее последующих этапов вплоть до сокрушительного разгрома японских империалистов и славных дней Победы.

М. Бритов, писавший стихи еще в 30-е годы, с оружием солдата и пером поэта прошел весь длинный путь войны. Начав его на исходных рубежах — под Смоленском и Ржевом, пройдя через Белоруссию и Прибалтику — на запад, он закончил его на востоке, у границ Монгольской Народной Республики, которую защищал от японских самураев. Тематика его стихов — это летопись войны. Стихи М. Бритова представляют собой фронтовой походный дневник. Сборнику, который впоследствии объединил их, поэт не случайно дал название «По фронтовым дорогам».

Перед нами, действительно, боевая и поэтическая дорога, путь бойца, определивший и форму его произведения.

Родные дали ведут поэта в бой, зовут к отмщению врагам. Под Ржевом, у истоков Волги, он видит всю Родину, ее народ, в сердце которого стучится гнев и ненависть. И горечь поражения сменяется в душе поэта твердой уверенностью в окончательной победе:

Вдали пылает древний город Ржев.
Над заревом немеркнущим, багряным
Дым нависает огненным туманом.
Стучится в сердце ненависть и гнев.
И отсветы пожара катит Волга
Кровавой зыбью озаренных вод
По всей стране,
Недолго ждать, недолго —
Расплаты справедливый час придет.

В стихах М. Бритова, непритязательно простых, лишенных словесных трюков и ухищрений, воспроизводятся характерные черты будничной фронтовой обстановки, детали боев и солдатского быта, например, «руины обго-

рельх груд», «горелый танк», «снарядами разметанный блиндаж», «тесная землянка, фитилек в консервной банке» и т. п.

Поэт умеет человечески оживлять привычное:

Все это так привычно и знакомо
Тем, чьи сердца войной опалены.
Лежат, **врастая в землю**,
Груды лома —
Убитые орудия войны.

«Полыни запах»

Изображение военного быта дается им всегда в связи с человеком, его чувствами и переживаниями. Это чувства советского воина, «правда, мужество большевика», которые «сильнее огня и стали» (стихотворение «В бою»). Сердце много испытавшего воина-коммуниста бьется под просоленной потом гимнастеркой:

Пусть много испытать придется
В походах горестей и бед,
Но ровно, мерно сердце бьется
Под гимнастеркой в партбилет.
«После боя»

Военная тема у М. Бритова часто переплетается с трудовой. Поэт-воин тоскует по труду и не только тоскует, но и включается в него в перерыве между боями. Так, в стихотворении «Фронтная осень» (1943) рассказывается о том, как по окончании боя воины, «положив на землю автоматы... собирали урожай, войною смятый».

Таким образом, поэзия текстильного края в военные годы вместе со всей советской литературой была на переднем крае борьбы, отражая во многих произведениях, «хороших и разных», существенные стороны жизни этих лет, типические чувства и переживания всего борющегося советского народа.

Славной победой советского народа закончилась Великая Отечественная война. Наша родина вступила в новый этап своего исторического существования. Залечив раны, нанесенные войной, советские люди успешно строят коммунистическое общество, и в это строительство свой вклад вносят труженики текстильного края.

Новый этап в жизни народа нашел отклик в тесно связанной с действительностью советской литературе. На послевоенные события в жизни страны поэты-ивановцы, принадлежащие к разным поколениям, вместе со всей советской литературой откликнулись многочисленными произведениями.

В годы, последовавшие за великой победой советского народа в Отечественной войне, А. Благов по-прежнему выступает как поэтический летописец трудовых успехов ивановских ткачей. В его стихах, написанных зачастую по конкретному поводу и о реальных людях, мы найдем имена многих знатных текстильщиков-новаторов ивановских фабрик. Так, например, в стихотворении «Хозяйка машин» поэт рисует образ Антонины Сивковой — знатной прядильщицы фабрики им. Дзержинского. Это — человек высокой культуры и творческого горения, подлинная «хозяйка машин», умеющая взять от техники максимум того, что она может дать.

А. Благов любит своих героев ткачей. С ними он чувствует себя моложе, бодрее, ему любо с ткачами рядом «сердцем молодеть» (стихотворение «Завидую я вам, друзья мои»). Поэту дорог край ситца, цветные, узорчатые ткани, которыми ивановцы одевают всю страну. «Ивановский ситец» — с гордостью назвал А. Благов одну из своих книг. А в одноименном стихотворении он поэтически рассказывает о рождении этого ситца.

Слава об ивановских ситцах живет во всех уголках нашей необъятной родины; одежду, сшитую из них, носят строители гигантов на Волге, на Каховке, на Дону. И поэт с гордостью восклицает:

Отличные ткани
Имеет страна:
Текстильщиков наших
Гремят имена.
«Растут наши силы»

А. Благов показывает, что ивановцы активно участвуют в общем деле строительства коммунизма, что они крепко связаны со строителями коммунизма во всех концах страны. Поэтому от воспевания тех, кто одевает строителей Волго-Дона, Куйбышевской и Каховской ГЭС, он закономерно переходит к поэтическому рассказу о самих стройках и их героях (стихотворение «Краса-

вещ степной», «Дороги к коммунизму». «Первомайская песня» и другие).

Побратались две великие русские реки Волга и Дон, сошлись, как два друга на общей дороге к счастью, и «степной красавец» Волго-Дон позволил кораблям «принять на широкие плечи» еще больше народных богатств, ускорить путь народа к изобилию. Поэт видит, как «благодатное мирное лето изобилье несет по стране», как «все ясней наши зори горят» и все шире становятся дороги к прекрасному будущему (стихотворение «Дороги к коммунизму»).

С темой социалистического труда в поэзии А. Благова связана тема борьбы за мир. В стихотворении «Мы строим коммунизм» на примере тружеников родного города он показывает «единство масс в борьбе за дело мира». С той же темой мы встречаемся и в стихах «Наша правда крепка», «Оплот мира», «Слово ткачихи», «Ответ поджигателям войны» и др.

Так старейший поэт-ткач и сегодня активно включен в жизнь советского народа. Несмотря на преклонный возраст, он работает много, плодотворно и чувствует себя молодо («За плечами жизни осень — в сердце двадцать весен»). Источником молодости для него является поэзия. Поэзия А. Благова отличается исключительной скромностью, непритязательностью манеры письма. Стих его подчеркнута незатейлив, по-рабочему обыденно прост. Эту стилистическую особенность поэт декларировал еще в ранний период своего творчества:

Под голубым покровом ночи
Не собирался я творить,
Хотел я просто как рабочий
С рабочим другом говорить.

Отказ от поэтических ухищрений, условностей и «красот», стремление к максимальной простоте поэтического языка характеризуют его творчество.

Но поэзия А. Благова не лишена и недостатков. В некоторых его стихах можно столкнуться с монотонностью, недостаточной выразительностью словесных и ритмических средств. Декларативными выглядят отдельные его стихотворения о новаторах производства, о борьбе за мир, например, «Идти вперед», «Победы знамя понесут народы», «Слава труду — созидателю жизни» и др.

В лучших своих произведениях А. Благова достигает,

однако, истинной поэтичности и такой простоты, отточенности стиха, что строки его звучат с афористической выразительностью. Например:

Побеждающий труд пятилетки
Молодые поднимет сады.
«Молодые сады зацветут»

В послевоенные годы продолжает плодотворно работать и другой ивановский поэт старшего поколения Д. Семеновский.

В предшествующий период он неизменно выступал как проникновенный певец жизни, труда, созидания, как поэт-гуманист, воспевающий красоту души нового советского человека. Поэтому так естественно и закономерно обращение к теме труда и созидания и в его послевоенной лирике.

Радостное воскрешение всех животворящих сил земли, пафос творчества, обновления, красоту труда, делающего нашу Родину еще краше, хорошо передает Д. Семеновский как в первой своей послевоенной книге «Радуга», так и в последующих стихах, опубликованных в газетах и журналах. Стихотворение «Радуга», определившее название сборника, проникнуто светлой, красочной, праздничной атмосферой. Поэт рисует живописный пейзаж мирной цветущей жизни, наступившей после военной грозы:

Утихла гроза — и над лугом крутая и
Высокая радуга ярко цветет.
Взлетает над ульем пчела золотая,
И по полю пахарь за плугом идет.

Ярко выписана им картина строительных работ, ведущихся бывшими воинами с той же энергией и энтузиазмом, с какими они воевали на фронте. Идет восстановление «гвардейцами труда» — советскими людьми — сгоревшего во время войны села, закладываются основы для высоких урожаев. И в этот труд народа вливается труд самого поэта, — недаром он прибегает к сугубо «писательским» образам, сравнивая пашню со страницей, борозды со строчками и т. п.—

Четыре гвардейца с военной сноровкой
Стругают, долбят от зари до звезды.
Владеют они топором, как винтовкой,
В работе упорны, в невзгоде тверды.

Лежишь ты, колхозная пашня, страницей
В цветочных заставках и строчках борозд.
Те строчки зашепчутся спелой пшеницей,
Дадут ячменю длинноусому рост.

Д. Семеновский создает зримую красочную картину восстановительных работ, по своему идейно-художественному смыслу близкую к лучшим образцам советской поэзии.

Поэт отлично чувствует животворящую сущность мирного восстановительного труда. Характерно в этом плане его стихотворение «Возрождение», рисующее праздник обновления, плодоносного цветения родной земли, когда «семени просит мать-борозда», «трактором грезит мирная тишь», и «каждая ветка старого сада первых листочков молодо ждет».

Тема труда приближена Д. Семеновским к действительности текстильного края. В ряде стихов он говорит о новаторском труде ивановских ткачей (стихотворение «Мечта», «За работой»), в других — о красоте хорошоющего, преображающегося родного города и родного края. При этом местная, областная ограниченность поэту чужда, в труде земляков он подмечает типичные, характерные для всей страны черты. Девушка-ткачиха, работающая на одной из ивановских фабрик, хочет «дать деревне и городу ткань такой красоты, чтобы все нарядились, словно в поле цветы» (стихотворение «Мечта»). В росте и преображении родного города поэт видит всесоюзный размах, отмечая, как хорошоющий «рабочий город... стал и вправду уголком **Москвы**» (стихотворение «Первый трамвай»).

Большие и серьезные вопросы о творческой сущности труда Д. Семеновский решает и в поэзии для маленьких, в произведениях для детей (особенно стихотворения «Воскресник», «Зеленые друзья», поэма «Ванина рубашка» и др.). В этих произведениях поэт зовет детвору «помочь медлительной весне» в деле обновления природы, беречь леса, зеленые насаждения.

Примечательна маленькая поэма «Ванина рубашка», впоследствии давшая название отдельной детской книжке. В форме диалога матери-швеи с ребенком, интересно, занимательно, без ложной назидательности, Д. Семеновский рисует процесс превращения хлопка в ткань, раскрывает ребятам большой окружающий их мир созидания, приобщает детей к творчеству, к труду.

Сегодня, когда советская школа нацелена решениями партии на трудовое обучение и политехнизацию, стихотворение Д. Семеновского, в художественной форме знакомящее детей с производством, из факта литературного становится фактом общественно-педагогическим.

Щедро откликается поэт на актуальную тему борьбы за мир, но не всегда с одинаковой поэтической силой. Стихи в форме прямого публицистического высказывания не очень-то удаются ему, по сути своего творчества мягкому лирику. Иногда идея просто декларируется поэтом, без каких-либо попыток ее образного решения. Таковы, например, стихи «Мы — за мир»:

Мы — за мир. Нам война не нужна.
Не затем мы сады насаждаем,
Не затем города созидаем,
Чтобы их истребила она.
Мы далеким векам
Завещаем свой труд.
Наши дети для жизни
И счастья растут.

Простота в данном случае не выступает родной сестрой поэзии, она скорее приближается к упрощению. Однако тему борьбы за мир Д. Семеновский умеет решать и иначе. В стихотворении «Под южным солнцем», рассказывая о своей поездке в мирный послевоенный Крым, он переплетает два контрастных лирических мотива. Следам недавней войны в виде разрушенных станций, воронок и могил автор противопоставляет живую, обновляющую, плодоносящую душу природы, «дух созидания», который повсюду господствует и торжествует на советской земле. Отсюда — путь к мысли о непобедимости идей мира. Непобедим этот «полуденный сад виноградный», это «синее диво» — море, непобедима природа, неодолим советский человек — созидатель и миролюбец. Так, у Д. Семеновского органически соединяются две сквозных темы его послевоенного творчества — тема труда и тема мира. Можно отметить в качестве удачной поэты стихотворение «Улица мира», несущее определенное обобщение, образную поэтическую мысль, и некоторые другие стихи Сталинградского цикла, в которых идея борьбы за мир конкретизируется лирическим восприятием труда, показом небывалого по размаху строительства (восстановление города, Волго-Дон, Сталинградская ГЭС).

Книги А. Благова и Д. Семеновского, издающиеся в Москве, являются одним из показателей растущего значения творчества областных поэтов, вносящих свой вклад в советскую поэзию. Об этом же свидетельствуют и произведения М. Дудина, В. Полторацкого. Они давно уже не живут в родном крае, но не утратили духовных связей с ним. Недаром книги стихов «Доброе утро» В. Полторацкого и «Избранное» М. Дудина вышли недавно в Иванове.

В восприятии мирного дня страны у обоих поэтов много общего. Общность их поэтического мироощущения отражается и в заглавиях и в пафосе отдельных произведений. Чувства, выраженные М. Дудиным в стихотворении «Утро», которым открывается сборник, и в его книге «Семья», словно подхватываются В. Полторацким в «Добром утре». Поэтической формулой обоих поэтов можно считать стихи М. Дудина.

Тебя не ждет
Оконченное дело.
Одним воспоминаньем жить нельзя,
А новый день трубит над миром смело,
Большой зарей по корпусам скользят.
Он праздничен,
Он грозен и обыден,
Со всех концов земного шара виден.

Именно это большое и доброе утро пробуждающейся в мирном труде страны, заря огромного дня стройки, обновления, созидания, занимающаяся над любимой Родиной и видная всему миру, питают все лучшее в творчестве и М. Дудина и В. Полторацкого.

Краски у обоих поэтов светлы, прозрачны, словно взяты у солнца, у вольных просторов, и вместе с тем празднично яркие, величавы. Их взгляд на мир чист и радостен. Восприятие жизни по-настоящему свежо и молодо. В результате этого и создаются ими широкие картины Родины, строящей и созидающей, уверенно глядящей в завтрашний светлый день коммунизма, Родины, сражающейся за мир и ведущей за собой все народы.

На земле этой Родины счастливо трудятся советские люди, по самому складу характера своего творцы, преобразователи, созидатели жизни. Их духовный облик глубоко человечен. Поэтому к свободному и счастливому советскому человеку тянутся сердца тружеников всего мира. Иностранцы моряки из «Баллады о Светлом бе-

реге» В. Полторацкого видят в Советском Союзе «светлый берег» счастья, над которым встает «светлое утро земли». Чистый воздух этого утра одинаково вдыхают и негр и белый, ибо это воздух великой свободной Родины трудящихся всего мира.

Возникает прочная братская дружба народов, охваченных общим стремлением сохранить мир на земле. Дружат парни с Темзы и с Волги, и дружбе их нет преград и границ:

Дружба шире океанов,
Выше звездного простора,
Крепче звонкого железа.
Зеленей весенних трав.

В. Полторацкий «Дружба»

Раскрывается величавая правда века о трудовом человеке — подлинном хозяине жизни и всех ценностей на земле. Идеи социализма и коммунизма, воплощаемые в советской стране, обретают все новых и новых сторонников на нашей планете, притягивают к себе трудящихся всего мира:

Хозяин земли — трудовой человек,
Французский горняк, героический грек,
И негр из Техаса, и русский шахтер,—
За правду народа вступающий в спор,—
Все чаще и чаще врагам говорит,
И слово его динамитом гремит.
Сквозь дробь пулеметом и пенью свинца,
К великой борьбе окрыляя сердца:
«Считайте меня коммунистом!»

М. Дудин. «Считайте меня коммунистом»

Надежной гарантией мира является не только созидательный труд советских людей и добрая воля трудящихся всей земли. Такою гарантией служит и готовность социалистического человека с оружием в руках отстаивать свои завоевания, оборонять мощь советской Родины. Тему бдительности оба поэта органически включают в тему созидательного труда. Бывший поэт-воин М. Дудин от имени всех фронтовиков уверенно заявляет:

Леса новостроек,
Мосты и прогоны
Мелькают огнями
В предутренней мгле.
Меж старых стихов
Полевые погоны
Хранятся на случай
В рабочем столе.

Источником лучших достижений М. Дудина и В. Полторацкого в их послевоенном поэтическом творчестве является коммунистическая партийность, органическая включенность их в дело партии и народа. Об этом хорошо сказал М. Дудин в «Обращении к Кавказу»:

В поэзию входит
партийная страсть,
В партийное дело —
поэзия!

В то время, как некоторая незначительная часть поэтов после 1953 г., неправильно восприняв борьбу партии против культа личности, поддалась обывательским настроениям и ревизионистским тенденциям, оба поэта-земляка сохранили чистоту идейных позиций. Знаменательно в этом смысле стихотворение В. Полторацкого «В пути», изображающее тех, кто «по целине, в метель и стужу, не укорачивая шаг», идет большой дорогой жизни, творческого труда и борьбы. Автор резко выступает против растерянности и скептицизма, против робких и малодушных, которые устают в пути, сворачивают на «узкие тропки» и на «постоялые двory». «Нас не влекли иные дали к иным немеркнущим огням» — гордо заявляет поэт и указывает на верный компас — идеи партии, идеи ленинизма, которые ведут вперед его товарищей и всю советскую поэзию:

Мы не упали на колени,
Друзья мои, — идем вперед!
Живой, неугасимый Ленин
К заветной цели нас ведет.

В этих строках он еще раз напомнил о том большом и главном, что всегда жило в его груди и в груди его поэтических соратников, от имени которых он заявлял еще раньше в «Слове о бойце»:

Нам революция дала
Винтовку и клинок,
Нас правда Ленина вела
В грозу больших дорог.

**
*

В послевоенный период значительных успехов добились многие ивановские поэты, выступавшие еще в годы войны. Наряду с ними в поэзии края появились новые

имена. Часть молодых поэтов еще делает только свои творческие заявки, а о некоторых можно сказать, что они не только эти заявки сделали, но в известной мере их уже оправдали.

Как же решали основные темы послевоенного времени представители поэтической молодежи текстильного края?

Одной из тем всей советской литературы этого времени была тема возвращения воина, бывшего фронтовика, к мирному восстановительному труду. Она зачастую решалась в плане разоблачения иллюзий о том, будто военная слава может дать возможность человеку почтить на лаврах, освобождает его от активного участия на новом этапе в героическом труде (например, роман «Счастье» Павленко, поэма А. Недогонова «Флаг над сельсоветом» и др.).

Нужно было преодолеть у некоторых людей настроения самоуспокоенности, парадного благополучия, упоения славой и зажечь в них новый огонь творческой энергии и дерзания, ибо дело восстановления разрушенного войною народного хозяйства и дальнейшего подъема мирной экономики страны требовало не меньших усилий и напряжений, чем титаническая борьба с фашизмом на фронтах.

Советская литература в целом и поэзия, в частности, с честью справились с этой задачей.

Верную постановку темы возвращения бывшего воина к труду мы находим и в стихах поэтов-ивановцев. Особенно показательны в этом отношении: «Возвращение», «Песня о герое» — Л. Кудрина, «Другу-артиллеристу» — В. Жукова, цикл «Великие будни» и стихи сборника «Встреча с друзьями» — И. Дружинина и др.

Общим для идейного содержания всех этих произведений является жажда труда, стремление к активной деятельности, творческое беспокойство и горение, дух неуемного дерзания и новаторства. Но, конечно, каждый из поэтов рассказывает об этом по-разному, заостряет внимание на различных сторонах одной и той же проблемы.

Опытный поэт М. Бритов отлично передает чувства истосковавшегося по работе воина, находящего сладостное удовлетворение в мирном труде и вместе с тем моби-

лизационно собранного, не благоденствующего, не ищущего покоя:

К работе мирной всей душой рвались,
В походах тосковали о работе.
Иными помыслами души налились,
Изгладились военные заботы.
Струится под резцами стали стружка,
Раскинулись поля равниною морскою.
Война окончена,—

Пусть не грохочут пушки,
Но рано думать о покое.

Мирный труд поэт воспринимает как горячий бой, славя гвардейцев поля и станка.

Эти же идеи по-своему выражают и поэты молодого поколения. Л. Кудрин прославляет бывшую медсестру, которая после войны становится передовой ткачихой, завоевывает большую трудовую славу (стихотворение «Песня о герое»).

В. Жуков рисует фронтовика-артиллериста на привычной, знакомой работе ткацкого мастера:

Из пушкарской грозной части
В цех, к которому привык,
Вновь вернулся ты на счастье —
Не пушкарь, а ткацкий мастер,
Ныне — бывший фронтовик.

Тему восстановительного труда решает в сборнике своих стихов «Встреча с друзьями» и поэт-ивановец И. Дружинин. В цикле «Великие будни» он сурово и просто повествует о больших делах фронтовиков, ставших строителями. Поэт рассказывает о строительстве нового города (стихотворение «Утро нового города»), о солдате-сапере, человеке, идущем всегда впереди, который теперь просиживает всю ночь над чертежами новых домов (стихотворение «Сапер»), о бойцах-автоматчиках, ставших лесорубами в сибирской тайге (стихотворение «Старый знакомый»), о солдата-гвардейцах, прокладывающих в дремучих лесах новые магистрали пятилеток (стихотворение «Дорога»).

По-рабочему суров, внушителен и строг портрет его лирического героя-труженика в армейской ушанке, с четким шагом солдата:

...Идут облака ниже сосен.
Стволы не охватишь вдвоем.
Узорен, красив и морозен
Сибирской зари окаем.

Но холод гвардейцам в привычку.
На склоне горбатой горы
С утра заведут перекличку,
На солнце блестя, топоры.
И первым идет по делянке,
Солдатский печатая шаг,
Высокий, в армейской ушанке,
С искрою задорной в глазах.
Обветрены твердые губы,
Движенья быстры и легки.
И я узнаю лесоруба
По хватке,
по взмаху руки.

На ту же тему, что и И. Дружинин («воин на стройке и в труде»), писали многие ивановские поэты.

Воины, ставшие строителями, понимают, какое значение имеет трудовое новаторство советских людей не только для Родины, но и для всех стран лагеря социализма. Они трудятся так,

Чтоб к трудовой, большой, крылатой славе
Подняться по строительным лесам,
Чтоб в Праге, Будапеште и Варшаве
Все каменщики подражали нам.

Н. Говорков. «На лесах»

От темы возвращения война к труду молодые поэты переходят к широкому показу восстановительных работ и послевоенной стройки, к изображению созидательного труда народа. Появляется ряд хороших стихов о труде заводских рабочих и строителей, нередко земляков-ивановцев. Например, «Дружба» А. Фролова, «Утро Родины» Л. Кудрина, «Девушка с завода «Торфмаш», «Рама» С. Юрова, «Красковар» (о раклизе) В. Воробьева, «Малляры», «Высотник», «Лесорубы», Н. Грачева, «Сон ткачихи» М. Норкина.

Много пишут молодые ивановские поэты о новостройках пятилеток, о строительстве энергетических гигантов и каналов на Волге, на Дону, у Каховки (стихотворения «Каховка» И. Мартыанова, «Будет море» С. Юрова и др.), о покорении пустынь, орошении безводных земель и лесонасаждениях (стихотворения «Растут леса зеленые» В. Курбатова, «Утро» Н. Грачева и др.), о поднятии целинных земель (стихотворение «Наследники» ИВ. Жукова).

Немало стихотворений поэты-ивановцы посвящают труду в послевоенной колхозной деревне, как-то: «Ко-

мандир колхоза» Л. Кудрина, «В поле» В. Герасимова, «Егор» Н. Грачева, «Ранняя весна» М. Норкина и др.

В отдельных стихах представители ивановской поэтической молодежи удачно раскрывают мироощущение советского человека 50-х годов, когда перед Родиной особенно зримо открылись светлые дали коммунизма. Возьмем, например, стихотворение «Высотник» Н. Грачева. В нем рассказывается о строительстве большого дома, об огромной стройке в стране. От единичных фактов поэт переходит к большому обобщению. Он показывает людей, работающих не только на высоте возводимых зданий, но и отвечающих высоким современным требованиям жизни. С этой высоты в «простор соколиный» несет «широкая песня работ», свершающихся во всех концах любимой отчизны. На новую высоту подымается и сам труд. И отсюда, с этой высоты еще яснее видится близкое счастливое будущее:

Стальные листы,
Рокоча, как литавры,
На тросах идут к небесам.
И мечется пламя по балкам двутаврам,
Такое, что больно глазам.
Но сварщик опустит щиток, как забрало
Скрепляя железный каркас,
На узкой площадке,
Забыв про усталость,
Забыв про обеденный час.
От каждого шва,
Что по дымчатой стали
Сегодня кладет он с душой,
Прекрасней становятся ясные дали
Просторов Отчизны большой.

Выросшее социалистическое сознание советского человека мы ощущаем в делах и мыслях ивановских ткачей, образы и труд которых поэтически изображены их земляками. М. Норкин рассказывает о дивном сне ткачихи, увидевшей Волго-Дон (стихотворение «Сон ткачихи»):

Разрешите вам поведать,
На досуге, дивный сон:
Снилось мне, что будто еду
Я каналом Волго-Дон.

Сон этот оборачивается явью. Своим трудом она активно участвует во всенародной стройке — строители канала носят платья из материи, сделанной ее руками.

Сам канал становится реальным путем, соединяющим ткачиху со всей страной. Она хочет поехать на одну из всенародных строек:

А еще могу поведать,
Только это уж не сон:
Скоро я в Каховку еду
По каналу Волго-Дон.

Не обязательно менять местожительство, чтоб участвовать в великих стройках коммунизма. Работница-новатор одного из ивановских заводов вместе с товарищами выполняет срочный и ответственный заказ для строительства крупной гидроэлектростанции, изготавливает экскаватор для Каховской ГЭС. И ее имя влетает в летопись трудовой славы наравне со строителями самого энергетического гиганта (стихотворение «Девушка с завода «Торфмаш» С. Юрова):

Но можно и, не совершая больших трудовых подвигов, скромно делать свое привычное дело и тем не менее украшать жизнь, поднимать ее на новую ступень, делать ярче и прекраснее, как это делает раклист — герой стихотворения «Красковар» В. Воробьева.

В стихах молодых поэтов края мы видим ивановцев не только работающими на фабрике, на стройке, но и помогающими стране по дальнейшему подъему сельского хозяйства, в освоении целинных и залежных земель. Так, например, В. Жуков в стихотворении «Наследники» с гордостью пишет о своих подросших на глазах юных земляках, отправляющихся на целину.

Реалистичны стихи молодых ивановцев о колхозной деревне. Выросшие в советскую пору, когда в жизни прочно утвердился колхозный строй, молодые поэты знают деревню не понаслышке, а по тому практическому опыту, в котором многие из них принимали личное участие. Поэтому в их стихах можно найти верные и реальные приметы современного села, полевых работ, полностью механизированных (стихотворения «Ранняя весна» М. Норкина, «В поле» В. Герасимова и др.).

Тема борьбы за мир, неотделимая от темы труда на заводах, стройках и в колхозах, встает во многих произведениях ивановских поэтов. Ей посвящены «Слово фронтовика» Н. Михеева, «Часовой мира» и «Корейский делегат» И. Мартьянова, «Мы за мир», «За нами милли-

оны» Л. Кудрина, «На вахте мира» С. Юрова, «Любовь» Н. Грачева, «Сыну» М. Норкина и многие другие.

Стихи эти порою излишне риторичны, композиционно рыхлы, недостаточно убедительны по изобразительным средствам поэтического языка. Но при всех этих недостатках, в какой-то мере оправданных молодостью их авторов, они сохраняют свое значение благодаря искренности чувств, в них выраженных. Ценность стихотворений молодых ивановцев на тему борьбы за мир заключается в стремлении художественно осмыслить каждым поэтом по-своему и по-своему выразить ведущие тенденции времени, дела, чувства и мысли людей социалистической эпохи.

Мы находим здесь и прямые публицистические высказывания, и лирико-повествовательный показ, и излияния чисто лирических переживаний. Л. Кудрин в стихотворении «Мы — за мир» от имени народа решительно заявляет:

Не позволим бандитам
Разжечь мировую войну!
Не позволим напасть
На любимую нашу страну!

И строки эти звучат как лозунг, как клятва, как заверение. В другом стихотворении — «За нами миллионы» — тот же автор лозунги и призывы соединяет с повествованием о народе — их носителе, с показом воли миллионов, охваченных могучим движением современности.

В. Жуков изображает борющийся за мир народ, используя традиции народного сказа. Так написано его «Против войны слово старого ткача Антона Иванова в день подписания Стокгольмского воззвания».

Н. Грачев в стихотворении «Любовь» в лирико-философском плане решает эту актуальную тему наших дней. Он задушевно говорит о всеобъемлющем и многогранном чувстве любви, которое движет всем прекрасным в жизни, вдохновляет на творчество людей труда, сторонников мира, и в конечном итоге питает все мощное движение борьбы за мир:

Как кристаллы, любовь многогранна,
Присмотришься и увидишь ее:
У горячих, как солнце, вагранок
И печей, где клокочет литье.
Нет, не вздохи — любовь, и не чудо,

И не сердце, попавшее в плен,—
Песни Робсона,
Строфы Неруды
И геройство француженки Дьен.

В стихотворении М. Норкина «Сыну» эта важная политическая тема раскрывается в форме ласкового в задушевно-лирического обращения к ребенку:

За окнами ночная синь
висит давным-давно.
В кровати спит счастливый сын
спокойным, крепким сном.
Спи, милый сын... Не быть войне!
Таких, как я и мать,
По всей земле, в любой стране
Считать — не сосчитать.

Молодые поэты текстильного края обладают драгоценным качеством. Они умеют быстро откликаться на важнейшие события дня. Когда советская страна впервые в мире запустила в космос два искусственных спутника земли, поэт В. Жуков тут же написал на эту тему хорошее стихотворение.

Если есть на свете марсиане —
Голубые нивы и поля,
Скрытая в серебряном тумане,
По ночам им видится Земля.
К сдвоенным гигантским телескопам
Припадает грудью астроном.
Азия, Америка, Европа
Мутным расплываются пятном.
Промелькнет Урал. А за Уралом
Душу растревожит даль и ширь.
В баснословном взлете интегралов
Еле умещается Сибирь!
И не странно мне, что
марсианам
Не дает покоя шар земной:
Вкруг него все мчатся неустанно
Две Луны, помимо основной...
Трет затылок астроном лобастый,
Продираясь к звездочкам сквозь пыль,
Где бледнеют вымыслы
фантастов,
Сказки опрокидывают быль.
Неведомек ему,
Что вновь открытым
Рукотворным звездам дал разбег,
Прямо в космос бросил на
орбиты
Наш земной веселый человек!

С полным основанием можно утверждать, что тесная связь с жизнью народа на новом историческом этапе его существования, активное участие во всенародной борьбе за коммунизм определил содержание творчества молодого поколения поэтов текстильного края.

**
**

Обзор поэтической продукции ивановской литературной молодежи хочется завершить краткими очерками-силуэтами наиболее видных молодых поэтов, чей творческий облик в значительной мере выявился в книгах, выпущенных в 40—50-х годах.

В их ряду первым следует назвать безвременно умершего Ивана Ганабина.

В жизненной и творческой судьбе И. Ганабина много общего с судьбой Ал. Лебедева. Уроженец дер. Коломихи, он провел юные годы в Вязниках и Юже, затем с 1940 г. служил на Балтике — в Кронштадте, Либаве, Ораниенбауме и Таллине, участвовал в Великой Отечественной войне, публикуя стихи во флотской печати. Выход в море явился для него выходом в жизнь и в поэзию. Не случайно его книги называются «Первый выход» и «Дорога».

Любовь к морю сделала И. Ганабина, так же как и А. Лебедева, флотским поэтом, лириком-моряком. Его стихи и песни, верные спутники боев и походов, легко запоминались матросами, кочевали по кубрикам и палубам боевых кораблей.

По возвращении с войны И. Ганабин учился в Литературном институте Союза писателей СССР, затем с 1953 г. работал во владимирской газете «Сталинская смена». В 1954 г. он выпустил последний сборник своих стихов — «Избранное». Его короткая жизнь оборвалась 20 февраля 1954 года.

«Избранное» дает наиболее полное представление об этом талантливом лирике. Три тематических цикла — море и война, родные края, любовь — составляют содержание книги.

Цикл стихотворений И. Ганабина «Вспомним походы» целиком посвящен боевой теме, флотской и армейской. Здесь есть немало хороших стихов и песен о флоте, о море, о жизни матросов (стихотворение «Я флоту

очень благодарен», песни «Ой, ты море», «Утро у моря», «Над заливом дождик», «Песня о Кронштадте» и др.).

Море у И. Ганабина, как и у А. Лебедева, играет всеми красками, предстает в своей величественной красе. Но в отличие от А. Лебедева, И. Ганабин черпает краски не только у бескрайних морских просторов и волн, он умеет в красках моря отыскать ассоциации с земной полевой действительностью, с цветом глаз возлюбленной:

И брызг колючих мириады,
Хрустально-чистых, как слеза,
Напоминают росы сада
И чьи-то милые глаза.

Пишет И. Ганабин и о суровом армейском быте, о солдатах, погибших на войне (стихотворения «Его убили на войне», «Памяти однополчанина», «На братской могиле», «Солдатская песня», «Ехали солдаты» и др.). Трагическую тему гибели воина он решает глубоко оптимистически, в героико-патриотическом плане. Лучшим памятником погибшему воину является торжество советской нови, возрождение из пепла его родных краев, труд в МТС и в колхозе, возникших на пепелище (стихотворение «Памяти однополчанина»).

И. Ганабин влюблен в отчие края, горячо и самозабвенно он любит советскую Родину. Находясь в походе за пределами родной страны, он приходит к простому, но глубокомысленному выводу: «На земле обязаны все люди непременно Родину иметь» (стихотворение «На чужбине»). Такую родину имеет сам поэт. Второй раздел его книги составляет цикл «Отчий край», посвященный теме Родины и родного края. В первом же стихотворении этого цикла он по-своему воспроизводит поэтическую формулу Д. Семеновского «Мир — хорош», свидетельствующую о радостном мироощущении советского человека, о его счастье жить в родной стране:

Хорошо проснуться на рассвете —
Жизнь до удивленья хороша.

Светлое праздничное настроение поэта и его лирического героя рождается из обычных будничных дел и вещей, потому что в них повседневно светится новое советское солнце. В стихотворении с простым и многозначительным заглавием «Начало обычного дня» поэт говорит:

Все это и не ново,
Да мило всякий раз;
Отлично, право слово,
Жизнь движется у нас!

Житейски просто и обыкновенно, подчеркнуто обыденно пишет И. Ганабин о больших и волнующих вещах, например, о стройке, о восстановительном труде советских людей после войны. Силу и прелесть его стихам придает заложенное в них большое человеческое чувство, неистощимая вера в советского человека. Таково стихотворение «Дом строят». Постройка-то еще и не началась. Ничего нет. На месте пепелища от сожженного войною села висит пока что маленький скворешник. А мы уже видим большой просторный новый дом—такова уж воля советских людей-созидателей:

Смолою пахнет...
Облака
Весенний ветер грудит...
Здесь дома нет еще пока,
Но люди есть: он будет.

И. Ганабин хорошо усвоил завет А. М. Горького — рисовать «чудеса будних дней», внушительно рассказывать о «маленьких людях и их великой работе». В стихотворении «В электричке» он зримо показывает, как «обыкновенный и великий въезжает пригород в Москву».

Среди стихов поэта о Родине, о труде немало поэтичных строк посвящено родным местам, Юже, которая для поэта — «самый близкий сердцу район» (стихотворение «Письмо в Южу»). В другом стихотворении «Песня о Юже» он проникновенно пишет:

Город родной
Всюду со мной,
С сердцем моим он дружит.
Всюду они
Светят огни
Маленькой тихой Южи.

Лирик и песенник по складу таланта, И. Ганабин много писал и о любви. Этой теме в «Избранном» отводится цикл «Давно ли ты меня ждала», в котором особенно хороши стихи «Признание», «А все случилось очень просто», «Давно ли...», «Весна без тебя», «В разлуке», «Сердце». О большом и всепроникающем чувстве поэт говорит тихо, со светлой грустью и ласковой заду-

шевностью и всегда взволнованно, проникновенно. Любимое чувство в его стихах всегда свежее, цельное, тема любви выступает в сочетании с темой верности.

И. Ганабин был хорошим, одаренным лирическим поэтом. Его стихи, не лишённые боевых и энергичных слов и интонаций, в то же время характеризуются подлинной мелодичностью, напевностью.

Самобытным поэтом края является Владимир Жуков, автор книг «Солдатская слава», «У меня на Родине», «Светлый путь», «Сквозь радугу». В. Жуков формировался, как поэт-солдат, на фронте. Это определило его творческий облик. Основные темы стихов В. Жукова — боевая слава, солдатская доблесть, мужество борьбы. С ними он не расстается и в мирное время, даже в стихах для малышей (книга «Игрушечных дел мастер»). Но и там, где поэт пишет о мире, о стройке и труде (а эти темы в последних его произведениях явственно обозначились), он остается поэтом боевого склада по языку и по интонациям. В этом смысле В. Жуков тяготеет к таким поэтам, как А. Сурков и К. Симонов.

Первая книга В. Жукова, как явствует из ее заглавия, почти всецело посвящена теме солдатской доблести и славы, фронтовому, армейскому быту. Со знанием дела воспроизводит поэт боевую обстановку, характерные приметы и детали сурового солдатского бытия. Для этого он подыскивает энергичные и веские слова, напряженные, порою даже чрезмерно усложненные и утяжеленные интонации, как например:

Ожесточенная ненависть звала
Не ждать рассвета, грохота орудий
И, делая упругими тела,
Оторвала от снега наши груди.

Глазами солдата поэт смотрит и на природу, подмечая в пейзаже черты военного времени.

В первой книге В. Жукова были серьезные недостатки. Ей порою не хватало должной отобранности словесного материала, а громоздкий, нарочито прозаизированный синтаксис нарушал ритмическое звучание, затруднял восприятие стихов.

Полнее выявился облик поэта в его второй и третьей книгах. Сборник «У меня на Родине» открывается программным стихотворением «Современнику». В нем нарисован типичный образ боевого сверстника поэта. Годы

труда и боев открыли этому современнику необъятные дали, его победами гордится весь мир, по пути, им проложенному, пошли многие народы:

Не беда, что все некогда нам отдохнуть,—
Нам шагать и шагать в лучезарные дали.
Оглянись, современник, на пройденный путь,
Дух захватит, какой мы конец отмахали!
Дух захватит, каких мы достигли высот!
Оглянись, посмотри на свершенное нами:
Полпланеты в фарватере нашем идет,
На полсвета полощется алое знамя!

Широким взглядом окидывает В. Жуков свершенное и свершаемое, размашистым росчерком повествует он о героике боев и труда. К народу поэт идет со страстным партийным словом, утверждая, что «сильней во сто крат грозных атомных бомб непреложная правда марксистских идей».

Многие из стихов второй книги В. Жукова снова повернуты к забываемым дням войны, навеяны героикой фронтовой действительности (стихотворения «После отбоя», «Я городов не помню», «Начало», «Дорога мужества», «Старые окопы», «В траншее», «В Восточной Пруссии» и др.). В этих стихах ощущаются боевые традиции далекого и близкого прошлого — например, воспоминание о славном Брусиловском прорыве (стихотворение «Старые окопы»), о героических боях с белофиннами (стихотворение «Дорога мужества»), о боевом наследстве, революционном духе отцов, который живет в подвигах советских воинов, преследующих врага, идя на Запад (стихотворение «В восточной Пруссии»). В них — нетерпеливый порыв советских бойцов, освобождающих свою любимую Родину от фашистских захватчиков (стихотворение «Зов Родины»):

Пусть крест тяжел и труден подвиг ратный
На обгаренных кровью горных склонах,
Я с камня встал и повернул обратно
К окопу от второго эшелона.
А на рассвете, не дождавшись знака,
Внимая зовам молодого ветра,
Поднялся я, разгневанный, в атаку
И к родине стал ближе на сто метров.

Бой и труд в стихах В. Жукова сливаются воедино. Он пишет о ратном труде богатырского советского человека, воина и труженика, такого, например, как его зем-

ляк с Волги, который, «как избу, кряхтя рубил блиндаж» (стихотворение «Волгарь»), о ткацком мастере, ставшем пушкарем (стихотворение «Другу-артиллеристу»).

От воспоминаний о боях и походах В. Жуков переходит к показу своих героев-солдат на стройке, в труде по восстановлению родной страны. Такие стихи образуют вторую сквозную тему его книги «У меня на Родине». В трактовке этой темы поэт — бывший фронтовик — по-прежнему остается воином, бойцом.

«С выстрелом последним вернулись мы к строительным лесам», — пишет он однополчанам в стихотворении «Открытое письмо». Поэт рисует фронтовое братство в труде, он показывает «передний край» стройки. Соответственно выглядит и образная структура его стихов: в метафорах и сравнениях наблюдается перенос военной терминологии на мирные, штатские предметы и вещи. Ветерок осмысливается поэтом как «связной из бывалых солдат», помощь друзьям в труде называется «подбавить огня», о трудовых достижениях люди докладывают, как в штабе полка (стихотворение «Голоса на ветру»).

В. Жуков славит беспокойных мужественных людей, обладающих «качествами бойца и коммуниста» — ясностью цели, стойкостью, железным мужеством, творческим горением (стихотворение «Открытое письмо»), людей, которым «по нраву... вечный транзит» (стихотворение «Лишь темная ночь и свистки паровоза»). Это люди, которым отчетливо будущее видно:

С лесов послевоенной пятилетки
Нам всем сегодня виден коммунизм.

В третьей книге стихов В. Жукова еще полнее раскрывается «светлый путь» страны. Изображение стройки, труда дополняется здесь описанием новых замечательных дел: сражений с пустыней, орошения засушливых земель, создания новых морей и каналов. Обращается поэт и к теме героико-революционного прошлого, и к теме дружбы народов. Трогательно рассказывает он о сердечной трудовой дружбе ивановских ткачей с узбекскими хлопкоробами, «братьями по сердцу и делу» (стихотворение «Встреча»).

В сборнике «Светлый путь» почти нет стихов на фронтовую тему. Но поэт не перестал быть солдатом в раз-

вернувшейся борьбе с вражеской идеологией, в обличении империалистов, поджигателей войны.

След, оставленный в его сердце минувшей войной, неизгладим, боевая закалка крепка, и он, как и весь народ, умеет хранить порох сухим:

Догорит с годами по кюветам
Даже орудиейное литье.
Многое забудется, но это
Никогда не канет в забвенье.
Будешь ты на Волге иль на Тезе,
В городской иль сельской стороне,
Полоснет по сердцу скрип протеза,
Как напоминанье о войне.
И весь путь от самого начала
Вновь пройдешь ты с ротой до конца,
Вспомнив о природе капитала.
И необходимости свинца.

Вышедший в 1958 г. сборник стихов В. Жукова «Сквозь радугу» говорит о новых поисках и новых возможностях поэта. Усиливается лирическая — пейзажная и любовная — линия (цикл «О любви, о весне и осени»). Но лирика В. Жукова не утрачивает, а все более закаляет свой героико-патриотический характер. В цикле с довольно интимным заглавием меньше всего отвлеченных любовных воздыханий и простого созерцания природы. Свою любовь поэт отдает партии, Родине, народу. И если он рисует пейзаж, то не иначе как в связи с теми огромными переменами, которые происходят после исторических решений Пленумов ЦК КПСС. Таковы стихи «Август», «Письмо в деревню», «Февраль этого года».

Поэт славит партию, спаянную ленинским единством, открывающую перед народом новые горизонты, рисует образ коммуниста, всегда идущего в авангарде труда и борьбы (стихотворения «Великое единство», «Партийный человек»).

Интересны стихи В. Жукова о покорении целины (стихотворение «Наследники») и запуске искусственных спутников (стихотворение «Если есть на свете марсиане»). Своеобразно решается им целинная тема. Она связывается с идеей преемственности героических поколений. Едущие на целину ребята — родные по крови и по духу тем, кто громил фашизм и строил заводы. Стихи о спутнике пронизаны величавой гордостью и радостью поэта за необыкновенные достижения советской науки, за изу-

мляющего весь мир советского человека, за нашу любимую Родину.

Конечно, не всё одинаково удачно в исканиях поэта. Иные из стихов его не лишены налета риторичности. В других фактографичность и описательность, статистика и перечислительность уведут в сторону от образных решений задачи и поэтических обобщений (стихотворение «Письмо в деревню»). В-третьих, конкретные приметы нашего времени недостаточно прояснены, и об исторических мероприятиях партии по реорганизации МТС можно только смутно догадываться по заголовку — «Февраль этого года». В некоторых случаях поэт эксплуатирует чужие образы, например, в заключительной строфе стихотворения «Великое единство», первая строка взята на прокат у А. Твардовского, а последняя — у С. Щипачева.

Но все это частности, хотя и досадные. В общем же поэт идет по верному и плодотворному пути.

Составляющий вторую часть сборника цикл «Была война», в который вошли доработанные стихи прежних лет, свидетельствует о неутраченном интересе поэта к военной теме, с которой он входил в поэзию.

В послевоенные годы разворачивается и творчество Игоря Мартьянова. Он выпустил две книги стихов: «Мои товарищи», «Часовой мира». В первой книге его стихов имеется цикл «Из фронтовой тетради», но основу ее все же составляют стихи «За мирный труд». Эта тема всецело определяет лицо второго сборника. И. Мартьянов предстает, таким образом, в основном как поэт мира и труда.

Публицистические интонации в стихах И. Мартьянова не отличаются самобытностью. Отвлеченность и риторичность снижают изучение ряда его произведений. Но сильную сторону поэта составляет теплый душевный лиризм, которым он умеет окрасить и боевую тему. Так, например, решение темы смерти советского воина в стихотворении «У русской могилы».

Тихо, тихо склонились клены.
Желтый холмик у самых ног.
Преодо мною совсем зеленый
Неосыпавшийся веноч...
От поселка дорожкой узкой,
Мимо заспанного пруда
Ходят чехи к могиле русской,
Дети носят цветы сюда.

Поэт рассказывает о своих боевых товарищах, их быте, выражает чувства и мысли фронтовиков. Но еще большее его внимание привлекают молодые сверстники на фронте мирного труда: текстильщики и трактористы, токари, лесорубы, полеводы. Их одухотворенность трудом, их радость и счастье в работе стремится лирически запечатлеть И. Мартьянов. О молодой работнице из ситцепечатного цеха (стихотворение «Девушка из печатного цеха») он пишет, обращаясь к ней ласково, задушевно, как к другу:

В окнах — солнце.
Цехом, словно лугом,
Ты идешь походкой молодой,
Пахнет здесь не красками, а югом,
Яблоней, ромашкой, резедой.
Расцветают ландыши на ситце,
За цветком рождается цветок...

Это стихотворение заставляет вспомнить «Ивановский ситец» А. Благова.

Радуют взор поэта новостройки, новые корпуса и жилые дома, и он не может не оценить того, как «красив наш город-труженик» (стихотворение «Новый дом»). Довольные улыбки видит он на лицах советской детворы (стихотворения «Будут жить счастливо дети», «Дворец пионеров»).

Немало стихотворных строк во второй своей книге И. Мартьянов посвящает труженикам современной колхозной деревни, их работе, общественной деятельности. Изображает поэт и того, кто стоит на страже счастливой жизни советских людей, на страже мирного труда. Это советский воин — могучий часовой мира, олицетворением которого является известная скульптура солдата в Берлине, в Трептон-парке. Она-то дала заглавие стихотворению и всей книге:

Встал он здесь,
Отлитый из металла,
Смелый воин,
Мира часовой.

В стадии исканий находится молодой поэт Л. Кудрин. Он пишет стихи о небывалых переменах в жизни рабочего герода Иванова, о его прошлом и настоящем, о славных революционерах Фрунзе и Фурманове, о чудесных фабриках-дворцах («В родном городе»).

Это по преимуществу стихи для детей. Его детские книжки «Как строили дом», «Живые игрушки» уже завоевали симпатии маленьких читателей текстильного города.

Л. Кудрин умеет приблизиться к детской психологии, говорить с детьми доступным им языком. Он оживляет перед детворой времена года (стихотворение «Что в моем календаре»), мир игр и игрушек (стихотворение «Живые игрушки»), щедро знакомит детей с многообразным живым и растительным миром (стихотворения «Ёлка», «Дружные звери»). Вот, например, строки из «Ёлки»:

Зайка лапки в шубку прячет,
Бедный зайка чуть не плачет:
— Я замерзну, ой, ой, ой!
Зайке холодно зимой.

А в «Живых игрушках» рассказывается, как «три поросенка сбежали с обложки, в пляске мелькают их толстые ножки», как «встала мартышка с пуховой подушки, крошку-матрешку толкнула плечом, в серую кошку швырнула мячом».

Все эти веселые рассказы о забавных вещах не бездумны, не самоцельны. Автор не только расширяет представление детей об окружающей жизни, но и воспитывает в них высокие моральные качества. Так, в «Дружных зверях» он проводит идею дружбы и товарищества, внушает детворе правила культурного поведения. А рассказ о детских играх незаметно превращается в повествование о мире, труде и творчестве (стихотворение «Дети играют»).

Детские стихи Л. Кудрина забавны, остроумны. И поэт не случайно все больше и больше ищет себя и в поэзии для взрослого читателя в области сатиры и юмора.

Об этом, в частности, свидетельствует его сборник «Не в бровь, а в глаз» и стихи в «Крокодиле».

**
**

Мы охарактеризовали творчество лишь некоторых, наиболее видных поэтов-ивановцев.

Ряды поэтов текстильного края неизменно расширяются и растут, их деятельность становится все заметнее.

В последние годы все слышнее голоса Н. Часова,

В. Догадаева, А. Касаткина, Г. Серебрякова, А. Пряникова и других. Некоторые из них уже имеют свои книги, другие активно участвуют в коллективных сборниках. Их стихи появляются на страницах столичных журналов и газет, что с непреложностью свидетельствует о растущем значении творчества так называемых «областных» поэтов.

Из хронологического обзора поэзии текстильного края с 90-х годов прошлого столетия до нынешних дней видно, что ивановцы насчитывают немало способных поэтов, которые в совокупности своей составляют заметный огряд всесоюзной поэзии.

Творчество этих поэтов всех поколений формировалось и зрело в тесной связи с исторической действительностью страны и края. Оно отражает все основные и важнейшие этапы в жизни трудящихся нашей страны и является важным средством коммунистического воспитания.

2 р. 85 к.

ИВАНОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1959

